

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ

✧
Жены и дочери
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Зарубежная классика (АСТ)

Элизабет Гаскелл

Жены и дочери

«Издательство АСТ»

1866

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гаскелл Э.

Жены и дочери / Э. Гаскелл — «Издательство АСТ»,
1866 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133396-6

Дочь провинциального врача Молли Гибсон – девушка весьма неглупая и наблюдательная (качества, безусловно, полезные в маленьком викторианском городке, где буквально у каждого есть свои скелеты в шкафу). Однако природная искренность и неизменная готовность помочь окружающим снова и снова ставят ее в сложное положение, особенно с тех пор, как началась ее дружба с новой сводной сестрой – красавицей Синтией, хранящей какую-то тайну, добродушным повесой из богатой семьи Осборном Хемли, которому тоже есть, что скрывать, и его младшим братом – молодым и подающим надежды ученым Роджером, который покорило сердце Молли, однако сам влюблен в Синтию...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133396-6

© Гаскелл Э., 1866
© Издательство АСТ, 1866

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	50
Глава 8	55
Глава 9	63
Глава 10	68
Глава 11	78
Глава 12	87
Глава 13	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Элизабет Гаскелл

Жены и дочери

© Перевод. Т.А. Осина, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Глава 1

Утро торжественного дня

Начнем с детской присказки. В стране было графство; в графстве был город; в городе был дом; в доме была комната; в комнате была кровать, а в той кровати лежала девочка. Она уже проснулась и очень хотела встать, но боялась невидимой силы в соседней комнате – некой Бетти, чей сон запрещалось тревожить вплоть до шести часов, когда она просыпалась сама – «как заведенная» – и весь день не давала покоя никому в доме. Раннее июньское утро радовало солнечным светом и теплом.

На комодe напротив маленькой белой кровати, где лежала Молли, возвышалась примитивная шляпная вешалка, а на ней висела шляпа, заботливо прикрытая от любой случайной пылинки большим хлопчатобумажным носовым платком. Кусок добротной ткани был настолько обширным и тяжелым, что если бы изделие отличалось особой нежностью и хрупкостью, то непременно бы «расплющилось» (еще один пример из лексикона Бетти). Однако шляпа была изготовлена из прочной соломы, а единственным ее украшением служила обвязанная вокруг тульи и спускавшаяся в виде тесемок простая белая лента. И все же внутри прятались маленькие аккуратные рюши, каждую складочку на которых Молли знала до единого стежка. Разве не она собственными руками, с невероятным старанием сделала их только вчера вечером? Разве не венчал рюши маленький голубой бантик – первое в жизни Молли поистине изысканное украшение?

И вот, наконец, часы на церкви плавно, мелодично пробили шесть раз, призывая жителей города встать и начать новый день, как делали уже сотни лет. Молли мгновенно вскочила, маленькими босыми ножками пробежала по комнате и приподняла платок, чтобы снова увидеть шляпу: залог радостного, праздничного дня, – а потом подошла к окну, с усилием открыла раму и впустила свежий утренний воздух. Внизу, в саду, роса на цветах уже высохла, однако дальше, в лугах, еще держалась на высокой траве. С одной стороны располагался небольшой городок Холлингфорд, на одну из улиц которого открывалась парадная дверь дома мистера Гибсона; там из множества труб уже начали подниматься хрупкие колонны и изящные завитки дыма: хозяйки встали и начали готовить завтрак для главы и кормильца семейства.

Молли Гибсон видела все это, однако думала о другом: «Сегодня будет прекрасный, прекрасный день! Как же я боялась, что он никогда не настанет или выдастся мрачным и дождливым!» Сорок пять лет назад ¹ детские радости в сельской местности были очень простыми, и свои долгие двенадцать лет Молли прожила без единого происшествия, способного сравниться с сегодняшним торжеством. Бедный ребенок! Потеря матери, конечно, стала тяжким ударом и повлияла на ход жизни, однако едва ли оказалась событием в том смысле, о котором шла речь. К тому же тогда по малолетству девочка еще ничего не понимала, а сегодня впервые предстояло принять участие в ежегодном фестивале Холлингфорда.

Разбросанный провинциальный городок одной своей стороной уходил в поля возле ворот обширного поместья лорда и леди Камнор – «графа» и «графини», как их называли местные жители. Горожане сохранили немалую долю феодальных чувств, то и дело проявлявшихся в мелочах, которые сейчас кажутся забавными, но в свое время обладали нешуточной важностью. Реформа избирательной системы еще не состоялась, однако среди нескольких живших в городе свободных и просвещенных землевладельцев то и дело возникали разговоры

¹ Э. Гаскелл помещает действие романа в прошлое. Основные события развиваются в конце 1820 – начале 1830-х гг. – *Примеч. пер.*

либерального толка. Больше того: в графстве обитала принадлежавшая партии вигов ² знатная семья, время от времени на выборах составлявшая конкуренцию Камнорам, которые выступали с позиций тори ³. Можно предположить, что упомянутые выше либерально настроенные жители Холлингфорда могли бы по крайней мере признать возможность голосования за мистера Хейли-Харрисона, который выражал их взгляды. Однако ничего подобного: граф владел не только поместьем, но и значительной частью земли, на которой располагался Холлингфорд, а потому жители городка кормили, одевали, лечили и до определенной степени уважали и его самого, и все его семейство. Деды их отцов неизменно голосовали за старшего сына дома Камноров. По давней традиции каждый обладавший избирательным правом мужчина просто слушался своего лорда и не задумывался о таких химерах, как политические взгляды.

В те дни, когда железные дороги еще не получили распространения, подобный пример влияния крупных землевладельцев на простых соседей вовсе не представлял собой явления из ряда вон выходящего и приносил ощутимую пользу тому месту, где, подобно Камнорам, господствующая семья заслуживала глубокого почтения. Граф и графиня ожидали безоговорочного повиновения, а простодушное поклонение местных жителей принимали как должное. А если бы кто-то из обитателей Холлингфорда вдруг отважился противопоставить свою волю или мнение воле или мнению графа, то застыл бы в изумлении и с ужасом вспомнил французских санкюлотов, наводивших ужас в годы его молодости. Следует признать, что в ответ на почитание семья многое делала для города, неизменно относилась к вассалам снисходительно, а нередко даже проявляла доброту и заботу. Лорд Камнор лично вникал в дела города: случалось, отстранял управляющего и брал бразды правления в свои руки, чем крайне его раздражал. Управляющий был слишком богат и независим, чтобы держаться за место, где его решения могли в любую минуту лопнуть из-за того, что милорду внезапно вздумалось «заняться ерундой» (так неуважительно высказывался он о господине в домашнем кругу). На самом же деле граф всего лишь задавал вопросы своим подданным и любил управлять, основываясь на собственных наблюдениях и выводах. И за эту привычку подданные любили милорда еще глубже. Граф определенно не брезговал сплетнями, причем умудрялся эффективно портить отношения между управляющим и арендаторами. Графиня успешно восполняла эту небольшую слабость супруга своим высокомерным достоинством, проявляя снисходительность всего раз в год. Вместе с молодыми леди – своими дочерьми – она организовала школу, но не в современном духе, когда дети крестьян и рабочих получают образование более интеллектуальное, чем выпадает на долю знатных сверстников, а ту, которую следует назвать производственной. Там девочек учили шить, вести хозяйство, вкусно готовить, а главное, аккуратно одеваться в учрежденную благотельницами единую форму: белый чепчик, белый палантин, клетчатый передник и синее платье. К костюму прилагались неременные реверансы и вежливые обращения к госпоже.

Графиня, поскольку значительную часть года проводила вдали от поместья, стремилась заручиться симпатией жительниц города, чтобы те посещали школу в долгие месяцы, которые сама она и ее дочери проводили в Лондоне. Многие праздные дамы охотно отозвались на призыв госпожи и с готовностью исполнили просьбу, сопроводив свои действия восхищенными восклицаниями и умильными вздохами: «Как это мило! Графиня такая заботливая!» И прочее.

Всегда считалось, что ни один приезжий не видел настоящего Холлингфорда до тех пор, пока не посетил школу и не выразил должного восторга при виде аккуратных маленьких учениц и их безукоризненного рукоделия. В ответ каждое лето назначался особый торжественный день, когда леди Камнор и ее дочери с великодушным и горделивым гостеприимством при-

² Политическая партия в Великобритании, возникшая в начале 80-х гг. XVIII в. как группировка обуржуазившейся дворянской аристократии и крупной торговой и финансовой буржуазии. – *Здесь и далее примеч. ред.*

³ Политическая партия, выражавшая интересы земельной аристократии и высшего духовенства англиканской церкви.

нимали попечительниц школы в Тауэрс-парке – величественном фамильном особняке, возвышавшемся в аристократическом уединении в центре обширного поместья, одним из входов обращенного к городу. Ежегодное празднество проходило в строго определенном порядке: в десять часов утра один из графских экипажей направлялся в Холлингфорд и методично объезжал дома удостоенных высокой чести дам. Забрав всех по очереди, возвращался через распахнутые ворота по тенистой подъездной аллее и доставлял нарядную публику к роскошной лестнице, что вела к массивным дверям особняка. Затем совершался следующий рейс, и в Тауэрс-парк прибывала новая партия очаровательных особ. Так продолжалось до тех пор, пока все приглашенные не собирались или в доме, или в великолепном саду. После должной демонстрации роскоши с одной стороны и безграничного восхищения с другой гостям подавалось угощение, а за ним следовала новая волна восторженного любования сокровищами замка. Около четырех часов подавали кофе, и вскоре прибывал экипаж, чтобы развезти первую партию достойных особ по домам. Дамы возвращались в счастливом сознании восхитительно проведенного дня, слегка оттененном усталостью от долгих часов безупречных манер и высокопарных разговоров. Леди Камнор и ее дочери, в свою очередь, не обходились без усилий самовосхваления и усталости, которая всегда сопровождает сознательные попытки держаться в соответствии с требованиями того или иного общества.

Впервые в жизни Молли Гибсон получила приглашение в Тауэрс-парк. Для посещения школы она была слишком юной, так что причина внимания заключалась в ином. Случилось так, что однажды, когда лорд Камнор совершал очередную «исследовательскую экспедицию», из фермерского дома, который он собирался навестить, вышел мистер Гибсон – местный доктор. Желая задать какой-то небольшой вопрос (лорд Камнор редко проходил мимо знакомых, ничего не спросив, хотя далеко не всегда выслушивал ответ; таким был его стиль беседы), он проводил мистера Гибсона к одной из надворных построек, где к кольцу в стене была привязана лошадь доктора. Там же в ожидании отца спокойно и терпеливо сидела на своем маленьком растрепанном пони Молли. При виде приближающегося графа серьезные серые глаза широко раскрылись: в детском воображении этот седовласый, краснолицый, довольно неуклюжий человек представлял собой нечто среднее между архангелом и королем.

– Ваша дочь, Гибсон, а? Милая девочка. Сколько лет? А пони не мешало бы почистить и причесать. – Он потрепал животное по загривку. – Как тебя зовут, дорогая? Как я уже сказал, этот арендатор сильно задолжал с ежегодной платой, но если действительно болен, постараюсь договориться с Шиппенксом, хотя тот упрям. На что жалуется? В четверг приедешь на наше школьное собрание, милая... как тебя зовут? Не забудьте ее прислать или привезти, Гибсон, и устройте нагоняй своему конюху: уверен, что в этом году пони еще не стригли. Не забудь про четверг, милая... как тебя зовут? Договорились, не так ли?

Здесь граф увидел в противоположном конце двора старшего сына фермера и удалился своей семенящей походкой.

Доктор сел на лошадь, и они с Молли тронулись в путь. Некоторое время ехали молча, а потом с тревогой в голосе девочка спросила:

– Можно мне поехать, папа?

– Куда, дорогая? – уточнил мистер Гибсон, очнувшись от профессиональных размышлений.

– В Тауэрс-парк, в четверг. Ты же слышал. Этот джентльмен (она постеснялась произнести титул) меня пригласил.

– А ты хочешь поехать? Этот праздник всегда казался мне слишком долгим и утомительным. Начинается рано, а потом жара и все такое.

– Ах, папа! – укоризненно воскликнула Молли.

– Значит, тебе хочется принять участие?

– Да, очень хочется. Если разрешишь. Он же пригласил, ты сам слышал. Даже дважды или трижды.

– Ну что же, посмотрим... хорошо! Думаю, это можно устроить, если очень хочешь.

Они снова замолчали, а спустя некоторое время Молли проговорила:

– Пожалуйста, папа! Я очень хочу поехать, но... но мне все равно.

– Довольно странные слова. Полагаю, впрочем, что тебе все равно в том случае, если организовать поездку будет трудно. Но я смогу это сделать, так что считай вопрос решенным. Не забудь только, что необходимо белое платье. Скажи Бетти, что собираешься в гости в Тауэрс-парк, и она обо всем позаботится.

Чтобы уверенно отпустить дочку на праздник, мистеру Гибсону предстояло уладить два-три небольших дела, каждое из которых требовало некоторых усилий. Однако ему очень хотелось порадовать дорогую девочку, а потому на следующий день он отправился в Тауэрс-парк под предлогом посещения больной горничной, а на самом деле чтобы встретиться с миледи и добиться от нее подтверждения приглашения лорда Камнора. Время визита он выбрал с природной дипломатичностью, к которой часто прибегал в общении с благородным семейством: во двор въехал около полудня – незадолго до ленча и в то же время после того, как улеглось ежедневное волнение вскрытия почтового мешка и обсуждения его содержимого. Оставив коня на попечение грума, доктор воспользовался черным ходом: с этой стороны особняк носил название «дом», в то время как фасад гордо именовался Тауэрс-парком. Он осмотрел пациентку, дал необходимые указания экономке и с полевым цветком в руке отправился на поиски одной из молодых леди в сад, где, как надеялся и рассчитывал, встретил и саму леди Камнор. Обсуждая с дочерью содержание только что полученного письма, графиня одновременно распорядилась посадкой новых диковинных растений.

– Заехал, чтобы осмотреть Нэнни, а заодно привез леди Агнес тот самый болотный цветок, о котором рассказывал.

– Благодарю вас, мистер Гибсон! Посмотри, мама! Это же редкая *Drosera rotundifolia*⁴, о которой я так давно мечтаю.

– Ах, да! Согласна, очень миленький цветочек, вот только я совсем не ботаник. Надеюсь, Нэнни пошла на поправку? Мы не можем допустить, чтобы на следующей неделе кто-то из слуг болел, ведь в доме будет полно гостей! А тут еще напрашиваются Дэнби. Приезжаем после Троицына дня, чтобы насладиться тишиной и покоем, и половину прислуги оставляем в городе. Но как только люди узнают, что мы здесь, сразу начинают писать, как мечтают о глотке свежего воздуха и как чудесно у нас в поместье весной. А виноват прежде всего сам лорд Камнор: сразу начинает путешествовать по округе и приглашать соседей провести в Тауэрс-парке несколько дней.

– Ничего, мама, потерпи немного. В пятницу, восемнадцатого числа, вернемся в город, – попыталась утешить леди Агнес.

– Ах да, конечно! Сразу после визита школьных попечительниц. Но до этого счастливого дня еще целая неделя.

– Кстати, – вставил мистер Гибсон, воспользовавшись удобной возможностью, – вчера встретил милорда на ферме «Три дерева», и он любезно пригласил мою дочку на праздник в четверг. Уверен, что девчушка будет счастлива.

Он умолк в ожидании реакции леди Камнор.

– Ах да, конечно! Если милорд пригласил, полагаю, юная леди должна приехать, но лучше бы он не проявлял такого безудержного гостеприимства! И дело не в вашей дочке. Только представьте: на днях он встретил младшую мисс Браунинг, о существовании которой я даже не слышала.

⁴ Рослянка (лат.).

– Она регулярно посещает школу, мама, – пояснила леди Агнес.

– Вполне возможно. Я же не говорила, что это не так. Знала, что есть попечительница по фамилии Браунинг, однако не подозревала, что их две. Разумеется, как только лорд Камнор услышал, что существует вторая особа, сразу пригласил и ее тоже. Поэтому, чтобы привезти всех, экипажу придется четырежды ездить туда и обратно. Так что ваша дочь, мистер Гибсон, никому не помешает, и ради вас я буду рада ее принять. Может быть, поместится на сиденье между двумя мисс Браунинг? Думаю, вы это устроите. Главное, чтобы на следующей неделе Нэнни окончательно выздоровела и смогла вернуться к работе.

Мистер Гибсон направился к выходу, однако леди Камнор его окликнула:

– О, вспомнила: к нам приехала Клэр. Вы ведь ее помните, не так ли? Когда-то давным-давно она была вашей пациенткой.

– Клэр... – озадаченно повторил мистер Гибсон.

– Забыли? Много лет назад мисс Клэр служила у нас гувернанткой, – подсказала леди Агнес. – Примерно лет двенадцать-четырнадцать назад, еще до замужества леди Коксхейвен.

– Ах да! – вспомнил доктор. – Та самая мисс Клэр, которая заболела скарлатиной. Очень хорошенькая деликатная девушка. Однако я думал, что она замужем!

– Да! – воскликнула леди Камнор. – Глупышка не понимала своего счастья, а ведь все мы так хорошо к ней относились. Уехала, вышла замуж за бедного викария и стала глупой миссис Киркпатрик, но мы все равно продолжаем называть ее Клэр. И вот теперь муж умер. Она осталась вдовой и живет здесь, у нас, а мы ломаем головы, пытаюсь придумать, как устроить ее жизнь, не разлучая с ребенком. Если желаете возобновить знакомство, то она где-то неподалеку, в саду.

– Благодарю, миледи. Боюсь, сегодня нет времени. Еще предстоит немало визитов. Я и так задержался у вас слишком долго.

Несмотря на занятость, вечером доктор заехал к сестрам Браунинг и договорился, что Молли отправится в Тауэрс-парк вместе с ними. Высокие статные особы уже переступили порог первой молодости и встретили вдовца чрезвычайно любезно.

– Право, мистер Гибсон, мы будем счастливы, если Молли поедет с нами. Даже не стоило спрашивать! – воскликнула старшая мисс Браунинг, Кларинда.

– Не сплю по ночам, постоянно думаю о празднике, – добавила мисс Фиби. – Видите ли, никогда прежде не была во дворце, хотя сестра ездит туда регулярно. Мое имя уже три года подряд числится в списке попечительниц школы, однако графиня ни разу не упомянула меня в своей пригласительной записке. Не могла же я сама заявить о себе и явиться в такое великолепное место без приглашения, правда?

– В прошлом году я сказала Фиби, – вступила в разговор сестра, – что, несомненно, графиня всего лишь допустила непреднамеренную оплошность, если можно так сказать. Не увидев Фиби среди гостей, она бы глубоко расстроилась, но Фиби настолько деликатна, мистер Гибсон, что не захотела поехать и осталась дома. Уверяю вас, что ее отсутствие испортило мне все удовольствие: то и дело вспоминалось печальное лицо в окне, когда я уезжала. Поверьте, в глазах стояли слезы.

– Да, сестра, оставшись одна, я долго плакала, – подтвердила мисс Фиби. – Но все равно думаю, что правильно сделала, не поехав туда, куда меня не пригласили. Не так ли, мистер Гибсон?

– Несомненно, – подтвердил доктор. – Тем более что в этом году непременно поедете. А тогда шел дождь.

– Да, помню! Чтобы собраться с духом, начала наводить порядок в своем комодe и так сосредоточилась, что даже испугалась, услышав, как дождь стучит по стеклам. «Боже мой! – воскликнула я мысленно. – Во что же превратятся белые атласные тифельки сестры, если после

такого дождя придется ходить по мокрой траве?» Понимаете, я много думала о ее новых туфлях, а в этом году она купила мне в подарок точно такие же: белые и атласные.

– Молли, конечно, знает, что одеться надо во все самое лучшее, – словно между прочим, заметила старшая мисс Браунинг. – Если нужно, можем поделиться бусами или искусственными цветами.

– Молли будет в белом платье, – поспешно вставил мистер Гибсон, не испытывая восхищения вкусом сестер Браунинг и не желая наряжать собственное дитя по их указанию: вкус старой служанки Бетти вполне устраивал его своей простотой.

Старшая мисс Браунинг встала и с едва заметным раздражением в голосе проговорила:

– О, очень хорошо! Уверена, что это будет правильно.

А мисс Фиби высказалась иначе:

– Несомненно, Молли в любом наряде будет выглядеть очень мило.

Глава 2

Новенькая в светском обществе

В долгожданный четверг, ровно в десять утра, графский экипаж отправился за первой группой гостей. Молли была готова задолго до его первого появления, хотя официальное уведомление гласило, что обе мисс Браунинг, а вместе с ними и она, поедут последним, четвертым рейсом. Накануне ее тщательно отмыли, и теперь лицо ее сияло чистотой; оборки на платье и ленты соперничали белизной со снегом. Хрупкую прелесть защищала доставшаяся от матери украшенная пышными кружевами черная накидка, которая на ребенке смотрелась старомодно и странно. Впервые в жизни Молли надела лайковые перчатки: до этого носила только хлопчатобумажные. Для маленьких, с ямочками, пальчиков перчатки оказались слишком велики, однако Бетти сказала, что это очень хорошо: хватит на много лет. От долгого взволнованного ожидания девочка то и дело вздрагивала, а однажды едва не упала в обморок. Бетти мудро заметила, что горшок, с которого не спускают глаз, никогда не закипит, однако Молли не отходила от окна, ожидая появления экипажа. И вот наконец спустя два часа из-за угла показалась громоздкая карета.

Ей пришлось сидеть, пригнувшись к коленям, чтобы не помять новые платья обеих мисс Браунинг, но в то же время не доставить неудобства занимавшей переднее сиденье толстой миссис Гуденаф и ее племяннице. В итоге она почти и не сидела. Кроме того, Молли пришлось ехать в середине экипажа, на виду у всего Холлингфорда. Для маленького городка день выдался слишком торжественным, чтобы жизнь текла в обычном режиме. Из окон верхних этажей глазели горничные; в дверях магазинов стояли жены торговцев; из хижин выбегали женщины с младенцами на руках; дети постарше, еще не знавшие, что графский экипаж следует встречать почтительно, весело кричали вслед. Привратница держала ворота открытыми и приветствовала реверансом каждую новую партию гостей. Вот, наконец, въехали в парк, а вскоре показался величественный особняк, и экипаж погрузился в молчание, нарушенное лишь единственным неуверенным замечанием гостившей у тетушки племянницы миссис Гуденаф. Увидев двойную полукруглую лестницу, та робко спросила:

– Кажется, это называется перроном, не так ли?

Однако в ответ на нее все дружно зашикали. Молли все это так расстроило, что захотелось как можно скорее вернуться домой, однако стоило ей вместе со всеми пройти по прекрасным уголкам, равных которым она не видела ни разу в жизни, как все страдания тут же отступили. По обе стороны дороги купались в солнечном сиянии бархатные зеленые лужайки и уходили в тень раскидистых деревьев. Если мягкие, залитые светом газоны разделялись узкими укрепленными канавами и сменялись лесным мраком, то ничего этого Молли не замечала, а сочетание ухоженных участков с естественными зарослями обладало в ее глазах непостижимым очарованием. Окружавшие особняк стены и заборы были скрыты плетистыми розами, жимолостью редких сортов и другими пышно цветущими лианами. Многочисленные клумбы оживляли изумрудное пространство багровым, алым, синим, оранжевым сиянием.

Крепко сжимая руку Кларинде, Молли вместе со всеми гуляла по саду под предводительством одной из дочерей графа и графини. Достойную леди чрезвычайно забавляло бурное восхищение, с которым гости встречали каждый новый пейзаж или просто милый, уютный уголок. Как приличествовало ее возрасту и положению, Молли молчала и лишь время от времени выражала восторг глубокими вздохами. Через некоторое время аллея привела к длинному мерцающему ряду оранжерей и теплиц, где гостей принял садовник. Эта часть сада интересовала девочку намного меньше, чем цветущие клумбы, но леди Агнес обладала глубокими научными знаниями, поэтому долго и подробно рассказывала о растениях. В конце концов,

Молли страшно устала, у нее кружилась голова, но она стеснялась об этом сказать, и лишь потом, испугавшись, что рухнет в обморок прямо на грядку с драгоценными растениями, сжала руку мисс Браунинг и умоляюще прошептала:

– Нельзя ли мне выйти на воздух? Здесь совсем нечем дышать!

– Ах, конечно, дорогая. Должно быть, тебе еще трудно это понять, но здесь столько интересного и познавательного, так много латыни!

Кларинда поспешно отвернулась, опасаясь пропустить хотя бы слово из уникальной лекции об орхидеях, а Молли поспешила покинуть душную оранжерею. На воздухе она сразу почувствовала себя намного лучше и отправилась гулять по парку и саду, то с удовольствием забредая в тень деревьев, чтобы послушать пение птиц, то останавливаясь у центрального фонтана. Она бродила, разглядывая диковинные цветы, не задумываясь о том, куда идет, пока, наконец, не утомилась настолько, что захотела вернуться к особняку, но испугалась, что заблудится и наткнется на чужих леди, где не будет хотя бы одной мисс Браунинг. Солнце безжалостно пекло, от жары опять разболелась голова, и ноги сами понесли к раскидистому кедру, густые ветви которого почти касались зеленой лужайки и обещали щедрую тень и прохладу. Под деревом стояла простая деревянная скамья, и Молли присела отдохнуть, но не заметила, как уснула.

Разбудили ее голоса. Девочка испуганно вскочила и увидела двух дам, которые без стеснения говорили о ней, хотя были совершенно незнакомыми. От смутного ощущения вины, голода, усталости и утреннего волнения Молли расплакалась.

– Бедняжка! Должно быть, заблудилась. Несомненно, приехала из Холлингфорда вместе со всеми, – проговорила старшая из собеседниц, которая выглядела лет на сорок. Лицо дамы, которая на самом деле едва переступила порог тридцатилетия, не отличалось красотой и казалось весьма суровым, а платье исчерпало резерв богатства, допустимый для утренних фасонов. Низкий, лишенный модуляций голос в менее благородном обществе назвали бы грубым, однако это определение никоим образом не могло относиться к леди Коксхейвен – старшей дочери графа и графини. Вторая дама выглядела значительно моложе, хотя на самом деле была на несколько лет старше собеседницы. На первый взгляд она показалась Молли самой красивой особой, какую приходилось видеть, и действительно отличалась редким очарованием. На замечание леди Коксхейвен она ответила мягко, даже как-то жалобно:

– Бедная малышка! Наверное, у нее солнечный удар. Эта ужасная соломенная шляпа такая тяжелая. Позволь, дорогая, я развяжу ленты.

Опасаясь, что ее примут за самозванку, Молли наконец-то собралась с силами и пробормотала:

– Меня зовут Молли Гибсон. Я приехала вместе с сестрами Браунинг.

– Сестры Браунинг? – вопросительно повторила леди Коксхейвен, повернувшись к собеседнице.

– Думаю, это те две высокие полные дамы, о которых говорила леди Агнес.

– Ах да, скорее всего. Видела, как следом за ней шли несколько человек. – Она снова посмотрела на Молли и спросила: – Ты что-нибудь ела с тех пор, как приехала? Выглядишь совсем бледной и слабой. Или это от жары?

– Совсем ничего не ела, – вынуждена была признаться Молли, которая действительно жутко проголодалась и очень хотела есть.

Дамы что-то тихо обсудили, а потом старшая сказала тем властным тоном, которым привыкла отдавать приказы:

– Посиди здесь, дорогая. Мы сейчас дойдем до дома, и Клэр принесет тебе что-нибудь поесть. Потом можно отправиться и на поиски твоих компаньенок – пройти придется не меньше четверти мили.

Дамы удалились, а Молли осталась ждать на скамейке. Она не знала, кто такая Клэр, и почти не ощущала голода; знала только, что без посторонней помощи идти не сможет. Наконец хорошенькая особа вернулась в сопровождении лакея с маленьким подносом в руках.

– Смотри, как добра леди Коксхейвен, – проговорила та, которую звали Клэр. – Сама собрала тебе ленч. Давай-ка ешь, и сразу почувствуешь себя намного лучше, дорогая.

Дама повернулась к лакею:

– Можете не ждать, Эдвардс. Поднос я принесу сама.

Молли увидела хлеб, кусок холодного цыпленка, вазочку желе, бокал вина, бутылку воды и гроздь винограда. Дрожащей рукой девочка потянулась к воде, но из-за слабости не смогла ее удержать. Клэр поднесла бутылку к ее губам, и Молли, сделав несколько жадных глотков, сразу почувствовала живительную свежесть, однако есть не смогла: очень болела голова. Клэр растерялась.

– Попробуй хотя бы виноград. Обязательно надо что-нибудь съесть, иначе просто не дойдешь до особняка.

– Не могу, – прошептала Молли, с трудом подняв отяжелевшие веки.

– Ах господи! До чего же это утомительно! – посетовала Клэр все тем же ласковым голосом, словно и не сердилась вовсе, а лишь сообщала очевидную истину.

Молли почувствовала себя виноватой и совершенно несчастной, а Клэр чуть строже продолжала:

– Ну что мне с тобой делать? Я сама вот уже три часа здесь брожу, отчаянно устала, пропустила ленч...

Ее вдруг осенило:

– Мы вот как поступим. Полежи немного на скамейке и постарайся съесть хотя бы виноград, а я посижу с тобой и чем-нибудь подкреплюсь. Точно не хочешь цыпленка?

Молли улеглась и, лениво отщипывая виноградины, принялась с интересом наблюдать, с каким аппетитом леди проглотила и цыпленка, и желе, запив все это вином. В траурном наряде она выглядела такой прелестной и грациозной, что даже поспешность в еде – как будто боялась, что кто-нибудь увидит, – не помешала юной наблюдательнице восхищаться каждым ее движением.

– Ну и как, дорогая, готова идти? – спросила Клэр, когда поднос опустел. – Вот хорошая девочка. Видишь – ты почти справилась с гроздью. Если постараться дойти до боковой двери, отведу тебя в свою комнату. Ляжешь на кровать, час-другой поспишь, и головная боль пройдет.

Они отправились в путь, причем, к великому стыду Молли, Клэр сама несла пустой поднос. Поскольку с трудом передвигала ноги, помощь предложить девочка боялась. Под боковой дверью подразумевалась лестница, что вела из недоступного для посторонних взглядов цветника в темный холл, или переднюю, откуда открывались многочисленные двери в помещение, где хранились легкие садовые инструменты, а также луки и стрелы молодых леди. Должно быть, леди Коксхейвен заметила парочку из окна, так как встретила их в передней и спросила заботливо:

– Как она сейчас? – Потом, заметив пустой поднос, добавила: – О, вижу, все в порядке! Ты все та же добрая старушка Клэр, но, право, надо было оставить поднос слугам. В такую жару жизнь сама по себе – тяжкий труд.

Молли очень хотелось, чтобы очаровательная спутница призналась леди Коксхейвен, что сама справилась с обильным ленчем, но, судя по всему, такая мысль не посетила хорошенькую головку и Клэр лишь вздохнула:

– Бедняжка! Она еще не пришла в себя. Говорит, что очень плохо себя чувствует. Хочу уложить ее в свою постель: может, уснет.

Молли слышала, как, уходя, леди Коксхейвен произнесла несколько слов в шуточной манере, и леди Клер ей сказала что-то вроде «должно быть, объелась». Ей было неприятно, но

она действительно слишком плохо себя чувствовала, чтобы долго переживать, да и небольшая белая кровать в приятной прохладной комнате так и манила. Легкие муслиновые занавески время от времени приветливо вздрагивали от залетавшего в открытые окна легкого душистого ветерка. Клэр укрыла ее легкой шалью и задернула шторы, а когда собралась выйти, Молли осмелилась попросить:

– Пожалуйста, мэм, не позволяйте им уехать без меня. Пусть кто-нибудь меня разбудит, если усну. Я должна вернуться домой вместе с сестрами Браунинг.

– Не волнуйся, дорогая, я обо всем позабочусь, – пообещала Клэр, послав маленькой встревоженной девочке воздушный поцелуй, вышла из комнаты и тут же о ней забыла.

В половине пятого подали экипажи, и леди Камнор, внезапно устав от гостей и бесконечных однообразных восторгов, поспешила с отправкой.

– Почему бы, мама, не разместить их в двух экипажах и не избавиться от всех сразу? – предложила леди Коксхейвен. – Эти долгие переезды просто невыносимы!

В конце концов остальные вдруг тоже заспешили и принялись рассаживаться кто куда. Старшая мисс Браунинг оказалась в фээтоне (или, как называла его леди Камнор, «фэйоте»). Мисс Фиби, в свою очередь, вместе с несколькими другими гостями поспешно уехала в громоздком семейном тарантасе типа омнибуса. Каждая из сестер думала, что Молли Гибсон едет с другой, в то время как девочка крепко спала на кровати миссис Киркпатрик, урожденной Камнор.

Молли разбудили голоса горничных, которые пришли наводить в комнате порядок. Она села, убрала с горячего лба волосы и попыталась вспомнить, где находится, а потом, к изумлению служанок, встала с постели и спросила:

– Скажите, пожалуйста, когда мы поедем домой?

– Господи, спаси и помилуй! Кто бы мог подумать, что на кровати спит ребенок? Ты из Холлингфорда, милочка? Так ведь все уже давно уехали!

– Что же мне теперь делать? Леди, которую называли Клэр, обещала разбудить. Папа будет беспокоиться, а уж что скажет Бетти, даже представить не могу!

Девочка залилась слезами, а горничные принялись сочувственно качать головой. В эту минуту в коридоре послышались шаги и негромкий, чистый приятный голос, что-то напевавший. Это миссис Киркпатрик шла в свою комнату, чтобы переодеться к обеду, и пела итальянскую арию.

– Пусть сама разбирается, – сказала одна горничная другой, и обе поспешили вон.

Миссис Киркпатрик распахнула дверь и, увидев Молли, застыла от неожиданности, а потом, справившись с изумлением, проговорила:

– Совсем о тебе забыла! О, только не плачь: лицо распухнет и подурнеет. Разумеется, я сейчас все улажу. Если не удастся отправить тебя в Холлингфорд сегодня, то переночуешь здесь, а завтра утром что-нибудь придумаем.

– Но как же папа? – рыдая, воскликнула Молли. – Я всегда готовлю ему чай. К тому же, как я без спальных принадлежностей?

– Не стоит переживать из-за того, что нельзя исправить. Спальные принадлежности я тебе дам, а папе придется разок попить чаю без тебя. Если перестанешь плакать и приведешь себя в порядок, спрошу, нельзя ли тебе пойти на десерт вместе с мастером Смитом и маленькими леди. Пойдешь в детскую и выпьешь чаю, а потом вернешься сюда и приготовишься ко сну. Думаю, тебе необыкновенно повезло: многие девочки могут только мечтать о том, чтобы задержаться в таком великолепном доме.

Миссис Киркпатрик говорила и одновременно готовилась к обеду: сняла черное траурное платье, надела халат, распустила по плечам длинные мягкие каштановые волосы.

– У меня тоже есть дочка, дорогая! Она была бы на седьмом небе от счастья, если бы имела возможность погостить вместе со мной у лорда Камнора, но вместо этого вынуждена

проводить каникулы в школе. А ты рыдаешь оттого, что придется остаться здесь всего на одну ночь. Я действительно была страшно занята с этими зануд... с этими приятными дамами из Холлингфорда, а думать одновременно о нескольких вещах невозможно.

Молли сразу перестала плакать и отважилась спросить:

– А почему все зовут вас Клэр?

– Потому что я жила здесь, когда еще была мисс Клэр Канмор. Красивое имя, правда? А потом вышла замуж за мистера Киркпатрика. Бедняга был всего лишь викарием, но происходил из очень хорошей семьи. Если бы три его родственника умерли бездетными, я стала бы женой баронета, однако Провидение не позволило этому случиться, а ведь мы должны довольствоваться тем, что имеем. Оба его кузена женились и завели большие семьи, а бедный дорогой Киркпатрик умер и оставил меня вдовой. С тех пор миновало уже семь месяцев.

– А как зовут вашу дочку? – спросила Молли.

– Синтия! Это теперь моя единственная радость. Если будет время, перед сном покажу ее портрет, а теперь мне пора идти. Леди Каммор просила спуститься пораньше, чтобы помочь занять гостей. Сейчас позвоню в колокольчик, а когда придет горничная, пусть отведет тебя в детскую и объяснит няне леди Коксхейвен, кто ты такая. Я очень сожалею, что так вышло, но не плачь и поцелуй меня. Ты действительно милая девочка, хотя и не такая очаровательная, как Синтия. О, Нэнни! Будь добра, отведи эту юную леди... Как тебя зовут, дорогая? Молли Гибсон? Отведи мисс Гибсон в детскую, к миссис Дайсон, и попроси позволить ей попить чаю с детьми, а потом вместе с ними прийти в столовую к десерту. Я все объясню миледи.

Нэнни заметно подобрела, когда получила от Молли подтверждение, что она действительно дочка доктора Гибсона, и с готовностью отправилась исполнять поручение миссис Киркпатрик.

Молли в детской освоилась сразу: с легкостью подчинилась требованиям и даже помогла миссис Дайсон: заняла малыша игрой, в то время как няня наряжала остальных детей к выходу в кружева, муслин, бархат и яркие широкие ленты.

Закончив, миссис Дайсон обратилась к Молли:

– Итак, мисс, другого платья у вас здесь нет?

Другого платья действительно не было, а если бы и было, то вряд ли оно оказалось бы лучше нынешнего, сшитого из толстого белого канифаса, поэтому осталось только тщательно умыться и позволить няне расчесать и надушить волосы. Молли подумала, что предпочла бы остаться в парке и переночевать под великолепным спокойным кедром, чем подвергаться неведомой пытке под названием «выход к десерту», явно считавшейся и детьми, и нянями главным событием дня. Наконец прозвучал призыв лакея, и миссис Дайсон в шуршащем шелковом платье во главе своей процессии направилась в столовую.

В ярко освещенной комнате вокруг красиво сервированного стола собралось большое общество джентльменов и леди. Каждый нарядный ребенок сразу подбежал к матери, тетушке или старшей сестре, и только Молли осталась стоять на месте: идти было не к кому.

– Кто эта высокая девочка в плотном белом платье? Полагаю, посторонняя?

Леди, которой адресовался вопрос, поднесла к глазам лорнет, но тотчас же опустила.

– Наверное, француженка. Знаю, что леди Коксхейвен искала компаньонку для своих девочек, чтобы те как можно раньше усвоили правильное произношение. Она, похоже, совсем растерялась!

Сидевшая рядом с лордом Каммором леди жестом подозвала Молли, и та подошла в надежде найти пристанище, но когда леди заговорила по-французски, густо покраснела и едва слышно пробормотала:

– Я вас не понимаю, мэм. Я всего лишь Молли Гибсон.

– Молли Гибсон! – громко воскликнула леди таким тоном, словно имя ничего ей не объяснило, зато его услышал лорд Каммор.

– Ах, так это ты спала на моей кровати?

Граф зарычал, как медведь из детской сказки, но Молли, к сожалению, не читала «Трех медведей», решила, что лорд разозлился по-настоящему, поэтому задрожала и прижалась к доброй леди, которая позвала ее к себе. Лорд Камнор, видимо, считал эту шутку удачной, поэтому все время, пока дамы оставались в столовой, насмеялся над Молли, вспоминая то спящую красавицу, то царевну и семерых богатырей. Добрый джентльмен и не подозревал, какие мучения доставляли его шутки чувствительной девочке, уже и так страдавшей из-за того, что не проснулась вовремя. Если бы Молли вспомнила, что миссис Киркпатрик обещала ее разбудить, то без труда нашла бы себе оправдание, но бедняжка думала лишь о том, что она здесь чужая и лишняя на этом празднике жизни. Раз-другой она спрашивала себя, ищет ли ее отец, однако от одной лишь мысли о мирном домашнем уюте горло так больно сжималось, что Молли боялась разрыдаться. В то же время интуиция подсказывала, что чем скромнее она будет держаться, чем меньше хлопот доставит, тем лучше.

Надеясь, что никто ее не замечает, девочка вышла из столовой вслед за дамами, однако надежда не оправдалась: она немедленно стала темой разговора ужасной леди Камнор и ее доброй соседки по столу.

– Только представьте! Увидев эту юную леди, я приняла ее за француженку! У нее черные волосы и ресницы, серые глаза и совершенно особенный цвет лица, который встречается на севере Франции. К тому же леди Коксхейвен искала для своих девочек образованную и приятную в общении компаньонку.

– Нет! – возразила леди Камнор, как показалось Молли, очень сурово. – Это дочь нашего доктора из Холлингфорда. Приехала сегодня утром вместе в попечительницами школы. Устала от жары, уснула в комнате Клэр, а когда проснулась, все уже уехали. Завтра утром отправим ее домой, но на ночь придется оставить здесь. Клэр настолько добра, что готова приютить девочку у себя.

Эти слова содержали откровенное обвинение, и Молли чувствовала его с болезненной остротой. В этот момент подошла леди Коксхейвен. Голос ее звучал так же низко, как у матери, манера речи отличалась той же властностью, но душа у нее была куда добрее.

– Как самочувствие, дорогая? Выглядишь намного лучше, чем на скамейке под кедром. Значит, переночуешь у нас? Клэр, тебе не кажется, что мисс Гибсон заинтересуют книги с гравюрами?

Миссис Киркпатрик тут же подошла своей плавной походкой и принялась осыпать Молли ласковыми словами, пока леди Коксхейвен перебирала на столе толстые тома в поисках подходящей тематики.

– Бедняжка! Я видела, как ты смутилась в столовой, и хотела позвать к себе, однако не могла подать знак, поскольку в это время лорд Коксхейвен как раз рассказывал о своих путешествиях. О, вот замечательная книга: «Портреты» Лоджа⁵. Сяду рядом с тобой и объясню, кто эти люди и что они совершили. Не беспокойтесь, дорогая леди Коксхейвен, я присмотрю за девочкой. Предоставьте ее мне!

От этих слов Молли почувствовала себя еще хуже. О, если бы только ее предоставили самой себе! Если бы не старались казаться добрыми, не выражали столь явно свое деланое беспокойство! Излияния миссис Киркпатрик охладили благодарность в адрес леди Коксхейвен за попытку найти доступное развлечение. Она понимала, что доставила лишние хлопоты и делать здесь ей было нечего.

Вскоре миссис Киркпатрик попросили аккомпанировать леди Агнес, и тогда наконец Молли на несколько минут оставили в покое и она смогла осмотреться. Вряд ли хоть одна комната за пределами королевского дворца могла сравниться по великолепию с этой гостиной:

⁵ «Портреты знаменитых личностей Великобритании». Собрание работ художника Эдмунда Лоджа в 4 т. (1821–1834).

огромные зеркала, бархатные шторы, картины в золоченых рамах, ослепительно яркий свет. Ей под стать были и те, кто ее заполнял: шикарно одетые леди и элегантные джентльмены. Неожиданно Молли вспомнила о детях, вместе с которыми пришла в столовую. Куда они делись? Если их увели спать, то, может, и ей следует уйти? Что, если самой попытаться найти дорогу в рай спокойной уютной комнаты? Нет, слишком далеко от двери она сидела, чтобы не привлечь к себе внимание, поэтому все, что оставалось, это механически, не глядя, переверачивать страницы и с каждой минутой все глубже страдать от одиночества и окружающей роскоши.

Через некоторое время в гостиную вошел лакей, остановился, кого-то высматривая, и направился к миссис Киркпатрик, которая сидела за фортепиано в окружении любителей музыки, аккомпанировала каждому, кто хотел спеть, и с приятной улыбкой выполняла все пожелания публики. Выслушав лакея, она встала и подошла к Молли.

– Знаешь, дорогая, за тобой приехал папа и привел твоего пони, так что тебе придется отправиться домой.

Домой! Обрадовавшись, Молли вскочила и едва не закричала во весь голос «ура!», однако миссис Киркпатрик охладила ее пыл:

– Но прежде ты должна подойти к леди Камнор, пожелать доброго вечера и поблагодарить за гостеприимство и доброту. Ее светлость вон там, возле статуи, беседует с мистером Кортни.

Хозяйка дома стояла всего в сорока футах, но это все равно что в сотне миль! Предстояло преодолеть это бесконечное пустое пространство на глазах у всех, чтобы произнести всего несколько слов.

– Это обязательно? – жалобно спросила Молли.

– Да, и поспеши. Ничего ужасного в этом нет, – раздраженно ответила миссис Киркпатрик, поскольку ее ожидали возле фортепиано и хотелось поскорее отделаться от обузы.

С минуту Молли помолчала, переминаясь с ноги на ногу, а потом едва слышно попросила:

– Не могли бы вы проводить меня?

– Конечно, с радостью! – тут же согласилась миссис Киркпатрик, решив, что это лучший способ поскорее освободиться.

Дама взяла Молли за руку и повела через всю гостиную к хозяйке, а проходя мимо инструмента, со своей ангельской улыбкой мягко пояснила:

– Наша маленькая гостья очень смущена, поэтому попросила меня проводить ее к леди Камнор, чтобы пожелать доброго вечера. За ней приехал отец, и она нас покидает.

Молли вдруг почему-то высвободила ладошку из руки миссис Киркпатрик, быстро подошла к великолепной в бордовом бархатном платье хозяйке, присела в почти безупречном школьном реверансе и проговорила:

– Миледи, приехал папа, чтобы забрать меня домой. Желаю вам доброго вечера и благодарю за доброту... то есть вашей светлости.

Ей вовремя вспомнились наставления мисс Браунинг относительно обращения к графу и графине, а также к их благородному потомству.

Как и почему так поступила, Молли не могла объяснить даже самой себе, но каким-то образом все-таки вышла из гостиной, не попрощавшись ни с леди Коксхейвен, ни с миссис Киркпатрик, ни «со всеми остальными», как непочтительно упомянула потом в мыслях благородное общество.

Мистер Гибсон ждал дочь в комнате экономки, куда Молли ворвалась, к откровенному неудовольствию почтенной миссис Браун, и бросилась отцу на шею.

– Ах, папа, папа, папа! До чего же я рада, что ты приехал!

Девочка разрыдалась и принялась истерично гладить отца по лицу, словно хотела убедиться, что это он, что действительно рядом.

– До чего же ты глупенькая, Молли! Неужели ты думала, что я оставлю свою дочурку где бы то ни было? Так радуешься мне, словно я мог за тобой не приехать! А теперь надевай-ка шляпу – и в путь! Миссис Браун, не найдется ли у вас шали, пледа или чего-то в этом роде?

Доктор даже не упомянул, что всего лишь полчаса назад вернулся домой после долгого объезда пациентов, усталый и голодный. Обнаружив, что Молли нет, сразу отправился к мисс Браунинг и застал сестер в горестном раскаянии, однако не стал выслушивать их оправдания и извинения, а поспешил домой и велел оседлать лошадь и пони. Хоть Бетти и крикнула, чтобы захватил юбку для ребенка, когда был всего в десяти ярдах от двери конюшни, возвращаться он не стал, а скрылся в темноте, бормоча ужасные проклятия, если верить словам конюха Дика.

Пока Молли ходила за шляпкой в комнату миссис Киркпатрик – по словам экономки, почти четверть мили, – добрая женщина успела поставить на стол бутылку вина и тарелку с пирогом, чтобы успокоить сгоравшего от нетерпения мистера Гибсона. Подобно большинству семейных врачей, доктор пользовался искренним расположением всех обитателей дома, и страдавшая подагрой миссис Браун никогда не упускала возможности выразить ему особое почтение и чем-нибудь побаловать, когда он позволял.

Она даже проводила обоих в конюшню, проследила, как Молли села на пони, собственноручно укрепила шаль и на прощание отважилась высказать предположение:

– Счастливого пути! Думаю, мистер Гибсон, дома вашей девочке будет лучше.

Едва выехав за пределы поместья, девочка пустила своего пони во весь опор, и мистер Гибсон заволновался:

– Дочка, здесь много кроличьих нор, и так быстро ехать опасно. Остановись немедленно! Молли натянула поводья, доктор догнал ее и поехал рядом.

– В тени деревьев совсем темно, так что спешить нельзя.

– О, папа, никогда в жизни я так не радовалась! Чувствовала себя как свеча, на которую надели колпак.

– Неужели? А откуда тебе известно, что чувствует свеча?

– Совсем неизвестно, но, наверное, то же самое, что чувствовала я. – Молли немного помолчала и воскликнула: – Ах, до чего же здесь хорошо! До чего приятно ехать свободно, вдыхать свежий воздух и ощущать аромат росистой травы! Папа, ты здесь? Почему молчишь?

Мистер Гибсон подъехал ближе и, чтобы успокоить девочку, накрыл ее ладонь своей.

– Как хорошо, когда ты рядом! – Молли крепко сжала руку отца. – Знаешь, хочу сделать цепь, как у Понто, только длиной с твой самый дальний маршрут. Тогда можно будет прицепить один конец ко мне, а другой – к тебе. Если соскучусь, дерну один раз, а ты, если не сможешь сразу вернуться, дернешь два раза. Так мы никогда не потеряем друг друга.

– Насколько я понял, мне придется объезжать больных примерно так же, как пасутся ослы: с грузом на задней ноге.

– Груз – это я? Ну и пусть, лишь бы всегда оставаться с тобой. Я не обижаюсь.

– А вот я, пожалуй, обижусь: значит, я осел?

– Все нет! Я же так тебя не называю, но все равно так приятно сознавать, что можно говорить что хочешь.

– Значит, вот чему ты научилась в столь избранном обществе? А я то-то ждал, что вернешься такой утонченной и юной леди, что даже решил подготовиться к встрече и прочитал несколько глав из «Сэра Чарлза Грандисона»⁶.

– Надеюсь, что никогда в жизни не стану ни лордом, ни леди.

– Могу успокоить: лордом ты точно никогда не станешь, а шанс стать леди в том смысле, как ты понимаешь, равен одному из тысячи.

⁶ «История сэра Чарлза Грандисона» (1754) – роман английского писателя С. Ричардсона (1689–1761).

– Всякий раз, когда придется идти за шляпой, непременно заблужусь или, прежде чем отправиться на прогулку, поброжу по длинным коридорам и лестницам.

– Не забывай о горничных.

– Знаешь, папа, горничные еще хуже леди, а вот стать экономкой я бы не возражала.

– Еще бы! Тогда в твоём распоряжении окажутся все буфеты с джемами и десертами, – весело отозвался мистер Гибсон. – Но миссис Браун жалуется, что мысль о меню на завтра часто не дает ей уснуть, и это тоже необходимо учитывать. Как видишь, в любой ситуации есть свои плюсы и минусы.

– Да, правда, – серьезно согласилась Молли. – Вот, например, Бетти постоянно твердит, что зеленые пятна на моих платьях от сидения на траве и деревьях отнимают у нее последние силы.

– А мисс Браунинг призналась, что от переживаний из-за того, что они тебя потеряли, у нее разыгралась мигрень. Думаю, сегодня обеим сестрам будут сниться кошмары. Как, кстати, это случилось, милая?

– Да просто решила одна погулять по саду. Там так красиво! Заблудилась и присела отдохнуть на скамейку под большим деревом. Подошли леди Коксхейвен и эта миссис Киркпатрик. Потом миссис Киркпатрик принесла мне еды и отвела отдохнуть в свою комнату. Обещала разбудить, если усну, но, видно, забыла. Все уехали, и мне сказали, что придется остаться до завтрашнего утра. Я не посмела сказать, что хочу домой, и все время боялась, что ты будешь волноваться.

– Так что праздника не получилось, дорогая?

– Кроме утра: никогда не забуду утро в саду, – но потом почувствовала себя такой несчастной, как никогда.

Мистер Гибсон счел необходимым, прежде чем обитатели Тауэрс-парка вернутся в Лондон, нанести визит вежливости, поблагодарить все семейство за гостеприимство и извиниться за доставленное беспокойство. Граф, графиня и молодые леди готовились к отъезду, так что ни у кого из них не нашлось времени выслушать любезности доктора. И только миссис Киркпатрик, несмотря на необходимость сопровождать леди Коксхейвен во время посещения бывшей ученицы, сочла возможным принять мистера Гибсона от имени благородного семейства. Более того, она самым очаровательным образом завершила доктора в высокой оценке его профессионального внимания на протяжении многих лет.

Глава 3

Детство Молли Гибсон

За шестнадцать лет до описанных событий весь Холлингфорд глубоко потрясло известие, что известный каждому жителю опытный доктор мистер Холл собирается взять себе партнера. Обсуждать тему не имело смысла, а потому викарий мистер Браунинг, мистер Шипшенкс (управляющий лорда Камнора) и сам мистер Холл – главные мыслители небольшого местного общества – решили, что лучше позволить событиям развиваться естественным путем, и оставили попытки. Мистер Холл объяснил преданным пациентам, что даже самые сильные очки уже не могут обеспечить зрению необходимую остроту, а слух то и дело подводит. Впрочем, в этом отношении почтенный доктор упрямо придерживался собственного мнения и часто сокрушался по поводу небрежности современной манеры речи: «Говорят так, как будто пишут на промокашке: все слова сливаются в одно». К тому же мистер Холл страдал от приступов подозрительного свойства, которые называл ревматизмом, однако лечил так, словно это была подагра, отчего нередко оказывался не в состоянии срочно выехать по экстренному вызову. Однако слепой и глухой ревматик все равно оставался любимым доктором Холлом, способным избавить от любой болезни – конечно, если больной прежде не умирал, – а потому не имел права жаловаться на старость и брать неведомого партнера.

Несмотря на все доводы пациентов, доктор Холл оставался тверд в своем решении: давал объявления в медицинских журналах, читал рекомендательные письма, анализировал характеристики и квалификацию, – а когда пожилые незамужние леди Холлингфорда решили, что убедили своего сверстника в том, что он по-прежнему молод, доктор Холл их и вовсе сразил: стал повсюду возить с собой мистера Гибсона и «коварно», как они выражались, внедрять его в практику. Всех пациенток пожилого возраста возмущал этот выскочка, хотя никто ничего о нем практически не знал и не смог бы сказать больше, чем жители Холлингфорда выяснили в первый же день его появления в городе. Мистер Гибсон предстал высоким, серьезным, весьма привлекательным и достаточно худым, чтобы в те дни, когда «мускулистое христианство»⁷ еще не вошло в моду, прослыть изящным. Говорил мистер Гибсон с легким шотландским акцентом и, как выразилась одна добрая леди, отличался странностью в разговоре, под которой она имела в виду сарказм. Что касается происхождения и образования нового доктора, то жители Холлингфорда решили, что он внебрачный сын шотландского герцога от француженки. В пользу этого суждения приводились вполне убедительные доводы, поскольку говорил он с шотландским акцентом, следовательно, был шотландцем; отличался весьма благородной внешностью и элегантною фигурой, к тому же, как отмечали недоброжелатели, любил важничать – следовательно, отцом его был знатный человек. Здесь уже ничего не стоило пройти по всем ступеням иерархической лестницы: баронет, барон, виконт, граф, маркиз и, наконец, герцог. Заглядывать выше общественное мнение не решалось, хотя одна близко знакомая с английской историей почтенная леди заметила, что, по ее предположению, некоторые представители династии Стюартов не всегда соблюдали достоинство в поведении, а потому нередко имели детей на стороне. Однако в сознании большинства жителей Холлингфорда мистер Гибсон оставался сыном герцога, никак не больше.

Матерью его могла стать только француженка, ибо доктор обладал черными волосами и бледным лицом. А главное – он бывал в Париже!

⁷ Вера в «мускулистое христианство», уравнивающее моральное и физическое совершенство, была широко распространена в 1850-х гг.

Все эти умозаключения либо соответствовали истине, либо нет. Никто не знал больше того, что сообщил мистер Холл, а именно: профессиональная квалификация нового доктора так же надежна, как и моральные качества, и значительно превышает средний уровень. Представляя коллегу пациентам, это обстоятельство мистер Холл подчеркивал особенно старательно.

Не прошло и года партнерства, как он на собственном опыте ощутил быстротечность мирской славы: теперь ему хватало времени, чтобы нянчить свою подагру и беречь зрение. Вся работа легла на плечи молодого доктора, потому что большинство пациентов вызывали теперь мистера Гибсона. Даже в лучших домах и самом богатом и знатном из них, Тауэрс-парке, где мистер Холл представлял молодого коллегу со страхом и волнением относительно возможной реакции милорда графа и миледи графини, к концу года мистера Гибсона принимали с таким же почтением к его профессиональному мастерству, какое прежде оказывали самому доктору Холлу. Добродушный доктор с трудом перенес то унижительное обстоятельство, что однажды мистера Гибсона даже пригласили на обед в обществе великого сэра Этли, главы профессионального сообщества! Разумеется, мистер Холл тоже получил приглашение, однако как раз в это время лежал с обострившейся подагрой (с появлением партнера ревматизму было позволено развиваться) и не смог поехать. Подобного унижения мистер Холл не смог перенести и, в конце концов, сдался на волю слабого зрения и плохого слуха и два последних года жизни почти не выходил из дому. Чтобы не скучать в одиночестве, презиравший женщин старый холостяк пригласил к себе осиротевшую внучатую племянницу и с радостью поделил общество хорошенькой, цветущей Мери Пирсон – доброй и разумной девушки. Она быстро подружилась с дочерьми викария, мистера Браунинга, а мистер Гибсон нашел время для тесного общения со всеми тремя особами. Весь Холлингфорд с увлечением обсуждал, которая из молодых леди станет миссис Гибсон, и испытал глубокое разочарование, когда разговоры о возможностях и сплетни о вероятностях по поводу женитьбы молодого красивого доктора закончились самым естественным в мире образом: его супругой стала племянница предшественника. К чести обеих мисс Браунинг следует сказать, что ни одна из них не проявила симптомов чахотки и даже признаков крайнего душевного расстройства, хотя их внешний вид и манеры подверглись тщательному наблюдению.

Бедная миссис Гибсон скончалась от чахотки через пять лет после замужества и три года после смерти дядюшки, когда единственной дочке Молли едва исполнилось три.

Мистер Гибсон переживал горе в одиночку и, больше того, старательно избегал любых проявлений сочувствия. А когда мисс Фиби Браунинг впервые вызвала его после утраты и разразилась неконтролируемым потоком слез, грозивших перейти в истерику, поспешно встал и покинул дом. Впоследствии мисс Браунинг заявила, что никогда не простит доктору холодности, однако спустя две недели осудила старую миссис Гуденаф за сомнения в глубине чувств мистера Гибсона. К такому выводу почтенную леди привела слишком узкая полоска крепа на шляпе, которая должна была полностью закрывать тулью, а оставляла на виду целых три дюйма бобрового меха. Несмотря на все изъяны в поведении вдовца, по праву любви к покойной Мери обе мисс Браунинг считали себя самыми близкими друзьями мистера Гибсона. Сестры с радостью окружили бы маленькую Молли почти материнской заботой, если бы девочку не охранял дракон в лице няни Бетти, никого не подпускавший к своей подопечной. Особенно отрицательно блюстительница нравов относилась ко всем леди, которых в силу подходящего возраста, положения или знакомства подозревала в намерении смотреть на господина овечьими глазами.

За несколько лет до начала этой истории положение мистера Гибсона казалось окончательно утвердившимся как в общественном, так и в профессиональном плане. Овдовев, он, судя по всему, не собирался снова жениться, сосредоточив любовь на дочке, хотя редко открыто проявлял чувства. Чаще всего называл девочку гусенком и нередко смущал детский ум подшучиванием. Импульсивных людей презирал – должно быть, вследствие медицинского

понимания вредных последствий неконтролируемого чувства для здоровья. Не имея обыкновения высказываться по другим вопросам, помимо сугубо интеллектуальных, обманывал себя, считая, что живет одним лишь разумом. Молли, однако, руководствовалась собственной интуицией. Хотя папа постоянно ее дразнил и высмеивал «самым жестоким образом», как говорили друг другу обе мисс Браунинг, когда их никто не слышал, девочка делилась с отцом радостями и горестями чаще, чем с Бетти – этой добросердечной мегерой. Дочка научилась прекрасно понимать отца, и между ними сложились замечательные отношения – полусутоливые-полусерьезные, но неизменно доверительные. Мистер Гибсон держал трех служанок: няню Бетти, кухарку и девушку, считавшуюся горничной, однако на самом деле вольготно жившую за счет двух старших. Три служанки были бы не нужны, если бы, подобно предшественнику, мистер Гибсон не держал двоих «учеников», как их называли в Холлингфорде, или «ассистентов», кем они действительно являлись, связанные контрактом, предусматривавшим серьезную плату за обучение профессии. Оба молодых человека жили в доме и занимали неловкое, двусмысленное или, по довольно справедливому замечанию мисс Браунинг, «земноводное» положение. Садись за стол вместе с мистером Гибсоном и Молли, при этом всякий раз стесняя доктора, поскольку мистер Гибсон не отличался разговорчивостью и терпеть не мог беседовать по необходимости. И все же он испытывал смутное чувство вины, словно за плохо исполненный долг, когда, закончив трапезу, неуклюжие парни с веселой поспешностью выскакивали из-за стола, благодарили наставника заменявшим поклон кивком, толкались в дверях, стараясь быстрее выйти из столовой, и, давась от смеха, мчались по коридору в медицинский кабинет. Раздражение небезупречно исполненным долгом заставляло доктора еще более едко, чем прежде, критиковать их непонятливость, глупость или дурные манеры.

Помимо непосредственного профессионального обучения мистер Гибсон не знал, что делать со сменявшимися друг друга парами молодых людей, чья миссия заключалась в терпеливом выслушивании преднамеренных оскорблений со стороны наставника и нанесении ему непреднамеренных обид. Раз-другой доктор отказывался принять очередного питомца в надежде освободиться от педагогического бремени, однако это не помогало. Репутация высоко-профессионального специалиста распространилась так быстро и широко, что плата за обучение, которую он назначал, считая запредельной, не вызвала ни малейших возражений: куда важнее казалось то обстоятельство, что молодой человек начинал карьеру с престижным званием ассистента доктора Гибсона из Холлингфорда. Однако когда Молли подросла и из ребенка превратилась в девочку – ей было лет восемь, – отец осознал неловкость частых завтраков и обедов в обществе учеников, когда его срочно вызывали к больным. Не столько ради образования Молли, а скорее чтобы исправить ситуацию, он нанял почтенную особу, дочь умершего хозяина магазина, чтобы та приходила каждое утро до завтрака и оставалась с подопечной до его возвращения, а если он задерживался, то до того времени, когда дочка ложилась спать.

– Итак, мисс Эйр, – подытожил мистер Гибсон накануне ее вступления в должность, – запомните следующее: в ваши обязанности входит поить молодых людей хорошим чаем, следить, чтобы они прилично вели себя за столом и – кажется, вы сказали, что вам тридцать пять лет? – пытаться вызвать их на разговор. Говорить разумно они все равно не смогут, так пусть хотя бы постараются не запинаться и не хохотать. Не учите Молли слишком упорно. Девочка должна уметь шить, читать, писать и считать. В остальном же хочу сохранить ей детство, а если решу обучить чему-нибудь более серьезному, то займусь сам. Честно признаться, не считаю, что способность читать и писать абсолютно необходима. Многие хорошие умные девушки выходят замуж, хотя и ставят вместо собственного имени крест. По-моему, грамота лишь сковывает природный ум, однако приходится уступать предрассудкам общества, мисс Эйр, а потому можете научить девочку читать.

Мисс Эйр слушала наставления молча – немало озадаченная, но готовая точно исполнить требования доктора, чью доброту вся ее семья неоднократно испытала на себе. Она заваривала крепкий чай; с готовностью помогала молодым людям как в отсутствие мистера Гибсона, так и при нем, и, в конце концов, сумела развязать им языки, незаметно вовлекая в беседы о мелочах в своей приятной домашней манере. Научила Молли читать и писать, однако честно постаралась сдерживать ее развитие во всех других областях знаний. Лишь настойчивыми просьбами и уговорами Молли удалось убедить отца позволить брать уроки французского языка и рисования. Доктор постоянно боялся, что дочь вырастет слишком образованной, хотя волновался напрасно: сорок лет назад в такие маленькие городки, как Холлингфорд, редко заезжали крупные мастера науки и искусства. Раз в неделю Молли посещала уроки танцев, проходившие в зале главной гостиницы города под названием «Герб Камноров», а поскольку отец пресекал любую попытку интеллектуального развития, жадно прочитывала каждую попавшую в руки книгу – с еще большим восторгом оттого, что это запрещалось.

Для своего положения и общественного статуса мистер Гибсон имел чрезвычайно обширную и богатую библиотеку. Медицинская ее часть оставалась недоступной для Молли, поскольку хранилась в кабинете, а все остальные книги девочка либо читала, либо пыталась читать. Любимым летним местом обитания ей служила та самая вишня, от которой на платьях оставались терзавшие Бетти зеленые пятна. Несмотря на «тайную страсть» к чтению, Молли оставалась сильной, живой и цветущей девочкой и представляла единственную трудность для мисс Эйр, во всем остальном вполне довольной хорошо оплачиваемой работой, в которой остро нуждалась. Однако Бетти, хотя и согласилась с господином, когда тот объявил о необходимости нанять гувернантку для дочки, яростно сопротивлялась любой попытке ослабить собственное влияние на ребенка, после смерти миссис Гибсон ставшего ее счастьем, мукой и смыслом жизни. С первого дня она взяла на себя обязанность цензора каждого высказывания мисс Эйр и ни на минуту не попыталась скрыть глубокую неприязнь. Бетти не могла не уважать терпение и усердие доброй леди – ибо мисс Эйр представляла собой леди в полном смысле этого слова, хотя в Холлингфорде занимала скромное положение дочери лавочника – и все же вилась вокруг с надоедливой упорством комара, всегда готовая если не укусить, то хотя бы придраться.

Защита приходила к мисс Эйр с той стороны, откуда меньше всего ожидалась: от ученицы, против угнетения которой Бетти так упорно боролась. Молли очень быстро осознала несправедливость обвинений и начала еще глубже уважать мисс Эйр за молчаливое терпение, с которым та принимала нападки, доставлявшие куда больше страданий, чем предполагала сама Бетти. Поскольку мистер Гибсон поддерживал семью гувернантки в беде, та не жаловалась, чтобы его не раздражать. Награда не заставила себя ждать: как бы ни старалась Бетти отвлечь девочку от уроков, Молли не поддавалась на искушения, а продолжала старательно шить или решать сложную задачу. Бетти отпускала в адрес мисс Эйр двусмысленные шутки, на что Молли реагировала серьезным взглядом, словно просила объяснить непонятные фразы, а для остряка ведь нет ничего более унижительного, чем необходимость разъяснить, в чем состоит соль высказывания. Время от времени нянька окончательно теряла терпение и принималась разговаривать с мисс Эйр оскорбительным тоном, но если это случалось в присутствии Молли, девочка с такой страстью бросалась на защиту гувернантки, что Бетти пугалась, хоть и пыталась обратить детский гнев в шутку и призвать мисс Эйр вместе посмеяться.

– Что за дитя! Можно подумать, что я голодная кошка, а она – воробышек с трепещущими крылышками. Право, если хочешь сидеть в душной комнате и учить всякие бесполезные вещи, вместо того, чтобы кататься в повозке Джоба Донкина, то это твое дело, а меня это не касается. Маленькая мегера, правда? – закончив монолог, с улыбкой обращалась Бетти к мисс Эйр.

Однако бедной гувернантке происшествие вовсе не казалось смешным, а сравнение Молли с воробышком и уж тем более с мегерой отнюдь не вызывало восторга. Мисс Эйр отличалась здравомыслием и по домашнему опыту хорошо понимала опасность вспыльчивого нрава, поэтому начала осторожно пенять Молли за излишнюю горячность, но девочка не соглашалась с ней и даже обижалась. Однако это были всего лишь маленькие неприятности ее в целом очень счастливого детства.

Глава 4

Соседи мистера Гибсона

Почти до семнадцати лет Молли прожила в доброжелательном окружении и обстановке, где самым крупным потрясением стало то самое происшествие в Тауэрс-парке. Она стала попечительницей школы, однако больше ни разу не приняла участия в ежегодном празднике в графском особняке. Найти благопристойную отговорку не составляло труда, хотя порой и возникало желание вновь увидеть прекрасный сад.

Леди Агнес вышла замуж, так что дома осталась только леди Харриет. Старший сын графа, лорд Холлингфорд, потерял супругу и стал проводить в поместье значительно больше времени. Это был высокий нескладный человек, которого считали таким же гордым, как мать, хотя на самом деле ему мешали застенчивость и неумение вести светские беседы. Он не знал, о чем можно говорить с людьми, чьи интересы и привычки не совпадали с его научными устремлениями, и с радостью принял бы в подарок учебник салонных разговоров и с добродушным прилежанием начал бы учить фразу за фразой. Лорд Холлингфорд нередко завидовал свободе своего болтливого батюшки, с восторгом общавшегося с каждым встречным и не замечавшего нелепости собственной речи, однако в силу природной сдержанности и стеснительности не пользовался популярностью, хотя отличался огромной добротой, чрезвычайной простотой характера и значительными научными достижениями, которые обеспечили ему высшую репутацию в сообществе ученых мужей. В этом отношении Холлингфорд им гордился. Жители знали, что высокий молчаливый неуклюжий наследник местного престола знаменит своей мудростью и сделал пару научных открытий, хотя каких именно, никто не представлял. Всегда можно было показать его приезжим: «Вот идет лорд Холлингфорд – тот самый знаменитый лорд Холлингфорд. Должно быть, вы слышали о его научных достижениях». Если приезжий слышал имя, то наверняка представлял и повод для славы. Если же нет, то почти всегда притворялся, что слышал, и таким способом скрывал не только собственное невежество относительно истинной причины репутации, но и невежество собеседника.

Лорд остался вдовцом с двумя или тремя сыновьями. Все они учились в частной школе, так что дом, где протекала семейная жизнь, опустел, и поэтому он проводил много времени в Тауэрс-парке, где мать им гордилась, а отец очень любил, но совсем не боялся. Лорд и леди Камнор всегда с радостью принимали друзей сына. Впрочем, граф и сам зазывал в дом первого встречного, а со стороны графини позволение приглашать в Тауэрс-парк самых разных людей служило доказательством огромной привязанности к сыну. «Самые разные люди» в действительности оказывались выдающимися учеными – без различия социального положения и, надо признаться, часто без изысканных светских манер.

Предшественник мистера Гибсона доктор Холл всегда встречал дружеское снисхождение со стороны миледи: выйдя замуж и приехав в Тауэрс-парк, она нашла в нем давнего семейного целителя, однако ни разу не попыталась изменить его привычку в случае голода подкрепиться в комнате экономки – хотя, разумеется, не вместе с миссис Браун. Спокойный, умный, толстый, краснолицый доктор предпочел бы такой вариант, даже если бы имел выбор (чего никогда не было) «перекусить», как он говорил, в обществе милорда и миледи в большой столовой. Конечно, если из Лондона вызывали какое-нибудь медицинское светило (вроде сэра Этли), то ради него мистера Холла официально и церемонно приглашали к обеду. В подобных случаях почтенный доктор прятал подбородок в пышный воротник из белого муслина, надевал бриджи с бантами по бокам, шелковые чулки, башмаки с пряжками – иными словами, всячески лишал себя свободы и удобства – и в дилижансе отправлялся из «Герба Камноров» в поместье, по дороге утешаясь мыслью, как славно завтра, во время обычного визита, можно будет небрежно

бросить в разговоре со сквайрами: «Вчера за обедом граф заметил... Графиня сказала... Вчера во время обеда в Тауэрс-парке я с удивлением услышал...» Однако после того, как мистер Гибсон стал главным целителем Холлингфорда, все изменилось. Обе мисс Браунинг считали, что причина предпочтения заключается в элегантной фигуре и изысканных манерах нового доктора, а миссис Гуденаф возражала, что дело в аристократическом происхождении: «Сын герцога, дорогая, и неважно, с какой стороны одеяла».

Однако факт оставался фактом: хотя мистер Гибсон нередко просил миссис Браун угостить его в своей комнате, поскольку не имел времени на долгий церемонный ленч с графиней, самые знатные гости Тауэрс-парка всегда встречали доктора с радостью. При желании он мог в любой день пообедать с герцогом – в том случае, если бы герцог приехал в поместье. Говорил он с шотландским, а не провинциальным акцентом и не накопил на костях ни единой унции лишней плоти, а ведь давно известно, что худоба – верный призрак аристократического происхождения. Бледность его лица сочеталась с черными волосами, при том что в то время – в десятилетие после окончания войны с Наполеоном – подобный контраст сам по себе считался отличием. Назвать доктора веселым никто бы не смог (как со вздохом заметил милорд, однако гостей приглашала миледи), а говорил он немногословно, всегда умно и часто с легким сарказмом, следовательно, представлял собой фигуру вполне презентабельную.

Шотландская кровь (шотландское происхождение мистера Гибсона сомнений не оставляло) придавала доктору некое колючее достоинство, заставлявшее всех вокруг относиться к нему с почтением. На этот счет вопросов никогда не возникало. На протяжении многих лет приглашения в Тауэрс-парк не приносили доктору особого удовольствия, но это было необходимым условием успеха в профессии без мысли о личном интересе.

Многое изменилось благодаря возвращению в поместье лорда Холлингфорда. Теперь во время визитов мистер Гибсон слышал и узнавал много интересного, что придавало новый импульс чтению. Время от времени он встречал среди гостей ведущих представителей научного мира: странного вида простосердечных людей, глубоко погруженных в собственную тему и мало сведущих в других вопросах. Мистер Гибсон понял, что способен по достоинству оценить людей подобного склада, а также почувствовал, что те дорожат честной и профессиональной оценкой. Вскоре он начал отправлять собственные статьи в наиболее уважаемые медицинские журналы. Таким образом, новая информация, новые мысли и научные перспективы наполнили его жизнь глубоким смыслом. Общение с лордом Холлингфордом не отличалось особой активностью: один был слишком молчалив и стеснителен, а другой – слишком занят, чтобы искать встреч с настойчивостью, необходимой для преодоления препятствующих частым беседам социальных различий, – но оба неизменно радовались любой возможности диалога. В то же время они оба могли положиться на симпатию и уважение со стороны друг друга с уверенностью, неизвестной многим так называемым «друзьям», и это расположение поддерживало каждого, но особенно, конечно, мистера Гибсона, поскольку доктор вращался в менее интеллигентном и образованном кругу.

Среди его знакомых не было ни единого равного собеседника, и это обстоятельство постоянно угнетало, хотя доктор никогда не признавал истинную причину депрессии. Был, в частности, сменивший мистера Браунинга викарий мистер Эштон – человек хороший и добрый, но полностью лишенный оригинальности мышления. Привычная вежливость и вялость ума заставляли его соглашаться с любым неоткровенно еретическим мнением и произносить банальности в самой благородной манере. Пару раз мистер Гибсон развлечения ради постоянными любезными признаниями доводов как «совершенно убедительных» и утверждений как «любопытных, но несомненных» завел доброго викария в трясину богословского замешательства, но страдания осознавшего глубину своих теологических заблуждений мистера Эштона и сожаление о недавних малодушных уступках оказались настолько искренними и болезненными, что доктор тут же утратил желание насмеяться и поспешно вернулся к доктрине

англиканской церкви как к единственному способу успокоить израненную совесть викария. Во всех других вопросах, кроме вероучения, святого отца можно было увести куда угодно, поскольку полная невежественность мешала мягкому согласию привести его к пугающим выводам. Мистер Эштон обладал некоторым состоянием, не был женат и вел жизнь праздного и утонченного холостяка, но сам посещал бедных прихожан редко, и всякий раз, когда мистер Гибсон или кто-то другой сообщал об их нуждах, помогал самым щедрым и, учитывая давние привычки, самым самоотверженным образом. Частенько он даже предлагал:

– Пользуйтесь моим кошельком как своим, Гибсон. Сам я слишком редко беседую с бедняками и мало что для них делаю, но всегда готов оплатить все необходимое для каждого из нуждающихся.

– Благодарю, но я и без того обращаюсь к вам слишком часто и бесцеремонно. Позвольте дать совет? Когда заходите в хижины, не старайтесь завести разговор, а просто говорите.

– Не вижу разницы, – буркнул викарий, – однако разница, должно быть, существует. Не сомневаюсь, что ваши слова вполне справедливы. Мне следует не вести беседу, а просто беседовать. И то и другое весьма непросто, а потому позвольте купить привилегию молчания вот этой банкнотой в десять фунтов.

– Спасибо. Должен признаться, что деньги меня не удовлетворяют – думаю, что и вас тоже, – но, возможно, Джонсам и Гринам они помогут.

После подобных речей мистер Эштон заглядывал в лицо мистера Гибсона с жалобным вопросом во взоре, словно пытался понять степень сарказма. В целом джентльмены прекрасно ладили, вот только, помимо свойственного большинству мужчин стадного чувства, истинную радость испытывали в обществе друг друга очень немного. Наверное, лучше других – во всяком случае, до появления в округе лорда Холлингфорда – мистер Гибсон относился к достойному сквайру Хемли. Почетный титул пришел к нынешнему обладателю из глубины веков: его предки именовались сквайрами сколько существует местная история. В графстве жили и более крупные землевладельцы, ибо угодья сквайра Хемли простирались не больше чем на восемьсот акров, однако семья владела поместьем задолго до появления графов Камноров, еще до того, как Хейли-Харрисоны купили Голдстоун-парк. Никто в Холлингфорде не знал такого времени, когда бы Хемли не жили в Хемли.

– С периода Гептархии – семи королевств ⁸, – утверждал викарий.

– Нет, – возражала мисс Браунинг, – я слышала, что Хемли жили в Хемли еще до прихода римлян.

Викарий уже готовился вежливо согласиться, когда миссис Гуденаф с неспешной убежденностью старейшины выступила с еще более поразительным заявлением:

– А я уверена, что Хемли из Хемли существовали еще в доязыческие времена.

В ответ мистер Эштон галантно поклонился и пробормотал:

– Возможно, вполне возможно, мадам.

Согласие прозвучало настолько любезно, что миссис Гуденаф гордо посмотрела вокруг, словно хотела сказать: «Вот и церковь подтверждает мои слова, так что никто теперь не осмелится их оспорить». В любом случае, если не аборигенами Хемли были, то очень старым семейством. На протяжении долгих веков они не увеличивали свое поместье, однако упорно хранили то, что имели, и на протяжении последних ста лет не продали ни единой крыши. Тягой к предпринимательству они не отличались: никогда не торговали, не играли на бирже, не пытались обновить способ ведения хозяйства, – также не держали капиталов в банке или, что было бы понятнее, не хранили золото в чулке. Жили просто: скорее как фермеры, чем как господа. Действительно, продолжая примитивные традиции и обычаи предков – землевладельцев восем-

⁸ Термин «Гептархия» относится к семи королевствам, якобы существовавшим на территории Англии в VII–VIII вв.

надцатого века, – сквайр Хемли жил скорее как йомен⁹, когда такой класс еще существовал, чем как современный помещик. Спокойный консерватизм обладал достоинством, заслужившим уважение всей округи: сквайра Хемли с радостью приняли бы в любом доме графства, куда он пожелал бы зайти, – однако общество его не привлекало, возможно из-за того, что Роджер Хемли, который жил и правил в Хемли, не получил достаточного образования. Его отец, сквайр Стивен, провалил выпускные экзамены в Оксфорде и с гордым упрямством отказался от второй попытки. «Больше никогда!» – поклялся он торжественно, как клялись в те времена, и заявил, что никто из его будущих детей не переступит порог университета. Нынешний сквайр, будучи единственным ребенком в семье, вырос в полном соответствии с зародком отца: закончив захудалую провинциальную школу, где насмотрелся всякого непотребства, вернулся в поместье уже как хозяин. К счастью, такое воспитание не принесло ему особого вреда. Да, он остался дурно образованным и во многих отношениях невежественным, отчего, осознавая это, в обществе держался неловко и даже неуклюже, поэтому старался его избегать, а в своем тесном кругу проявлял упрямство, вспыльчивость и властность. С другой стороны, Хемли был сама честность, к тому же обладал редкой природной мудростью. Его речи всегда заслуживали внимания, хотя начинал он обычно с ложных предпосылок, которые считал абсолютно неопровержимыми, будто бы доказанными с математической точностью, но если вдруг случайно предпосылки оказывались верными, то никто другой не смог бы построить на них более разумных и глубоких аргументов.

Роджер Хемли женился на хрупкой, утонченной лондонской леди, и союз этот оказался одним из тех непостижимых браков, причину которых понять невозможно. Супруги жили очень счастливо, но все же, возможно, миссис Хемли не впала бы в состояние хронической меланхолии, если бы муж больше обращал внимание на ее духовные запросы или допускал к ней тех, кто смог бы заполнить эту нишу. После свадьбы сквайр любил говорить, что вывез из скопления домов под названием «Лондон» самое ценное. Этот комплимент жене он повторял вплоть до ее кончины. Поначалу признание очаровывало, потом, вплоть до последнего дня, просто радовало, и все же порой миссис Хемли мечтала, чтобы супруг все-таки признал тот факт, что в большом городе есть что посмотреть и послушать. Однако мистер Хемли оставался тверд как камень в своем решении больше не посещать столицу и, хоть и не запрещал жене туда ездить, не проявлял особого интереса, когда она возвращалась, полная впечатлений, что скоро миссис Хемли перестала с ним делиться. Щедрый муж с готовностью позволял ей ездить в Лондон, щедро снабжал ее деньгами и напутствовал при этом: «Вот возьми, дорогая, ни в чем себе не отказывай! Ты должна одеваться, как все они. Купи что душе угодно – за счет Хемли из Хемли. Сходи в парк, в театр, в гости – куда пожелаешь! Буду с нетерпением тебя ждать, чтобы вволю посмеяться».

А потом, когда жена возвращалась, муж отмахивался от попыток поделиться с ним впечатлениями: «Ну-ну, ты довольна, и прекрасно, хотя меня утомляет даже разговор о городе. Не понимаю, как ты все это вытерпела. Давай лучше выйдем в южный сад и посмотрим, какие чудесные цветы распустились там, пока тебя не было: твои любимые. А еще я съездил в Холлингфорд и купил в теплице саженцы тех растений, которые тебе особенно понравились в прошлом году. После бесконечных разговоров о Лондоне, от которых кружится голова, глоток свежего воздуха пойдет на пользу».

Миссис Хемли, дама сентиментальная, нежная и добрая, много читала и обладала тонким, просвещенным литературным вкусом, но вынуждена была отказаться от поездок в Лондон, от общения на равных с людьми своего образования, круга и положения. Из-за пробелов в воспитании муж не любил встречаться с теми, чье превосходство болезненно ощущал, и в то же время гордость не позволяла опускаться до тех, кого он считал ниже себя. Понимая,

⁹ Йомен – землевладелец в Англии XIV–XV вв., владеющий собственной фермой.

на какие жертвы жена пошла ради него, Роджер Хемли любил ее всей душой, однако, лишившись интеллектуального общения, супруга впала в депрессию. Вроде бы ничего определенного – просто постоянное легкое недомогание. Возможно, родись у них дочь, к ней вернулись бы необходимые силы, однако оба выживших ребенка оказались мальчиками, и, желая дать им то, чего лишился сам, отец очень рано отправил сыновей в подготовительную школу, откуда им предстояло перейти сначала в Регби, а потом в Кембридж. Мысль об Оксфорде вызывала в роду Хемли наследственную ненависть.

Старший сын Осборн, названный так по девичьей фамилии матери, обладал тонким вкусом и разнообразными талантами. Мальчик унаследовал ее аристократические черты, нежность, мягкость и почти девичью чувствительность. В школе учился хорошо, получал множество наград – одним словом, радовал родителей, а для матушки неизменно оставался близким другом и советчиком в любых затруднениях.

Роджер был на два года моложе брата: неуклюжий и крепко сбитый, как отец, с квадратным лицом, на котором застыло серьезное, даже угрюмое выражение. Учителя отзывались о нем как о старательном, но малоспособном ученике. Наград Роджер не получал, зато регулярно привозил родителям похвальные отзывы о поведении. Когда обнимал мать, та со смехом вспоминала басню о комнатной собачке и осле¹⁰, так что, немного повзрослев, Роджер отказался от любых проявлений любви и нежности.

После окончания Регби его поступление в колледж по стопам брата вызывало у родителей глубокие сомнения. Миссис Хемли считала, что это будет напрасная трата денег, поскольку младший сын вряд ли отличится в интеллектуальной сфере. Что-нибудь практическое, вроде инженерного дела, подойдет ему значительно больше. Она думала, что поступление в один колледж и университет с выдающимся братом станет для Роджера слишком унижительным опытом: после множества провалов он с трудом получит диплом. Однако отец, как всегда, упрямо настаивал на своем решении дать сыновьям равное образование, равные возможности и те привилегии, которых лишился сам. Если Роджер не достигнет успеха в Кембридже, то виноват будет только он и никто другой. А вот если отец не даст ему возможности учиться, то впоследствии пожалеет о своем решении, как глубоко сожалел сквайр Стивен. В итоге младший брат поступил в Тринити-колледж по примеру старшего, а миссис Хемли опять осталась одна после года вызванной ее слабым здоровьем неопределенности в отношении будущего Роджера. Уже много лет она не выходила дальше сада, а большую часть времени проводила на софе, летом придвинутой к окну, а зимой – к камину. Ее гнездышко представляло собой просторную комнату, четыре высоких окна выходили на украшенную клумбами лужайку, за которой начиналась рощица с прудом, заросшим водяными лилиями. Об этом невидимом сказочном месте миссис Хемли сочинила немало очаровательных коротких стихотворений. Рядом с софой стоял небольшой стол, где лежали новейшие литературные произведения, карандаши, папка с листами бумаги и стояла ваза со свежими цветами, которые каждый день приносил ей муж, и не важно, зимой или летом. Каждые три часа горничная с лекарством, стаканом воды и бисквитом, а сам сквайр заходил каждую свободную от работы в саду или в поле минуту. И все же в отсутствие сыновей главным событием дня становились частые профессиональные визиты мистера Гибсона.

Доктор знал, что по Холлингфорду ходят слухи, будто миссис Хемли мнимая больная, а он потакает ее капризам, но, кроме усмешки, ничего эти сплетни не вызывали. Мистер Гибсон видел, что его посещения доставляют пациентке истинную радость и облегчают непонятное, но стойкое недомогание, а также не сомневался, что сквайр Хемли был бы рад, если бы он смог приходить каждый день, поскольку сознавал, что пристальное наблюдение за симптомами спо-

¹⁰ Басня Эзопа, в которой осел завидует комнатной собачке и пытается добиться тех же ласк, но получает лишь побои. Роджер хоть и не страдает от невнимания, но в силу своей мужественности вызывает неловкость у матери.

собствовало бы облегчению состояния больной. Помимо профессиональных причин существовала причина личная: общество сквайра доставляло доктору глубокое удовольствие. Мистера Гибсона чрезвычайно привлекала в мистере Хемли непоследовательность, странность, упорный консерватизм в религии, политике и морали. Порой миссис Хемли пыталась смягчить суждения супруга, которые считала оскорбительными для доктора, или сгладить слишком резкие противоречия, но в таких случаях муж почти ласково опускал на плечо доктора тяжелую ладонь и старался успокоить жену: «Оставь, дорогая: мы понимаем друг друга. Не так ли, доктор? Поверь, нередко он наподдает мне куда ошутимее, чем получает сам, вот только умеет ловко притворяться вежливым и скромным. И все равно я всегда знаю, что это пилюля».

Миссис Хемли часто выражала желание, чтобы Молли погостила у нее несколько дней, однако мистер Гибсон всякий раз отклонял приглашение, убеждая себя, что это нарушит ход учебы и регулярность занятий, хотя на самом деле просто не хотел расставаться с дочкой. Кроме того, нахождение в душевной комнате вместе с больной не пойдет девочке на пользу. Если дома окажутся Осборн и Роджер, Молли попадет в нежелательную компрометирующую компанию юношей, но даже если их не будет, общество нервной сентиментальной дамы вряд ли подействует на нее благотворно.

И все же, в конце концов, настал день, когда мистер Гибсон сам предложил, чтобы Молли приехала погостить, и миссис Хемли приняла предложение, по ее выражению, «с распаханутыми объятиями сердца». Продолжительность визита не уточнялась. Причина изменения намерений доктора заключалась в том, что, как уже упоминалось, он принял учеников, пусть и неохотно, и в его доме появились мистер Уинн и мистер Кокс – «молодые джентльмены», как их называли в семье, или, как выражались жители Холлингфорда, «молодые джентльмены мистера Гибсона». Мистер Уинн, как старший по возрасту и более опытный ассистент, время от времени заменял наставника и тем самым приобретал опыт в посещении бедных и хронических больных. В напрасной надежде услышать свежую мысль мистер Гибсон нередко обсуждал с мистером Уинном профессиональные вопросы, но молодой человек оказался осторожным и безынициативным, из тех, кто никогда не принесет вреда поспешными выводами и действиями, но в то же время не станет принимать самостоятельно решения, а отсидится в безопасности. И все же мистер Гибсон, который помнил «молодых джентльменов» намного хуже нынешних, был доволен своим старшим учеником.

Мистер Кокс, девятнадцатилетний юноша с ярко-рыжими волосами и румяным, как у деревенской девушки, лицом, чего чрезвычайно стыдился, был сыном знакомого Гибсону джентльмена – офицера, служившего в Индии. В настоящее время майор Кокс занимал в Пенджабе какую-то непроезжимую должность, однако год назад, находясь в Англии, подчеркнуто высказал глубокое удовлетворение тем, что отправил сына на обучение к давнему другу, и почти навязал мистеру Гибсону опеку над юношей, выдав множество предписаний, которые считал уникальными. Доктор с легким раздражением заверил майора, что подобные предписания неуклонно выполнялись всегда, для каждого ученика, однако стоило бедному майору отважиться попросить, чтобы его мальчика считали членом семьи, чтобы он проводил вечера в гостиной, а не в кабинете, как мистер Гибсон решительно отказал: «Он должен жить точно так же, как другие. Не могу допустить, чтобы ступку и пестик притащили в гостиную и комната пропахла алоэ». – «Значит, мальчику придется самому делать пилюли?» – обреченно спросил майор. «Несомненно! Этим всегда занимается младший из учеников. Работа нетрудная, и всегда можно утешиться тем, что не придется глотать их самому. К тому же в его распоряжении всегда будет запас понефракских пастилок и плодов шиповника, а по воскресеньям, в награду за труды, еще и немного тамаринда».

Майор Кокс вовсе не был уверен, что мистер Гибсон над ним не насмехается, однако договор уже был подписан, а преимущества обучения настолько очевидны, что он счел разумным не заметить сарказма и смириться с изготовлением пилюль. Утешение принесло поведе-

ние доктора в момент истины – во время прощания. Говорил он не много, однако смысл его слов: «Вы доверили мне своего мальчика, и я полностью принимаю ответственность», – был особенно дорог отцовскому сердцу.

Мистер Гибсон слишком хорошо знал свое дело и человеческую природу, чтобы оказывать молодому Коксу очевидное предпочтение, но время от времени все-таки давал понять юноше, что относится к нему с особой теплотой, как к сыну друга. Помимо этого обстоятельства сам молодой человек ему был чрезвычайно симпатичен: умный, непосредственный, импульсивный, всегда готовый высказать свое мнение. Порой он поражал доктора своей сообразительностью, но в то же время и грубых ошибок совершал немало. Мистер Гибсон порой шутил, что девизом его молодого коллеги наверняка будет: «Убей или вылечи», – на что мистер Кокс однажды совершенно серьезно ответил, что это правильная позиция любого врача: если не можешь вылечить пациента, надо просто быстро избавить его от страданий. Мистер Уинн с ужасом тогда заметил, что подобное избавление от страданий сочтут убийством. Мистер Гибсон в свою очередь сухо заявил, что совершенно согласен с обоими, но не стоит столь поспешно расставаться с выгодными пациентами. По его мнению, до тех пор пока те могут и готовы платить доктору по два фунта шесть пенсов за визит, следует всеми средствами поддерживать в них жизнь. Разумеется, в случае внезапного обнищания ситуация меняется. Мистер Уинн глубоко задумался над высказыванием наставника, а мистер Кокс лишь расхохотался. После долгих размышлений старший ученик возразил:

– Но ведь вы, сэр, каждое утро, еще до завтрака, навещаете старую Нэнси Грант, к тому же заказали для нее самое дорогое лекарство в аптеке Корбина.

– Разве вам не известно, как трудно бывает ужиться с собственными принципами? Вам предстоит еще многому научиться, мой юный коллега! – ответил доктор и вышел из кабинета.

– Никак не могу понять учителя, – сокрушенно вздохнул Уинн. – Над чем ты опять смеешься, Кокси?

– Да вот думаю, как тебе повезло с родителями: сумели внедрить в твой мозг прочную мораль. Если бы матушка не объяснила тебе, что убийство – это преступление, ты бы только и делал, что травил бедняков направо и налево, полагая, что исполняешь завет старика Гибсона, а на суде сказал бы в свое оправдание: «Господин судья, они не могли оплатить лечение, а потому я поступил так, как научил меня мистер Гибсон, великий доктор из Холлингфорда: отравил их».

– Терпеть не могу его насмешки!

– Да полно! Если бы не юмор учителя, не тамаринд и кое-что еще, давно сбежал бы в Индию. Ненавижу провинциальные городишки, запах больных людей и лекарств... Фу!

Глава 5

Телячья любовь

Однажды по какой-то причине мистер Гибсон неожиданно вернулся домой и, оставив лошадь в конюшне, вошел в холл через садовую дверь, поскольку сад соседствовал с хозяйственным двором. В этот момент из кухни выскочила младшая служанка с запиской в руке и направилась к лестнице, однако увидела господина, испуганно вздрогнула и хотела было вернуться в кухню. Если бы не это столь явное свидетельство вины, то лишенный подозрительности мистер Гибсон не обратил бы на девушку внимания, но сейчас быстро подошел и потребовал:

– Дай записку, Бетия!

Горничная растерялась и, запинаясь от страха, возразила:

– Это для мисс Молли.

– Немедленно отдай! – повторил хозяин с угрозой в голосе.

Служанка уже едва не плакала, однако продолжала держать записку в кулаке, спрятав руки за спину.

– Он велел передать лично, и я пообещала, честное слово дала.

Тогда мистер Гибсон приказал:

– Немедленно разыщите мисс Молли и скажите, чтобы спустилась сюда.

Хозяин пригвоздил Бетию неумолимым взглядом, и пытаться ускользнуть не имело смысла. Можно было бы незаметно бросить записку в печь, но бедняжка не догадалась: так и стояла словно изваяние, опасаясь поднять взгляд на господина.

– Молли, дорогая!

– Папа? Что-то ты рано сегодня, – удивилась ничего не подозревавшая девушка.

– Бетия, сдержи обещание: мисс Молли перед тобой, так что отдай записку ей в руки.

– Честное слово, мисс, я ни в чем не виновата!

Девушка взяла записку и хотела было развернуть, но не успела.

– Нет, дорогая, не стоит, – остановил ее отец. – Отдай мне. А ты, Бетия, скажи тем, кто тебя послал, что все письма для мисс Молли должны проходить через мои руки. Инцидент исчерпан, и все могут отправиться по своим делам.

– Но, папа, ты же можешь сказать, кто это написал.

– Обсудим как-нибудь позже.

Так и не удовлетворив любопытство, девушка неохотно вернулась наверх, к мисс Эйр, которая по-прежнему оставалась если не гувернанткой, то ежедневной компаньонкой. Доктор же вошел в пустую столовую, закрыл за собой дверь, взломал на записке печать и начал читать. Это было пламенное признание в любви от мистера Кокса, который заявлял, что больше не может видеть мисс Молли каждый день и не имеет возможности поведать о своей страсти. «О вечной страсти», как он выражался, чем вызвал усмешку у мистера Гибсона. Не согласится ли она взглянуть на него благосклонно? Не задумается ли о том, чьи мысли сосредоточены на ней? И так далее, с солидной долей комплиментов в адрес ее красоты. В его глазах Молли представляла не бледной, а светлокожей; глаза ее сияли словно звезды; ямочки на щеках напоминали о прикосновении Купидона. И все в таком духе.

Закончив чтение, мистер Гибсон задумался. Кто бы мог представить, что юноша так сентиментален... Но, с другой стороны, в кабинете стоит собрание сочинений Шекспира. Пожалуй, пришла пора его оттуда убрать, а взамен поставить словарь Джонсона. Утешало лишь одно: абсолютная, на грани невежества невинность дочери. Совершенно точно это «признание в любви», как назвал его автор, первое, но все же слишком рано все это началось, и это

тревожило. Подумать только, ведь ей еще и семнадцати нет, только через полтора месяца исполнится! Совсем ребенок. Впрочем, бедняжка Дженни была еще моложе, а как он ее любил! (Миссис Гибсон звали Мери, так что доктор вспоминал какую-то другую особу.) Мысли потекли в ином направлении, хотя он по-прежнему держал в руке открытую записку. Спустя некоторое время взгляд снова сосредоточился на листке бумаги, а сознание вернулось к настоящему. «Пожалею мальчика, ограничусь намеком: он достаточно сообразителен, чтобы понять. Бедный парнишка! Самое мудрое, конечно, отослать его восвояси, но куда же он пойдет? Дома-то у него нет...»

После некоторых размышлений в том же ключе мистер Гибсон сел за письменный стол и выписал юному влюбленному рецепт:

«Мастер Кокс (обращение «мастер» затронет его за живое, усмехнулся доктор), 19 лет.

Pp: Verecundiae, Fidelitatis Domesticae, Reticentiae.

Signa: Capiat hanc dosim ter die aqua pura.

R. Gibson» ¹¹.

Перечитав написанное, мистер Гибсон грустно улыбнулся: «Ах, бедняжка Дженни», – достал из ящика конверт, вложил в него пылкую записку и рецепт, а затем запечатал конверт перстнем с четко вырезанными старинными буквами инициалами R.G., но, прежде чем написать адрес, задумался: «Обращение «Мастер Кокс» на видном месте мальчику не понравится. Не стоит подвергать его позору».

Имя адресата на конверте теперь выглядело так: «Эдварду Коксу, эсквайру».

Покончив с этим, доктор обратился к профессиональным делам, которые так своевременно привели его домой в неурочный час, а затем через сад вернулся в конюшню. Уже на лошади, внезапно будто что-то вспомнив, он обратился к конюху:

– О, кстати! Вот письмо мистеру Коксу. Будь добр, не отдавай его прислуге, а отнеси в кабинет сам, причем прямо сейчас.

Легкая улыбка, с которой мистер Гибсон выехал со двора, на пустынной улице мгновенно пропала. Придержав лошадь, он глубоко задумался о том, как неловко растить взрослеющую дочь без матери в одном доме с двумя молодыми людьми, пусть даже она видит их только за столом, а весь разговор ограничивается фразой: «Могу я положить вам картофель?» – или, как выражался мистер Уинн, «Могу ли я предложить вам картофелину?» С каждым днем такие вопросы все больше раздражали хозяина, но виновнику нынешнего затруднения мистеру Коксу предстояло оставаться в доме в качестве ученика еще целых три года, ведь он пришел последним, и их следовало как-то пережить. Что делать, если телячья любовь продолжится? Рано или поздно Молли все равно о ней узнает.

Непредвиденное обстоятельство до такой степени выводило из себя, что мистер Гибсон решил усилием воли выбросить его из головы, пустив лошадь галопом, и обнаружил, что тряска на развороченной за сотню лет булыжной мостовой чрезвычайно благотворно сказывается если не на состоянии костей, то на образе мыслей. В тот день он посетил множество пациентов и домой вернулся, представляя, что худшее осталось позади, а мистер Кокс понял прозрачный намек и принял предписание к сведению. Оставалось лишь найти надежное место для злополучной Бетии, проявившей столь предосудительную склонность к интригам. Однако мистер Гибсон ошибся в предположениях. Как правило, молодые люди появлялись в столовой к чаю, проглатывали по две чашки, прожевывали положенные тосты и исчезали. В этот вечер за непринужденным разговором на отвлеченные темы наставник пристально следил за учениками из-под полуопущенных ресниц и в результате наблюдения заметил, что мистер Уинн едва сдерживает смех, а рыжеволосый краснолицый мистер Кокс покраснел еще больше и явно пребывает в крайнем негодовании.

¹¹ Скромность, домашняя преданность, уважение. Смешать с чистой водой и принимать три раза в день. Р. Гибсон (*лат.*).

«Что же, пусть получит то, что хочет», – подумал доктор и препоясал чресла, готовясь к схватке. Он не последовал за Молли и мисс Эйр в гостиную, как обычно, а остался на месте и притворился, что читает газету, пока Бетия с распухшим от слез лицом и оскорбленным видом убирала со стола. Минут через пять после ее ухода раздался ожидаемый стук в дверь.

– Можно поговорить с вами, сэр? – послышался из коридора голос невидимого мистера Кокса.

– Конечно. Входите, мистер Кокс. Как раз собирался обсудить с вами счет из аптеки Корбина. Прошу, присаживайтесь.

– Вовсе не хотел, сэр, не думал... Нет, спасибо, лучше постою. – Он остался стоять, демонстрируя оскорбленное достоинство. – Речь о том письме, сэр. О письме с унижительным рецептом, сэр.

– Унижительный рецепт! Удивлен, что мое предписание способно получить такую характеристику, хотя порой, услышав диагноз, пациенты чувствуют себя униженными, и больше того, могут обидеться даже на то лекарство, которого требует заболевание.

– Я не просил прописывать мне лечение.

– Конечно нет! И все же именно вы тот самый мастер Кокс, который отправил записку с Бетией. Позвольте сообщить, что по вашей милости служанка лишилась места, а записка оказалась чрезвычайно глупой.

– Однако перехватив письмо, адресованное вовсе не вам, открыв и прочитав его, вы, сэр, нарушили кодекс чести джентльмена!

– Нет! – возразил мистер Гибсон с легким блеском в глазах и улыбкой на губах, не ускользнувшей от внимания возмущенного мистера Кокса. – Полагаю, когда-то я считался довольно привлекательным и, как все в двадцать лет, отличался самодовольством, но даже тогда вряд ли поверил бы, что все эти липкие комплименты адресованы мне.

– Вы повели себя не как джентльмен, сэр, – запинаясь, повторил Кокс и хотел добавить что-то еще, однако мистер Гибсон перебил:

– Позвольте сообщить вам, молодой человек, что поступок простителен только с учетом вашей молодости и полного невежества относительно правил домашней порядочности. Я принимаю вас, как члена семьи, а вы сбиваете с толку одну из моих служанок, наверняка подкупив взяткой...

– Право, сэр! Не дал ни пенни.

– Хотя и должны были. Следует всегда платить тем, кто выполняет ваши грязные поручения.

– Вы только что сами назвали это подкупом и взяткой, сэр, – в недоумении пробормотал мистер Кокс.

Не обратив внимания на его реплику, доктор продолжил:

– Побудили одну из служанок рискнуть местом работы, даже не предложив ни малейшей компенсации, и поручили ей тайно передать письмо моей дочери – совсем ребенку.

– Но, сэр, мисс Гибсон скоро исполнится семнадцать! Я сам недавно слышал, как вы это сказали, – гневно возразил юноша, однако доктор опять его не услышал.

– Вы не пожелали показать письмо ее отцу, принявшему вас в свой дом. Сын того майора Кокса, которого я хорошо знал, должен был прийти ко мне и открыто заявить: «Мистер Гибсон, я люблю – или воображаю, что люблю, – вашу дочь. Не считаю правильным скрывать от вас свое чувство, хотя не в состоянии заработать ни пенни. Не имея перспектив на независимое существование даже для себя еще в течение нескольких лет, не скажу ни слова о своих чувствах – или воображаемых чувствах – самой юной леди». Вот как должен был поступить сын вашего отца, хотя сдержанное молчание оказалось бы намного предпочтительнее.

– А если бы я так поступил, сэра – возможно, действительно следовало произнести эти слова, – взволнованно и торопливо проговорил мистер Кокс, – каким бы оказался ваш ответ? Вы бы одобрили мою страсть, сэра?

– Скорее всего я ответил бы – хотя не уверен в точности выражений, – что вы молодой болван, но не бесчестный молодой болван. Еще посоветовал бы не позволять себе задумываться о телячьей любви, пока она не выросла в истинную страсть. А чтобы компенсировать причиненное унижение, велел бы вступить в крикетный клуб Холлингфорда и постарался как можно чаще отпускать по субботам, во второй половине дня. А так придется написать лондонскому агенту вашего отца и попросить его забрать вас из моего дома. Разумеется, с возвратом уплаченных денег, что позволит вам устроиться на учебу к другому доктору.

– Отец ужасно расстроится, – горестно пробормотал исполненный отчаяния и раскаяния мистер Кокс.

– Не вижу другого выхода. Конечно, доставлю майору Коксу лишние хлопоты (конечно, о том, чтобы не ввести его в дополнительные расходы, позабочусь), но думаю, что больше всего его расстроит злоупотребление доверием, ибо я доверял вам, Эдвард, как собственному сыну!

Когда мистер Гибсон говорил серьезно, особенно о чувствах – он, кто так редко раскрывал сердце, – в голосе его появлялось нечто неотразимое для собеседника: переход от привычного шуточного тона к нежной искренности.

Опустив голову, мистер Кокс надолго задумался, а потом признался:

– Но я люблю мисс Гибсон. Кто же мне поможет?

– Надеюсь, мистер Уинн! – ответил доктор.

– Его сердце уже занято, а мое оставалось свободным до того момента, пока я не увидел ее.

– Не пройдет ли ваша... страсть, скажем так, если отныне мисс Гибсон станет выходить к столу в синих очках? Как я заметил, вы очень много рассуждаете о красоте ее глаз.

– Насмехаетесь над моими чувствами, сэра. Должно быть, забыли, что и сами когда-то были молоды.

Перед мысленным взором доктора возникла «бедняжка Дженни», и он почувствовал себя слегка пристыженным, а после минутного раздумья предложил:

– Что же, мистер Кокс, давайте попробуем заключить сделку. Вы поступили очень плохо. Надеюсь, в глубине души уже признали свою вину или признаете, как только остынете от этого разговора и немного подумаете. Но я не утрачу остаток уважения к сыну своего друга. Если дадите слово, что, оставшись в моем доме в качестве ученика или ассистента – назовите как угодно, – не попытаетесь вновь открыть свою страсть (видите, стараюсь взглянуть вашими глазами на то, что назвал бы фантазией) устно, письменно, взглядами или поступками лично дочери или в разговорах с другими людьми, то продолжите обучение. Если же не готовы пообещать, придется прибегнуть к названной мере, а именно написать агенту вашего отца.

Мистер Кокс застыл в нерешительности.

– Но мистер Уинн знает о моих чувствах к мисс Гибсон, сэра. У нас нет секретов друг от друга.

– В таком случае, он должен перевоплотиться в тростник. Вам известна история о парикмахере царя Мидаса, чьи пышные кудри скрывали ослиные уши. Поэтому, за неимением мистера Уинна, парикмахер приходил на берег озера и шептал тростнику: «У царя Мидаса ослиные уши». Однако он так часто это повторял, что тростник запомнил слова и постоянно их шуршал, так что скоро тайна перестала быть тайной. Если будете без конца твердить мистеру Уинну о своей симпатии, уверены, что он не поделится с кем-то еще?

– Если даю слово джентльмена, то даю его и за мистера Уинна.

– Полагаю, я вправе рискнуть. Но не забывайте: опорочить имя невинной девушки очень легко. Молли растет без матери, и уже потому должна ходить среди вас безупречной, как сама Уна¹².

– Мистер Гибсон, если хотите, готов поклясться на Библии! – горячо воскликнул молодой человек.

– Глупости. Можно подумать, что вашего честного слова, если оно чего-то стоит, недостаточно! На этом, если желаете, пожмем друг другу руки.

Мистер Кокс с готовностью схватил предложенную ладонь и больно вдавил мистеру Гибсону в палец кольцо, а выходя из комнаты, смущенно спросил:

– Можно дать Бетии крону?

– Разумеется, нет! Оставьте это мне. Надеюсь, ей, пока девушка здесь, вы не скажете ни единого слова, ну а я позабочусь, чтобы она устроилась в приличное место.

Мистер Гибсон велел подать лошадь и отправился к больным, осталось еще несколько вызовов. Он любил повторять, что за год совершает кругосветное путешествие, – не многие доктора графства обладали столь же обширной практикой. Он заглядывал в отдаленные хижины на краю деревень, заезжал в фермерские дома, навещал дворян в радиусе пятнадцати миль от Холлингфорда и оставался любимым доктором всех знатных семейств, по тогдашней моде каждый февраль уезжавших в Лондон и возвращавшихся в поместья в начале июля. В силу необходимости он редко оставался дома, но сейчас, в этот мягкий летний вечер ощущал отсутствие серьезной опасности, хотя с изумлением признавал, что малышка Молли быстро взрослеет и становится пассивным объектом того мощного интереса, который определяет жизнь женщины. Но при этом он так подолгу отсутствовал, что не мог оградить дочь в той мере, в какой следовало бы. Результатом раздумий стал утренний визит в дом сквайра Хемли, во время которого доктор предложил позволить дочери наконец-то принять приглашение хозяйки, которое до сих пор под любым предлогом им отклонялось.

– Если ответите мне известной поговоркой: «Кто не захотел, когда мог, когда захочет, не сможет», – и, обещаю, я не обижусь.

Вне всякого сомнения, миссис Хемли искренне обрадовалась, что в доме будет гость, девушка, которую не нужно занимать. Можно предложить ей погулять по саду или, когда разговоры утомят больную, попросить почитать вслух. Юность и свежесть принесут в одинокую замкнутую жизнь очарование и аромат летнего утра. Трудно представить что-то более приятное, так что визит Молли в особняк сквайра Хемли был с легкостью улажен.

– Жаль только, что дома нет Осборна и Роджера, – проговорила миссис Хемли своим тихим мягким голосом. – Что, если девочка заскучает с нами, стариками? Когда она приедет? Жду ее с нетерпением!

Сам же мистер Гибсон в глубине души радовался отсутствию юношей: ему не хотелось, чтобы, едва спасшись от Сциллы, дочка сразу попала к Харибде. Впоследствии он не раз укорял себя за то, что считал всех молодых людей волками, которые гонятся за его единственной овечкой.

– Она еще ничего не знает о предстоящем визите, – заметил доктор, – а я понятия не имею, что ей понадобится и сколько времени займут сборы. Прошу вас о снисхождении: она пока еще всего лишь маленькая невежда и не вполне обучена этикету. Возможно, наши домашние манеры покажутся вам не вполне подходящими для девушки, однако, уверен, атмосфера вашего дома пойдет ей на пользу.

Услышав от жены о предложении мистера Гибсона, сквайр не меньше ее обрадовался приезду юной гостьи, ибо, когда не мешала гордость, отличался сердечным гостеприимством.

¹² Уна – принцесса из поэмы Эдмунда Спенсера (1552-1599) «Королева фей»; символизирует собой истину.

Настоящий восторг вызвала мысль о том, что больная теперь будет проводить время в приятной компании, и все же Хемли заметил:

– Это даже хорошо, что наши оболтусы сейчас в Кембридже, а то, не приведи господь, и до романа недолго.

– И что же здесь такого? – пожала плечами более романтическая супруга.

– А то, что это вовсе ни к чему! – решительно отрезал сквайр. – Осборн получит превосходное образование, лучшее во всей округе, унаследует поместье и станет Хемли из Хемли. В графстве нет семьи древнее и достойнее нашей, поэтому он сможет жениться, когда захочет и на ком захочет. Если бы у лорда Холлингфорда была дочь, то составила б ему прекрасную партию. А влюбляться в дочь Гибсона ему незачем: я этого не допущу.

– Да, ты прав: она Осборну не пара. Ему надо смотреть выше.

– А что касается Роджера, – продолжил сквайр, – то ему придется устраиваться в жизни самостоятельно и самому зарабатывать себе на хлеб. Боюсь, его успехи в Кембридже весьма скромны, так что в ближайшие лет десять ему будет не до семьи.

– Если, конечно, речь не идет о богатой наследнице, – возразила миссис Хемли, в очередной раз продемонстрировав романтический, совершенно непрактичный склад ума.

– Ни один из моих сыновей не получит разрешения на брак с девицей из семьи, богаче нашей, – жестко заявил сквайр. – Ничего не имею против, если годам к тридцати Роджер сумеет обзавестись капиталом фунтов в пятьсот годовых, а жену выберет с десятью тысячами, но если мой мальчик с двумя сотнями фунтов – а ровно столько получит от нас Роджер – женится на особе с пятьюдесятью тысячами, я от него отрекусь. Это отвратительно.

– Но только не в том случае, если они полюбят друг друга и от этого брака будет зависеть их счастье, – мягко возразила миссис Хемли.

– Вот еще! Какая там любовь! Правда, моя дорогая, мы с тобой так страстно любили друг друга, что не могли и дня прожить врозь, но это совсем другое дело. Современная молодежь совсем не похожа на нас: любовь превратилась у них в нелепые фантазии и сентиментальный роман.

Мистер Гибсон решил, что вполне достаточно договориться о визите дочери с самими Хемли, так что не считал нужным ставить ее в известность вплоть до самого дня отъезда.

– Кстати, Молли, – сообщил он дочери утром, – сегодня ты отправляешься в Хемли. Миссис Хемли хочет, чтобы ты провела у них недельку-другую, и мне очень удобно воспользоваться приглашением именно сейчас.

– Поехать в Хемли, сегодня же! Право, папа, ты что-то от меня скрываешь. Что за таинственная причина? Пожалуйста, скажи, в чем дело! Погостить в Хемли неделю-другую! Но ведь я еще ни разу в жизни не уезжала из дому без тебя!

– Да и ходить не умела, прежде чем не поставила ноги на землю и не попробовала. Все когда-то случается впервые.

– Твое решение явно связано с тем письмом, которое ты у меня отобрал еще до того, как я успела рассмотреть почерк.

Серьезные серые глаза так пристально смотрели отцу в лицо, стараясь разгадать секрет, что он не выдержал и рассмеялся:

– А ведь ты колдунья, дочка!

– Значит, так и есть! Но если это письмо от миссис Хемли, то почему мне нельзя было его прочесть? С того самого дня – кажется, это был четверг? – постоянно казалось, что ты что-то затеваешь. Ходил с задумчивым, озадаченным видом, как настоящий заговорщик. Пожалуйста, папа, скажи, – подойдя ближе, умоляюще повторила Молли, – почему мне нельзя увидеть записку? И почему вдруг понадобилось ехать в Хемли?

– Тебе что, не хочется ехать? Желаете остаться дома?

Если бы дочь ответила утвердительно, это доктора скорее бы обрадовало, чем расстроило: расставание даже на короткое время внушало ему ужас, – однако Молли сказала, пожав плечами:

– Не знаю. Наверное, если немного подумать, то пойму, чего хочу, а сейчас я просто удивлена столь неожиданным предложением, но одно знаю точно: не хочу уезжать от тебя. Почему ты меня прогоняешь, папа?

– В эту самую минуту где-то сидят три старые леди и решают твою судьбу. Одна держит в руке веретено и прядет нить, но вот на нитке образовался узелок и она не знает, что с ним делать. Сестра ее тут же вооружилась ножницами и по привычке приготовилась разрезать нить, но третья леди – самая умная – пытается сообразить, как распутать узел. Именно она решила, что тебе следует отправиться в Хемли, а остальные с ней согласились. Поэтому, раз богини судьбы решили, что визит необходим, нам с тобой остается только подчиниться.

– Все это ерунда, папа, и мне еще больше хочется узнать истинную причину.

Мистер Гибсон сменил тон и заговорил серьезно.

– Причина существует, Молли, но называть ее я не хочу. Я сказал тебе все, что считал нужным, и надеюсь, ты поведешь себя достойно и не станешь ничего выяснять.

– Хорошо, папа, обещаю не ломать голову над истинной причиной, но должна тебя расстроить. В этом году мне не шили новых платьев, а из старых я выросла: осталось всего три, которые можно носить. Как раз вчера Бетти заметила, что пора обновить гардероб.

– Разве то, что сейчас на тебе, не подойдет? Цвет очень милый.

– Да, но, папа, оно же шерстяное: в нем будет жарко, ведь с каждым днем становится все теплее.

– Жаль, что девочки не могут одеваться так же, как мальчики! – с досадой воскликнул мистер Гибсон. – Откуда мужчине знать, что дочери нужны новые платья? И где их взять, когда оказывается, что они нужны немедленно?

– Ах вот в чем вопрос! – всплеснула в отчаянии руками Молли.

– А нельзя пойти к мисс Розе? Разве у нее нет готовой одежды для девочек твоего возраста?

– Мисс Роза! Да мы никогда ничего у нее не покупали! – удивилась Молли, ибо отец назвал имя главной портнихи и модистки городка. Ей же всю одежду шила Бетти.

– Ну, судя по всему, многие уже считают тебя вполне взрослой юной леди, так что счета от модистки придется принять как должное. Конечно, не следует покупать то, что не сможешь оплатить на месте. Вот десять фунтов; отправляйся к мисс Розе или любой другой портнихе и выбери то, что придется по вкусу. В два часа Хемли пришлют за тобой экипаж, а все, что не успеешь собрать к этому времени, я передам с их прислугой в субботу, когда поеду на рынок. Нет-нет, не благодари! И деньги тратить жаль, и не хочу, чтобы ты уезжала и бросала меня одного: буду очень скучать. Только острая необходимость вынуждает прибегать к крайним мерам. Давай все решим побыстрее, пока я не расчувствовался до слез. Я так тебя люблю.

– Папа, ты опять говоришь загадками. Хоть я и пообещала ничего не выяснять, но если будешь продолжать нагнетать таинственность, уступлю любопытству.

– Иди и трать свои десять фунтов. Неужели непонятно, что это плата за молчание?

Сочетание запасов готовой одежды в салоне мисс Розы со вкусом Молли не привело к какому-либо успеху. В результате был куплен отрез сиреневого ситца: эта ткань легко стирается и хорошо подходит для утра, – а платье сшить к субботе могла и Бетти. Для праздников и торжественных случаев, под которыми подразумевались воскресные дни и вечера, мисс Роза убедила заказать наряд из яркого тонкого клетчатого шелка, очень модного в этом сезоне. Молли решила, что клетка порадует шотландскую душу отца, однако, едва увидев расцветку, доктор закричал, что тартан принадлежит несуществующему клану и ей следовало бы об этом

знать, но что-либо менять было уже поздно, так как мисс Роза пообещала приступить к работе сразу, как только мисс Гибсон выйдет из магазина.

Вместо того чтобы отправиться по своему обычному дальнему маршруту, доктор все утро ходил по городу. Несколько раз встречал на улицах дочь, но если оказывался на противоположной стороне, не переходил через дорогу, а лишь кивал и продолжал путь, коря себя за слабость: при мысли о расставании на пару недель его одолевала тоска.

«В конце концов, она же вернется, и все будет так, как раньше, если глупец Кокс откажется от своих фантазий. В противном случае проблему придется как-то решать, но об этом можно подумать позже».

Глава 6

В гостях у Хемли

Стоит ли сомневаться, что новость об отъезде мисс Гибсон распространилась по дому задолго до ленча? Несчастное выражение лица мистера Кокса вызывало острое раздражение хозяина дома, то и дело метавшего в молодого человека яростные взгляды, открыто осуждая за меланхолию и отсутствие аппетита, которые тот демонстрировал с отчаянным упорством. Молли же, погруженная в собственные мысли и переживания, ничего не заметила, только раз-другой с грустью подумала, что пройдет немало времени, прежде чем снова удастся сесть за стол вместе с отцом.

Когда она поделилась с ним грустными мыслями, пока они вдвоем сидели в гостиной, ожидая прибытия экипажа, доктор только рассмеялся:

– Завтра поеду осматривать миссис Хемли и скорее всего останусь на ленч. Так что долго ждать тебе не придется.

Послышался стук колес подъехавшего экипажа.

– Ах, папа! – воскликнула Молли, хватая отца за руку. – Сейчас, когда пришло время, понимаю, что не хочу никуда уезжать!

– Глупости, детка. Не стоит уступать сантиментам. Скажи лучше, ничего не забыла? Это куда важнее.

Да, она взяла ключи и сумочку, а маленькая шкатулка уже лежала на сиденье возле кучера. Отец посадил дочку в экипаж, закрыл за ней дверь, и мисс Гибсон отправилась в путь в величественном одиночестве, посылая отцу воздушные поцелуи, в то время как, несмотря на презрение к чувствительности, мистер Гибсон стоял у ворот и смотрел вслед, пока экипаж не скрылся за поворотом. Вернувшись в кабинет, он обнаружил, что мистер Кокс, словно в помешательстве, неподвижно стоит у окна и смотрит на пустую дорогу, по которой уехала юная леди. Доктор вывел его из задумчивости резким, почти злобным выговором по поводу случившейся пару дней назад оплошности, когда ему пришлось провести у постели больной девочки, чьи родители совсем выбились из сил от множества бессонных ночей после тяжелого труда днем.

Молли немного поплакала, но, вспомнив, как рассердился бы отец при виде слез, заставила себя успокоиться. Ехать в роскошном экипаже по чистым зеленым улицам, где вдоль дороги росли душистые кусты жимолости и шиповника, было настолько приятно, что пару раз у нее возникло желание попросить возницу остановиться, чтобы сорвать несколько цветков. Молли так не хотелось, чтобы это путешествие длиной семь миль, омраченное лишь двумя обстоятельствами: тем, что клетка на шелке не соответствовала клану и что мисс Роза могла не успеть сшить платье к назначенному сроку, – заканчивалось. Наконец показалась деревня с разбросанными вдоль дороги домишками, со старинной церковью на зеленой лужайке, общественным зданием неподалеку и огромным деревом с окруженным скамейками стволом на полпути между церковными воротами и небольшой гостиницей. Возле ворот были сложены в поленницу дрова. Молли, немного утомленная поездкой, поняла, что это земли Хемли и, значит, поместье совсем близко.

Действительно, не прошло и четверти часа, как экипаж свернул в старинный парк, заросший травой, больше похожий на зревший для сенокоса луг. И вскоре подъехал к возвышавшемуся не далее чем в трех сотнях ярдов от большой дороги солидному особняку из красного кирпича. Лакей к экипажу не прилагался, однако возле двери стоял почтенного вида слуга в полной готовности встретить гостью и проводить в комнату, где в ожидании полулежала хозяйка.

Чтобы оказать Молли теплый прием, миссис Хемли поднялась с софы, даже произнесла короткую приветственную речь, сжимая ладони девушки и внимательно, словно изучая, глядя ей в лицо.

– Думаю, мы станем близкими подругами. Вы мне очень понравились, а я всегда верю первому впечатлению. Поцелуйте меня, дорогая.

Во время процесса «клятвы в вечной дружбе» очень непросто оставаться пассивной, поэтому Молли охотно исполнила просьбу больной.

– Хотела сама за вами поехать, однако жара настолько угнетает, что не хватило сил. Надеюсь, дорога была не слишком утомительной?

– Нет-нет, спасибо, – не стала вдаваться в подробности Молли.

– Ваша комната рядом с моей. Надеюсь, она вам понравится. А если нет, в доме есть спальни просторнее. Пойдемте, я провожу вас.

Миссис Хемли медленно, с трудом поднялась, поплотнее завернулась в тонкую шаль и повела гостью вверх по лестнице. В спальню Молли можно было попасть только из личной гостиной хозяйки, как и в ее собственную. Предоставив девушке самостоятельно осмотреться, хозяйка сказала, что ждет внизу, и закрыла дверь.

Первым делом Молли подошла к окну. Прямо под ним пестрел яркими красками цветник, чуть дальше под легким ветерком перекатывался мягкими волнами луг, а дальше начинался лес. Сквозь стволы старых деревьев, примерно в четверти мили, блестело серебром озеро. С противоположной стороны обзор ограничивался старинными стенами и остроконечными крышами многочисленных хозяйственных построек. Очарование тишины начала лета нарушалось лишь пением птиц и жужжанием пчел. Вслушиваясь в эти умиротворяющие звуки и рассматривая затененные участки пейзажа, Молли глубоко задумалась. К действительности ее вернули спустя некоторое время доносившиеся из соседней комнаты голоса: миссис Хемли что-то говорила служанке. Гостя вспомнила, что надо распаковать дорожный сундучок и разложить немногочисленные вещи в симпатичном старомодном комодe, призванном служить также туалетным столиком. Вся мебель в комнате выглядела хоть и старинной, но прекрасно сохранившейся. Шторы на окнах, похоже, были сшиты из индийской ткани едва ли не прошлого века, судя по выцветшим цветам. Возле кровати лежал лишь узкий коврик, оставляя непокрытым добротный деревянный пол из тщательно обработанных и пригнанных так тесно, что в щели не могла забиться ни одна пылинка, дубовых досок. Предметы современной роскоши полностью отсутствовали: не было ни письменного стола, ни софы, ни трюмо. В одном углу на стене была укреплена небольшая консоль с индийским кувшином, в котором стоял букет сухих цветов и трав, наполняя комнату вместе с растущей за окном вьющейся жимолостью изысканными ароматами, не сравнимыми ни с одними духами. Молли разложила на кровати белое платье (прошлогоднего фасона и размера), приготовившись к новому для нее процессу переодевания к обеду, достала рукоделие, привела в порядок прическу и, открыв дверь в гостиную, увидела, что миссис Хемли лежит на софе.

– Может быть, останемся здесь, дорогая? По-моему, у нас гораздо уютнее, чем внизу. К тому же, так не хочется опять подниматься, чтобы переодеться.

– С удовольствием, – с радостью согласилась Молли.

– О, вижу, вы взяли с собой рукоделие! Какая хорошая девочка, – похвалила ее хозяйка. – А я сейчас редко шью, зато много читаю. Любите читать?

– Все зависит от книги, – честно призналась Молли. – Боюсь, не слишком склонна к «чтению запоем», как называет это папа.

– Но поэзию ведь наверняка любите! – воскликнула миссис Хемли. – Вижу по лицу. Знаете последнее стихотворение миссис Хеманс?¹³ Хотите, прочту?

¹³ Хеманс Фелиция Доротея (1793–1835) – английская поэтесса, прославившаяся поэмой «Касабьянка».

Молли не успела ответить, а хозяйка уже начала читать по памяти, но девушка не столько слушала, сколько смотрела по сторонам. Мебель по стилю вполне соответствовала той, которая стояла в ее комнате: старинная, сделанная из качественных материалов, безусловно чистая. Возраст и чужеземный облик обстановки придавали гостиной живописность и уют. На стенах висели выполненные пастелью портреты. Один из них вполне мог изображать хозяйку дома в первом цветении молодости.

Однако вскоре проникновенные строки дошли и до ее сознания. Девушка отложила рукоделие и принялась слушать с тем самым глубоким вниманием, что было так близко сердцу миссис Хемли. Закончив и услышав восхищенный отзыв Молли, она сказала:

– Ах, когда-нибудь я вам непременно дам почитать стихи Осборна, только, чур, по секрету. Право, мне кажется, они ничуть не хуже произведений миссис Хеманс.

Надо заметить, что в те времена сказать девушке, что чьи-то стихи почти так же хороши, как творения миссис Хеманс, значило не меньше, чем сравнить безвестного поэта с Теннисоном.

– Мистер Осборн Хемли? Ваш сын сочиняет стихи? – с живым интересом спросила Молли.

– Да, и полагаю, его смело можно назвать поэтом. Это очень одаренный, умный молодой человек, который, возможно, получит стипендию и должность в Тринити-колледже. По крайней мере, он занимает не последнее место среди лучших математиков, а также ценится как знаток классической мировой и английской поэзии. Его портрет как раз за вами.

Молли обернулась и увидела рисунок пастелью с изображением двух мальчиков в детских брючках, пиджачках и рубашках с отложными воротниками. Старший сидел и увлеченно читал, а младший стоял рядом, пытаясь привлечь внимание брата к чему-то за окном этой самой гостиной, как было понятно по едва обозначенным предметам мебели.

– Какие замечательные лица! – искренне воскликнула девушка. – Наверное, портрет такой давний, что едва ли можно говорить о сходстве с вами, как будто это совсем другие люди.

– Несомненно, – согласилась миссис Хемли, как только поняла, что Молли имела в виду. – Скажите, дорогая, что вы о них думаете. Интересно сравнить ваше впечатление с настоящими характерами сыновей.

– Нет-нет, я не могу: это неслыханная дерзость. Разве что попытаюсь сказать пару слов о лицах, как они представлены на портрете.

– Ну скажите хотя бы это.

– Старший мальчик – тот, что явно читает, – красив, хотя основательно лицо рассмотреть сложно, потому что голова опущена, а глаза почти не видны. Это, как я понимаю, и есть мистер Осборн Хемли, который сочиняет стихи?

– Да. Сейчас он уже не так красив, но в детстве был само очарование. Роджер не идет с ним ни в какое сравнение.

– Да, второго ребенка трудно назвать красивым. И все-таки лицо очень мне нравится: глаза серьезные, вдумчивые, хотя все остальные черты кажутся скорее веселыми. Вряд ли обладатель такого лица способен отвлечь брата от урока.

– Ах, но это был вовсе не урок! Хорошо помню, что художник, мистер Грин, однажды увидел, как Осборн читает стихи, а Роджер пытается убедить его пойти кататься на телеге для сена. Таков «мотив» картины, если выразиться языком живописи. Роджер не слишком склонен к чтению: во всяком случае, не увлекается поэзией и романами, – но в то же время обладает естественным талантом, а потому, подобно отцу-сквайру, проводит много времени на воздухе. Ну а если все же остается дома, то читает научные книги. Роджер – юноша спокойный, уравновешенный и приносит нам с мужем глубокое удовлетворение, однако вряд ли его ждет столь же блестящая карьера, как Осборна.

Молли попыталась найти на портрете описанные миссис Хемли черты характеров ее сыновей, потом они поговорили о портретной живописи вообще, и время до того момента, когда колокольчик возвестил, что пора готовиться к обеду, который подавался ровно в шесть, пролетело незаметно.

Миссис Хемли прислала горничную, чем немало смутила и расстроила Молли. «Если они считают меня модницей, то их ждет разочарование. И все-таки жаль, что клетчатое платье еще не готово».

Впервые в жизни посмотрев в зеркало с легкой тревогой, она увидела стройную, довольно высокую девушку с тонкой талией, чуть смуглее сливочного, цветом лица с намеком на легкий румянец, миндалевидными серыми глазами в опущении длинных черных ресниц и копной кудрявых темных волос, связанных на затылке розовой лентой.

«Вряд ли меня можно назвать хорошенькой, – подумала Молли, отвернувшись от собственного отражения. – А впрочем, как знать...» Если бы она улыбнулась, вместо того, чтобы рассматривать себя так мрачно, показав в своей веселой очаровательной улыбке ровные белые зубы и милые ямочки на щеках, сомнений было бы куда меньше.

В гостиную она спустилась как раз вовремя, чтобы осмотреться и немного освоиться. Это была длинная, добрых сорока футов, комната, когда-то давно обитая желтым атласом, обставленная высокими стульями на тонких ножках и раскладными столиками. Ковер – явно ровесник штор – во многих местах протерся, а кое-где даже был стыдливо прикрыт небольшими половичками. И все же благодаря подставкам с растениями, громоздким вазам с цветами, старинному индийскому фарфору и маленьким застекленным шкафчикам-горкам здесь было очень уютно. Пять высоких окон выходили на прелестный цветник – точнее, тот участок сада, которому хозяин придал такой вид: яркие, геометрической формы клумбы сходились в центре солнечных часов.

От созерцания местных красот ее отвлек неожиданно вошедший в гостиную сквайр в утреннем костюме. При виде незнакомки в белом платье мистер Хемли остановился в полном недоумении, потом наконец собрался с мыслями и заговорил:

– О господи! Я совсем забыл. Вы ведь мисс Гибсон, дочка доктора Гибсона, не так ли? Наконец-то приехали к нам? Честное слово, дорогая, очень рад встрече.

Быстро преодолев разделявшее их расстояние, хозяин, стараясь исправить неловкость, с неистовой доброжелательностью принял за тряску руку гостьи, а потом, взглянув на запачканные краги, добавил:

– Однако надо пойти переодеться. Мадам любит порядок в доме. Таков один из ее тонких лондонских обычаев, и она сумела меня перевоспитать. Признаю: традиция хороша, так как вынуждает следить за собой, особенно перед встречей с дамами. Ваш батюшка переодевается к обеду, мисс Гибсон?

Не дожидаясь ответа, сквайр Хемли поспешил прочь, чтобы привести себя в порядок.

Обедали за маленьким столом в огромной гостиной. Здесь было так мало мебели, а территория выглядела настолько обширной и пустой, что Молли с тоской вспомнила уютную столовую в родном доме. Больше того: еще до окончания размеренного, торжественного обеда она с сожалением представила тесноту сдвинутых стульев, поспешность и ту неформальную свободу, с которой каждый старался как можно быстрее покончить с едой, чтобы вернуться к оставленным делам. Она попыталась убедить себя, что к шести часам все работы заканчивались, и при желании люди могли никуда не спешить, а прикинув на глаз расстояние от буфета до стола, пожалела слуг, которым приходилось носить тарелки и блюда. Но все равно обед показался крайне скучным и утомительным, намеренно растянутым по желанию сквайра, хотя и миссис Хемли выглядела уставшей. Ела она еще меньше Молли и, чтобы чем-то заняться, пока не убрали скатерть и на зеркально отполированную поверхность стола не поставили десерт, велела принести веер и бутылочку с нюхательной солью.

До этой минуты сквайр был слишком занят, чтобы говорить о чем-то, помимо непосредственных застольных нужд и пары важнейших событий, нарушивших монотонность его жизни. Сам он любил эту монотонность, но жена терпела с трудом. И вот сейчас, очищая апельсин, он повернулся к Молли и заявил:

– Завтра это придется делать вам, мисс Гибсон.

– Правда? Если хотите, могу почистить уже сегодня, сэр.

– Нет, сегодня вы еще гостя, потому будем следовать этикету, ну а завтра стану называть вас по имени и давать поручения.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Молли.

– Я бы тоже хотела обращаться к вам как-то иначе, не «мисс Гибсон», – присоединилась к мужу миссис Хемли.

– Мое имя Молли: конечно, оно старомодное, и крестили меня как Мери, – но папа называет меня только так.

– Замечательно! Храните добрые старые традиции, дорогая.

– А на мой взгляд, «Мери» звучит куда лучше, чем «Молли», – возразила миссис Хемли.

– Дело в том, что Мери звали мою маму и при ее жизни меня называли Молли, – тихо пояснила девушка, опустив глаза.

– Ах, бедняжка! – воскликнул сквайр, не замечая молчаливого призыва жены сменить тему. – Помню, как все горевали, когда умерла миссис Гибсон. Никто не знал, что она больна: всегда такая свежая и веселая, – и тут вдруг раз – и конец, если можно так выразиться.

– Должно быть, кончина жены стала для вашего отца сильнейшим ударом, – продолжила миссис Хемли, после того как сменить тему не удалось.

– Да-да. Так неожиданно и почти сразу после свадьбы, – вздохнул сквайр.

– После свадьбы прошло почти четыре года, – робко вставила Молли.

– Да разве это срок для пары, которая мечтает провести вместе всю жизнь? Все думали, что Гибсон женится снова.

– Господь с тобой! – остановила сквайра супруга, по выражению и изменившемуся цвету лица гостя поняв, что мысль эта для нее нова и неприятна, однако мистер Хемли с трудом переключался с одной темы на другую.

– Что же, возможно, не следовало этого говорить, но все действительно так и думали. Сейчас-то уже он вряд ли женится, поэтому разговоры стихли. Ведь вашему батюшке, поди, за сорок?

– Сорок три. Не думаю, что он когда-нибудь думал о новом браке, – добавила Молли, возвращаясь к теме с тем спокойствием, с каким думают о надежно миновавшей опасности.

– Вполне согласна с вами, дорогая! Доктор не производит впечатления человека забывчивого и наверняка верен памяти жены. Не обращайтесь внимания на слова сквайра.

– Ах, миссис Хемли! Вам бы лучше отправиться к себе, если намерены настраивать нашу гостью против хозяина дома.

Молли вышла из гостиной вместе с миссис Хемли, однако с переменной комнаты мысли ее не изменились. Она продолжала думать об опасности, которой, как ей казалось, избежала, и удивлялась собственной глупости: как можно было ни разу не представить возможности нового брака отца? Молли чувствовала, что крайне невнимательно отвечает на замечания собеседницы, и, посмотрев в окно, неожиданно воскликнула:

– А вот и папа вместе с мистером Хемли!

Действительно, джентльмены шли через цветник из конюшни, и доктор по пути хлыстом сбивал с сапог пыль, чтобы появиться перед миссис Хемли в приличном виде. Он выглядел так привычно, так по-домашнему, что увидеть его во плоти оказалось достаточно, чтобы развеять охвативший сознание девушки призрачный страх новой женитьбы. Сердце наполнилось приятным сознанием, что отец не смог успокоиться, пока собственными глазами не убедится в бла-

гополучии дочери. Неважно, что говорил он с Молли мало, да и то исключительно в снисходительно-шутливом тоне. После отъезда мистера Гибсона сквайр принялся учить гостью играть в криббидж, и теперь она с радостью посвятила ему все свое внимание. Во время партии мистер Хемли ни на минуту не умолкал, то комментируя карты, то рассказывая о небольших происшествиях, которые могли ее заинтересовать.

– Итак, вы не знаете моих мальчиков, даже внешне. А могли бы знать, так как оба любили ездить в Холлингфорд, а Роджер к тому же не раз брал книги из библиотеки вашего отца. Мой младший сын склонен к естественным наукам, весь в меня, а Осборн унаследовал таланты матушки. Не удивлюсь, если когда-нибудь он что-нибудь напишет. Не отвлекайтесь, мисс Гибсон: сейчас я мог бы легко вас обмануть.

И так продолжалось до тех пор, пока дворецкий с торжественным видом не положил перед хозяином Библию, и сквайр поспешно, словно застигнутый на месте преступления ребенок, не сгрэб карты. Горничные и лакеи выстроились для вечерней молитвы. Окна по-прежнему оставались открытыми, так что треск одинокого коростеля да уханье совы, доносившиеся из леса, сопровождали слова молитвы. На этот день завершился, и все отправились спать.

Вернувшись в свою комнату, Молли облокотилась на подоконник и глубоко вдохнула ночной аромат жимолости. Все, что находилось на некотором расстоянии от окна, утонуло в бархатной тьме, хотя присутствие различных предметов она чувствовала так остро, как будто их видела.

С мыслью, что здесь ей будет очень хорошо, Молли отвернулась от окна и начала готовиться ко сну, однако вскоре на ум пришли слова сквайра о возможности повторной женитьбы отца и отравили умиротворенное настроение. Но на ком он мог жениться? На мисс Эйр? Мисс Браунинг? Мисс Фиби? Мисс Гуденаф? По некотором размышлении все эти кандидатуры были отклонены, однако не получивший ответа вопрос тяготил сознание и время от времени выскакивал из засады, мешая спать.

Миссис Хемли к завтраку не вышла, и Молли оказалась в обществе одного лишь сквайра, что очень ее огорчило. В первое утро он отложил газеты: особенно интересное для него старинное издание партии тори со всеми местными новостями и «Морнинг кроникл», которое он называл горьким лекарством и читал, сопровождая множеством крепких выражений и тяжелых вздохов, – но сегодня, однако, в соответствии с правилами хорошего тона, как пояснил впоследствии, старательно нащупывал почву для беседы. Говорить он мог о жене, сыновьях, поместье, ведении хозяйства, арендаторах, о неправильном проведении выборов в графстве. Круг интересов Молли ограничивался отцом, мисс Эйр, садом и пони; в меньшей степени ее интересовали мисс Браунинг, благотворительная школа леди Камнор и заказанное мисс Розе новое платье, однако во рту, как надоедливый попрыгунчик, то и дело вскакивал главный вопрос: на ком, по мнению окружающих, мог жениться отец? Пока, правда, крышка коробки захлопывалась всякий раз, как только самозванец просовывал голову между зубами. Во время завтрака хозяин и гостья держались исключительно вежливо, отчего оба немало устали.

Выйдя из-за стола, сквайр поспешно удалился в кабинет, чтобы углубиться в непрочитанные газеты. Кабинетом в доме называли комнату, где хозяин держал куртки, сапоги, краги, различные палки, трости, любимую лопату, ружье и удочки. Здесь же стояло бюро, а рядом располагалось треугольное кресло, однако книг не было видно. Большая их часть хранилась в просторной затхлой библиотеке в настолько редко посещаемом крыле дома, что горничная то и дело забывала открывать ставни на окнах, выходявших в заросший кустами участок сада. Сказать по правде, во времена покойного сквайра Стивена – того самого, который провалился на экзаменах в Кембридже, – ставни в библиотеке были установлены во избежание уплаты оконного налога.¹⁴ Когда молодые джентльмены возвращались домой, горничная без малей-

¹⁴ Налогом облагались все окна в доме, начиная с шестого. Существовал с 1696 по 1851 гг.

шего напоминания ежедневно заботилась о комнате: открывала окна, разжигала камины и протирала богато переплетенные тома, представлявшие собой достойную коллекцию стандартной литературы середины прошлого века. Книги, купленные позднее, стояли в небольших шкафах между двумя окнами гостиной и наверху, в личных покоях миссис Хемли. Молли вполне хватило содержимого шкафа главной гостиной. Больше того, она так увлеклась романом Вальтера Скотта, что вздрогнула, словно от выстрела, когда примерно через час после завтрака по гравийной дорожке сквайр подошел к окну и окликнул ее, чтобы узнать, не желает ли гостя прогуляться вместе с ним по окрестностям.

– Вот пожалел вас, увидев, что сидите одна в гостиной. Должно быть, вам, милая, скучно проводить утро в обществе одних книг. Но, видите ли, мадам предпочитает подолгу оставаться в постели, о чем предупреждала вашего отца, да и я тоже.

Молли как раз добралась до середины романа «Ламмермурская невеста» и с радостью дочитала бы его до конца, однако забота сквайра тронула ее. Вдвоем они посетили старомодные теплицы, прошлись по аккуратным лужайкам. Хозяин имения показал гостю огромный огород и не удержался от распоряжений работникам, в то время как Молли следовала за ним по пятам, словно маленькая собачка, но думала вовсе не об уходе за горохом и капустой: все ее мысли занимали Равенсвуд и Люси Эштон. Спустя некоторое время все хозяйство было проверено и, где надо, приведено в должный порядок. Сквайр, наконец вспомнив про спутницу, повел ее в небольшой лесок, отделявший сад от полей. Молли наконец отвлеклась от событий семнадцатого века и, так случилось, что томивший ее вопрос внезапно, прежде чем она смогла его остановить, своевольно сорвался с губ.

– На ком, по вашему мнению, папа мог бы жениться? Тогда, давно, после маминой смерти, что говорили по этому поводу?

Последние слова она произнесла совсем тихо, и сквайр почему-то обернулся и пристально посмотрел в лицо юной спутнице. Оно было бледным, очень серьезным, а серые глаза настойчиво требовали ответа.

Трудно было сказать что-то определенное, ибо никто не знал, с чьим именем можно связать имя мистера Гибсона. Все разговоры ограничивались лишь обсуждением возможностей молодого вдовца с маленьким ребенком.

– Никогда не слышал ни о ком конкретном: его имя не связывали ни с одной леди, просто всем казалось естественным, что он женится снова. Впрочем, ничто не мешает ему сделать это и сейчас. По-моему, еще не поздно, о чем я и сказал Гибсону во время прошлого его визита.

– И что же ответил папа? – с замиранием сердца спросила Молли.

– О! Всего лишь улыбнулся и промолчал. Не стоит принимать слова слишком серьезно, дорогая. Вполне возможно, он никогда больше не женится. Ну а если женится, будет очень хорошо и для него, и для вас!

Молли что-то пробормотала себе под нос, и если даже сквайр слышал ее слова, то предпочел мудро изменить направление разговора.

– Вы только посмотрите! – воскликнул с преувеличенным восторгом хозяин имения, поскольку неожиданно они оказались на берегу озера или большого пруда. Посреди гладкого водного пространства возвышался крошечный островок, поросший деревьями: в центре – темными шотландскими елями, а возле берега – серебристыми плакучими ивами. – Надо будет обязательно отвезти вас туда. Честно говоря, не люблю плавать на лодке в это время года, потому что в прибрежном тростнике еще гнездятся птицы, но ради вас готов отступить от своих принципов. Там живут лысухи и поганки.

– Ах, смотрите, лебедь!

– Да, у нас их две пары, а еще есть цапли: они улетают только в августе, так что должны сейчас быть здесь, но до сих пор я еще ни одной не видел. Подождите! А вон там, на камне, не цапля ли, опустив голову, смотрит в воду?

– Пожалуй, только я ни разу не видела цаплю живьем.

– Они постоянно воют с грачами, которые поселились вон на тех деревьях, что не годится для таких близких соседей. Если обе цапли на время оставляют гнездо, которое строят, грачи тут же налетают и разрушают. Однажды Роджер показал мне одинокую цаплю, за которой гналась целая стая грачей, и явно не с дружественными намерениями. Мой сын много знает о природе и порой обнаруживает что-нибудь удивительное. Будь он сейчас здесь, то уже не раз покинул бы нас: постоянно смотрит по сторонам и видит двадцать разных предметов там, где я замечаю лишь один. Случается, он вдруг убегает в рощу, потому что на расстоянии пятнадцати ярдов заметил что-то интересное: какое-нибудь растение, которое считает невероятно редким, – хотя я на каждом шагу вижу нечто подобное. А если по пути встретится что-то вроде этого, – сквайр осторожно тронул тростью тонкую паутину, – то он непременно расскажет, что за существо ее сплело, где оно живет: в гнилой хвойной древесине, в коре здорового дерева, глубоко в земле, в траве или где-то еще. Жаль, что в Кембридже не дают дипломов по естествознанию: Роджер наверняка стал бы отличником.

– Мистер Осборн Хемли очень умен, не так ли? – робко осведомилась Молли.

– О да. Осборна можно смело назвать гением, и мы с миссис Хемли ожидаем от него великих деяний и очень гордимся им. Если все пройдет удачно, он получит место в Тринити-колледже. Как я вчера сказал на заседании городского магистрата, мой сын еще завит в Кембридже о себе. Разве это не загадка природы, – сквайр повернул к Молли простое честное лицо, словно собирался сказать нечто необыкновенное, – что я, Хемли из Хемли, который ведет родословную с незапамятных времен (говорят, от семи королевств)... когда, кстати, были эти семь королевств?

– Не знаю, – растерялась Молли.

– Должно быть, еще до Альфреда Великого, потому что он стал первым королем Англии. Так вот, я принадлежу едва ли не к самому старому роду в Англии и при этом сомневаюсь, что кто-то может принять меня за джентльмена: красное лицо, большие руки и ноги, тучная фигура (четырнадцать стоунов; даже в молодости никогда не было меньше двенадцати). И вот Осборн, похожий на мать, которая не отличит прадеда от Адама, да благословит ее Господь. В итоге у парня нежное девичье лицо, субтильное сложение, маленькие – почти как у леди – руки и ноги. Да, он уродился в мадам, а она, как я уже сказал, даже не знает собственного прадеда. А Роджер пошел в меня, и, встретив его на улице, никто не скажет, что этот краснолицый ширококостный коренастый парень – потомок древнего благородного рода. По сравнению с нами все эти Камноры, от которых так млеет весь Холлингфорд, не больше чем перегнивший навоз. Недавно мы разговаривали с мадам о возможности женитьбы Осборна на дочери лорда Холлингфорда – то есть если бы у него была дочь, – и я сказал, что вряд ли согласился бы на этот брак. Осборн, который ведет свой род от семи королевств, получит первоклассное образование, так с какой стати я должен интересоваться, где были Камноры во времена королевы Анны?¹⁵

Сквайр пошел дальше, продолжая размышлять, надо ли дать согласие на несбыточный брак с несуществующей невестой, и через некоторое время, когда Молли уже забыла, о чем он рассуждал, вдруг воскликнул:

– Нет! Уверен, что смотрел бы выше, так что лорду Холлингфорду повезло иметь одних сыновей.

Закончив прогулку, сквайр со старомодной вежливостью поблагодарил Молли за компанию и сообщил, что к этому времени мадам скорее всего уже встала, оделась и будет рада

¹⁵ Правила с 1702 по 1714 г.; своим вопросом Хемли подчеркивает недавний характер принадлежности Камноров к аристократии. Данное замечание – очень важное свидетельство традиционализма Хемли, в то время как Камноры представляют прогресс и современность.

встретиться с гостьей. Пока Молли шла по тропинке через поле к дому, видневшемуся сквозь деревья, мистер Хемли провожал ее заботливым взглядом,

– Хорошая у Гибсона дочка, – пробормотал, обращаясь к самому себе, сквайр. – Но как встрепенулась, едва услышав о возможности новой женитьбы отца! Надо с ней поосторожнее. Кажется, мысль о мачехе ни разу даже не приходила ей в голову. Еще бы: мачеха для нее – совсем не то, что вторая жена для ее отца!

Глава 7

Предвестники любовных опасностей

Если сквайр Хемли не смог ответить на вопрос Молли, какая дама могла бы стать второй женой ее отца, все это время судьба готовилась вполне определенно удовлетворить ее абстрактное любопытство. Однако судьба – особа коварная: строит свои козни так же незаметно, как птица вьет гнездо, и точно так же использует всякие мелочи. Первой «мелочью» в данной истории стал шум, поднятый Дженни (поварихой мистера Гибсона) по поводу увольнения Бетии. Надо заметить, что Бетия приходилась Дженни дальней родственницей и протеже, а потому повариха заявила, что отослать прочь следовало искусителя мистера Кокса, а вовсе не жертву искушения Бетию. С этой точки зрения мистер Гибсон вполне мог почувствовать, что поступил несправедливо, однако позаботился устроить девушку ничуть не хуже, чем той жилось в его собственном доме. Тем не менее Дженни предупредила, что тоже намерена уйти, и хотя по прежнему опыту мистер Гибсон отлично знал, что все угрозы поварихи – пустой звук, все же испытывал дискомфорт от неопределенности и постоянной неприятной возможности в любой момент встретить в своем доме женщину с таким оскорбленным и опечаленным лицом, какое искусно демонстрировала Дженни.

Наряду с этой семейной неприятностью возникла еще одна, куда более существенная. Во время отсутствия Молли мисс Эйр отправилась на море вместе с пожилой матушкой и осиротевшими племянниками и племянницами. Первоначально поездка планировалась всего на пару недель, однако примерно на десятый день мистер Гибсон получил прекрасно написанное, безупречно оформленное, восхитительно сложенное и аккуратно запечатанное письмо. Мисс Эйр горестно сообщала, что старший племянник заболел скарлатиной и возникла высокая вероятность заражения младших детей. Она глубоко сожалела о печальных последствиях болезни: опасности, дополнительных расходах и невозможности вернуться вовремя, – однако ни слова не проронила о собственных неудобствах, а лишь робко и искренне извинилась за то, что не сможет приступить к своим обязанностям в назначенное время, и осторожно добавила, что, возможно, это даже к лучшему, поскольку Молли не болела скарлатиной, и возвращаться раньше положенного срока было бы неразумно и опасно.

– Разумеется, – подытожил мистер Гибсон и, разорвав письмо пополам, бросил в камин, где оно загорелось ярким пламенем. – Лучше бы у меня был дом за пять фунтов и ни одной женщины в радиусе десяти миль. Тогда, возможно, было бы куда спокойнее.

Очевидно, он совсем забыл о способности мистера Кокса создавать неприятности, хотя при желании смог бы найти причину в ничего не подозревавшей Молли. Возвещенное тяжким вздохом появление в столовой поварихи-мученицы, вошедшей, чтобы убрать со стола, вывело мистера Гибсона из состояния задумчивости и побудило к действиям.

Первым его решением стало оставить Молли в Хемли-холле на более долгий срок. Они очень хотели ее видеть, и вот, наконец, дождались. Миссис Хемли, кажется, ее обожает, да и сама девочка выглядит вполне довольной и даже более свежей и здоровой, чем прежде. Следующим решением было сегодня же съездить к сквайру и выяснить, как там и что.

Миссис Хемли он нашел лежащей на софе в тени огромного кедра. Молли порхала вокруг и под ее мягким и чутким руководством подвязывала высокие стебли ярких гвоздик и обрезала отцветшие розы.

– А вот и папа! – воскликнула девушка радостно, когда он подъехал к белому забору, отделявшему аккуратный газон и безупречный цветник от естественного парка перед домом.

– Пройдите через гостиную и присоединяйтесь к нам, – приподнявшись на локте, пригласила миссис Хемли. – Хотим показать вам розовый куст, который Молли собственноручно обрезала, чем мы обе очень гордимся.

Мистер Гибсон оставил лошадь в конюшне и через дом вышел на веранду, где вокруг стола, на котором лежали книги и брошенное рукоделие, стояли стулья. Почему-то ему очень не хотелось просить, чтобы Молли задержалась еще на некоторое время, поэтому он решил первым делом проглотить горькое лекарство, а уже потом наслаждаться восхитительным днем, ароматным воздухом и приятным общением.

Доктор сел напротив миссис Хемли, а дочь подошла и положила руку ему на плечо.

– Приехал попросить об одолжении...

– Говорю сразу, что согласна. Разве я не отважная женщина?

Доктор с улыбкой поклонился и продолжил:

– Мисс Эйр, давнишняя гувернантка Молли, написала сегодня, что один из ее маленьких племянников, которых она на время отсутствия подопечной повезла в Ньюпорт, к морю, заболел скарлатиной.

– Уже поняла вашу просьбу, так что можете не продолжать. Буду только рада, если визит этой милой девочки продлится. Разумеется, мисс Эйр не должна пока возвращаться, поэтому Молли непременно должна остаться у нас!

– Благодарю. Благодарю от всего сердца! Именно в этом и заключалась моя просьба.

Ладошка Молли скользнула в широкую ладонь отца, в это теплое надежное гнездо.

– Папа! Миссис Хемли! Знаю, что вы оба меня поймете! Можно мне вернуться домой? Здесь очень хорошо, но... О, папа, я хочу жить с тобой!

В уме мистера Гибсона промелькнуло неприятное подозрение. Он повернул дочь к себе и пристально посмотрел в невинное лицо. От столь обостренного внимания девушка покраснела, однако глаза наполнились недоумением, а не тем запретным чувством, которое он боялся увидеть. На миг возникло сомнение: что, если любовь рыжеволосого мистера Кокса нашла ответ в сердце дочери? – но тут же на душе стало спокойнее.

– Молли, прежде всего это невежливо. Даже не знаю, чем и как заслужить прощение миссис Хемли. Ты что, считаешь себя самой умной? Неужели я не хочу твоего возвращения домой? Пока это невозможно, так что оставайся и благодари великодушную хозяйку!

Молли слишком хорошо знала отца, чтобы понять: если он что-то решил, то просить бесполезно. Собственная неблагодарность предстала в черном цвете. Она оставила отца, подошла к миссис Хемли и, не говоря ни слова, поцеловала ее. Хозяйка взяла гостью за руку и подвинулась на софе, приглашая присесть.

– Честно говоря, я сама собиралась просить вас о продлении визита, мистер Гибсон. Мы так подружились! Правда, Молли? Так что, пока этот племянник мисс Эйр...

– Неплохо бы его выпороть, – вставил доктор.

– ...предоставил нам столь уважительный повод задержать Молли подольше, вам придется навещать нас почаще. Вы же знаете, что комната для вас всегда готова, так почему бы вам не выезжать на работу отсюда, а не из Холлингфорда?

– Благодарю. Если бы не ваша доброта к моей девочке, не удержался бы от невежливых комментариев.

– Умоляю, объясните: все равно ведь не успокоитесь, пока не откроете душу.

– Миссис Хемли догадалась, от кого у меня склонность к резкости! – заявила Молли. – Это наследственная черта!

– Я собирался заметить, что такое предложение – остаться здесь на ночь – могла сделать только женщина: сплошная доброта и ни капли здравого смысла. Как, по-вашему, меня можно в случае необходимости разыскать в семи милях от привычного места? К пациенту просто вызовут другого доктора, и не пройдет месяца, как моя практика рухнет.

– Разве нельзя отправить записку сюда? Услуги посыльного ведь не так уж и дороги.

– Только представьте, как, вздыхая на каждой ступеньке, старый Гуди Ханбери взбирается по лестнице в мой кабинет, а ему говорят, что предстоит протопать еще семь миль! Или подумайте о высшем классе: вряд ли избалованная леди Камнор поблагодарит меня, обнаружив, что всякий раз, когда пожелает видеть доктора, ей придется посылать грума в Хемли.

– Хорошо, хорошо, убедили: я действительно мыслю по-женски. Молли, коль уже вы тоже нашего племени, так принесите своему отцу клубнику со сливками. Такие скромные обязанности лежат на женских плечах. Клубника со сливками – одна лишь блажь и ни капли здравого смысла: непременно последует острый приступ несварения.

– Пожалуйста, не обобщайте, миссис Хемли! – весело возразила Молли. – Вчера я съела целую корзинку клубники! А когда мистер Хемли застал меня за этим делом, то даже сам сходил в кладовую и принес большую кружку сливок. И ничего со мной не случилось, не было никакого несварения.

– До чего же непосредственная... – заметил доктор, как только дочь отошла на приличное расстояние. – Но она хорошая девочка.

– Прелестная! Не могу выразить, до чего мы с мужем ее полюбили. Очень рада, что она останется погостить еще. Сегодня утром, едва проснувшись, я даже подумала с сожалением, что скоро Молли придется вернуться домой, и решила попытаться убедить вас продлить визит. Так что все сложилось как нельзя лучше. Возможно, месяца на два!

Сквайр действительно глубоко привязался к Молли. В их доме сразу стало светлее и веселее: порхала, что-то напевая, девушка, и впечатление оказалось абсолютно новым и восхитительным. К тому же Молли оказалась умной и услужливой, умела слушать и говорить в нужное время. Миссис Хемли совершенно справедливо поведала о привязанности мужа к девочке, однако то ли она выбрала неподходящий момент, чтобы сообщить ему о продлении визита, то ли он не смог справиться с обычным приступом дурного расположения, который обычно старался обуздывать в присутствии жены, но известие не вызвало ожидаемого энтузиазма.

– Об этом что, Гибсон попросил?

– Да, поскольку у него не было другого выхода: ее гувернантка мисс Эйр в отъезде по весьма серьезной причине, а находиться девушке в доме вместе с двумя посторонними молодыми людьми вряд ли прилично.

– Это проблема Гибсона. Надо было думать, прежде чем принимать учеников, или ассистентов, или как там он их называет.

– Мой дорогой! Право, я думала, что вы обрадуетесь этому известию, поэтому попросила оставить девочку здесь еще хотя бы месяца на два.

– Да, чтобы встретиться с Осборном! Роджер тоже приедет.

Помрачневший взгляд открыл миссис Хемли мысли мужа, но она попыталась возразить:

– О, дорогой, Молли не принадлежит к тому типу девушек, который способен привлечь молодых людей их возраста. Нам с тобой она нравится, однако юношам двадцати одного и двадцати трех лет нужно вовсе не это.

– А что им нужно? – прорычал сквайр.

– Они обращают внимание на модные платья, утонченные манеры. В своем возрасте они не в состоянии оценить прелесть Молли: их понятие о красоте подразумевает яркость.

– Полагаю, все это очень-очень умно, но ничего не понимаю. Знаю только, что очень опасно проживать парням двадцати одного и двадцати трех лет под одной крышей сельского дома с семнадцатилетней девушкой, и неважно, какие у нее платья, волосы или глаза. Особенно подчеркиваю, что не желаю, чтобы кто-то из моих сыновей или, не дай бог, оба в нее влюбились. Так что твоя идея чрезвычайно меня раздражает.

Миссис Хемли заметно побледнела и погрузилась.

– Может, устроить так, чтобы они не приезжали, пока она здесь? Остались бы в Кембридже, с кем-нибудь позанимались или на месяц-другой отправились за границу?

– Нет. Ты ведь их так ждешь! Видел, как отмечаешь дни в календаре, неделю за неделей. Лучше поговорю с Гибсоном, объясню причину и попрошу забрать дочь...

– Мой дорогой Роджер! Умоляю тебя так не поступать! Это будет крайне неблагородно и превратит в лицемерие все мои вчерашние слова. Ради меня, не заговаривай об этом с мистером Гибсоном!

– Ну-ну, не переживай! – поспешил успокоить жену сквайр, испугавшись возможной истерики. – Когда Осборн придет, поговорю с ним и все объясню.

– А Роджер настолько погружен в свои науки, что, пожалуй, и саму Венеру не заметит, тем более что ни чувствительностью, ни воображением Осборна он не обладает.

– О, с молодыми людьми ничего нельзя загадывать! И все же с Роджером проще: он прекрасно знает, что не сможет жениться до тех пор, пока не добьется определенной финансовой стабильности.

В тот день сквайр старался избегать встреч с Молли, поскольку едва ли не чувствовал себя предателем, однако она не замечала его смущение и сдержанность и держалась по-прежнему просто и легко. В результате уже к следующему утру от его дурного настроения не осталось и следа, прежняя дружба была восстановлена. За завтраком сквайр передал жене письмо, та прочитала его и вернула с единственным комментарием:

– Как повезло!

– Да, очень!

Молли не связала эти восклицания с новостью, которую миссис Хемли сообщила днем: оказывается, Осборн получил приглашение от товарища погостить в поместье неподалеку от Кембриджа, а затем вместе отправиться в путешествие на континент. Следовательно, домой вместе с братом Роджером он не придет.

– Ах, господи, как жаль! – сочувственно воскликнула Молли, и прозвучало это настолько искренне, что миссис Хемли порадовалась отсутствию мужа. – Вы так ждали его приезда! Боюсь, известие глубоко вас разочаровало.

Миссис Хемли с облегчением улыбнулась.

– Да, конечно, не без этого, но ведь надо думать не только о себе. Осборн с его-то поэтическим умом наверняка напишет нам из путешествия немало замечательных писем. Сегодня, кстати, у него экзамен, но мы не сомневаемся в успехе: сын наверняка окажется среди первых. Вот только жаль, что еще долго не увижу моего дорогого мальчика. Что же: все к лучшему.

Эти слова своей нелогичностью слегка озадачили Молли, но она вскоре выбросила их из головы, хотя тоже испытала легкое разочарование, узнав, что не увидит этого молодого гения – радость и надежду матушки. Время от времени в девичьих фантазиях возникал вопрос, каким он окажется: как прелестный мальчик с картины в гостиной миссис Хемли изменился за десять прошедших лет. Будет ли читать стихи вслух, и какие стихи – собственные или чужие? Впрочем, в бесконечной суете дня она совершенно забыла о своем разочаровании, а вспомнила новость лишь на следующее утро, да и то как нечто просто не столь приятное, как ожидала, но вовсе не как повод для сожаления. Дни ее пребывания в Хемли были наполнены мелкими обязанностями, которые выполняла бы дочь хозяев, если бы таковая существовала. По утрам Молли подавала сквайру завтрак и с радостью относила бы поднос в спальню мадам, если бы эта привилегия не принадлежала мистеру Хемли и ревниво им не охранялась. Кроме того, она читала вслух напечатанные мелким шрифтом газетные заметки: местные новости, известия денежной и зерновой биржи, – потом они вместе гуляли по саду, и она собирала цветы, чтобы украсить гостиную к выходу госпожи. Молли сопровождала также миссис Хемли в поездках в закрытом экипаже; вместе они читали стихи и сентиментальную литературу в гостиной на

втором этаже. За прошедшие недели девушка научилась мастерски играть в криббидж и при должном старании даже иногда обыгрывала сквайра.

Помимо всего этого существовали и личные занятия. Выполняя данное мисс Эйр обещание, Молли по часу в день упражнялась на стоявшем в большой гостиной старом рояле. Освоив путь в библиотеку, девушка научилась самостоятельно открывать тяжелые ставни, если горничная забывала, залезала на лестницу и подолгу сидела на ступеньке, погружившись в какой-нибудь старинный английский роман. Летние дни казались счастливой семнадцатилетней девушке невероятно короткими.

Глава 8

Опасность приближается

В четверг мирное течение сельской жизни было нарушено известием о приезде Роджера. Уже два-три дня миссис Хемли пребывала не в лучшем состоянии здоровья и не в лучшем настроении, да и сам сквайр казался раздраженным без видимой причины. Гостеприимные хозяева решили не сообщать гостю, что Осборн очень плохо сдал экзамен по математике, так что Молли знала лишь то, что видела: господу явно не в духе, – и надеялась, что приезд младшего сына улучшит их настроение, поскольку сама она ничем помочь не могла.

В четверг горничная извинилась за то, что не успела прибраться в ее спальне: пришлось готовить комнаты для мистера Роджера.

– Они, конечно, и без того были содержались в идеальном порядке, однако накануне приезда сыновей хозяйка всегда требует дополнительной уборки. А если бы ожидался приезд мистера Осборна, пришлось бы до блеска начищать весь дом. Он ведь старший сын, наследник.

Столь простодушное признание наследственных прав позабавило Молли, однако она и сама уже начала думать, что подобные усилия вполне оправданы. В глазах отца Осборн – представитель древнего рода Хемли из Хемли, будущий хозяин поместья, принадлежавшего семье уже в течение тысячи лет. Мать видела в нем родственную душу; к тому же старший сын походил на нее внешне и носил имя, повторявшее ее девичью фамилию. Своей верой в сына миссис Хемли увлекла и Молли, так что, несмотря на легкое отношение к словам горничной, юная гостья в полной мере выразила бы феодальную преданность молодому наследнику – если бы тот приехал.

После ленча госпожа отправилась отдыхать в ожидании Роджера, а Молли осталась в своей комнате, полагая, что не стоит показываться до обеда, предоставив хозяевам возможность встретить сына без посторонних глаз. С собой она взяла тетрадь стихов Осборна Хемли: мадам не раз читала ей некоторые из них, и Молли попросила позволения переписать те, что больше всего понравились. День выдался знойный, и девушка устроилась с тетрадкой у открытого окна, то и дело окидывая взглядом дрожащие в неподвижном воздухе сад и лес. Дом, окутанный тишиной, напоминал заколдованный замок, где самым громким звуком было жужжание больших синих мух на лестничном окне, а снаружи доносилось лишь гудение пчел на цветочных клумбах под окном. С далеких лугов, где убирали сено, вместе с его запахом, непохожим на ароматы роз и жимолости, доносились веселые голоса работников, заставлявшие лишь глубже чувствовать тишину. Пальцы онемели от непривычно долгого письма, и Молли, отложив перо, лениво попыталась выучить несколько строк наизусть.

Я спросил у ветра,
Но не было ответа.
Лишь печально очень
Что-то простонала роща.

Механически повторяя строки, она постепенно утратила понимание их смысла. Неожиданно раздался скрип открывшихся и закрывшихся ворот, шелест колес по сухому гравию, стук лошадиных копыт по дорожке, и через мгновение весь дом – холл, коридоры, лестница – наполнился звучным, энергичным голосом. Пол в холле был выложен ромбами черного и белого мрамора, а широкая пологая лестница, окружавшая пространство так, что можно было посмотреть вниз со второго этажа, оставалась не покрытой ковром (сквайр слишком гордился великолепными дубовыми ступенями, чтобы без необходимости их прятать, не говоря уже о вечной

нехватке свободных денег на тщеславное украшение дома), так что каждый звук раздавался гулко и звонко. Через распахнутые окна было хорошо слышно радостное восклицание сквайра:

– Ну, вот и ты, сын!

Что-то негромко, мягко проговорила мадам, а потом прогремел громкий, зычный, странный голос, наверняка принадлежавший Роджеру. Захлопали двери, и теперь разговор доносился лишь урывками. Молли начала заново:

Я спросил у ветра,
Но не было ответа...

Ей удалось выучить стихотворение почти до конца, когда в соседнюю комнату поспешно вошла миссис Хемли и разразилась неудержимыми, почти истерическими рыданиями. Молли была еще слишком молода, чтобы обладать сложными мотивами, мешавшими немедленно выйти и постараться помочь, поэтому уже через мгновение стояла на коленях перед миссис Хемли, сжимала и целовала ее ладони и бормотала нежные слова сочувствия к неведомому горю, которые принесли заметное облегчение. Миссис Хемли немного успокоилась и даже печально улыбнулась сквозь слезы, а потом наконец проговорила:

– Это Осборн. Роджер нам все рассказал.

– Что с ним случилось? – встревожилась Молли.

– Я узнала еще в понедельник: пришло письмо, в котором бедняга сообщил, что не сумел сдать экзамен так хорошо, как мы надеялись, как надеялся он сам, и оказался среди самых слабых студентов. Мистер Хемли никогда не учился в колледже, учебных терминов совсем не понимает, и когда на его вопросы Роджер попытался объяснить причину неудачи брата, ужасно рассердился, услышав университетский жаргон. Он почему-то решил, что бедный Осборн слишком легко относится к своему провалу, сказал об этом Роджеру, и тот...

Рыдания возобновились с новой силой, а Молли не удержалась от комментария:

– Напрасно мистер Роджер, едва успев приехать, рассказал о провале брата.

– Тише, тише, милая! – остановила ее миссис Хемли. – Роджер хороший мальчик, и сам ни за что ничего бы не сказал, но муж принялся его расспрашивать, даже не дав перекусить, едва вошли в столовую. Единственное, что он сказал – во всяком случае, для меня, – что Осборн переволновался, а если бы сдал успешно, то получил бы стипендию и место в колледже. Но, по словам Роджера, с таким результатом надежды нет. Это просто убило отца: он так рассчитывал на успех старшего сына! Осборн и сам ничуть не сомневался в успешном исходе. Только мистер Хемли ничего не хочет слышать и страшно сердится. Бедный, бедный Осборн! Я так хотела, чтобы после экзамена он сразу приехал домой, а не к товарищу, надеялась утешить, а теперь рада, что его нет: пусть отец немного остынет.

Делясь невзгодами, миссис Хемли постепенно успокоилась и, наконец отпустив Молли переодеться к обеду, заметила:

– Вы настоящее благословение для сердца матери, дитя! Умеете сочувствовать и в радости, и в горе, и в гордости (еще на прошлой неделе я так радовалась и гордилась), и в разочаровании. А теперь ваше присутствие за обедом позволит нам избежать болезненной темы. Бывают такие ситуации, когда гость благотворно влияет на обстановку и помогает сохранить мир в доме.

Готовясь к выходу и надевая в честь приезда молодого джентльмена безвкусное, слишком нарядное платье, Молли обдумывала новость. От известия о неудаче в Кембридже ее неосознанное поклонение Осборну ничуть не дрогнуло, но на Роджера, который, едва вернувшись домой, обрушил на родителей дурное известие, она рассердилась.

В гостиную она спустилась без каких-либо теплых чувств. Роджер стоял возле миссис Хемли, сквайр еще не появился, и Молли показалось, что, когда она открыла дверь, мать и сын

держались за руки, однако полной уверенности не было. Хозяйка сделала шаг навстречу гостю и так тепло, дружески представила ее сыну, что, воспитанная на простых, искренних традициях Холлингфорда, Молли едва не подала руку для пожатия тому, о ком уже так много слышала: сыну добрых друзей. Оставалось лишь надеяться, что мистер Хемли не заметил этого движения, поскольку не сделал попытки ответить, а ограничился поклоном.

Высокий, крепко сложенный молодой человек производил впечатление скорее силы, чем элегантности: квадратное красное (по определению отца) лицо, глубоко посаженные карие глаза под густыми бровями, каштановые волосы. Чтобы что-то рассмотреть, он щурился, отчего глаза казались еще меньше. При желании сдержать смех большой рот с чрезвычайно подвижными губами забавно морщился и сжимался, пока наконец веселье не находило выхода, черты не расслаблялись и на лице не появлялась широкая солнечная улыбка. В такие минуты открывались безупречно ровные белые зубы – единственное украшение – и грубая внешность будто озарялась. Сочетание двух отличительных особенностей: привычки щуриться, придающей серьезный и задумчивый вид, и странное дрожание губ, предвещающее улыбку, отчего лицо выглядело чрезвычайно веселым, – придавало подвижному выражению более широкий спектр от мрачного до веселого, от оживленного до сурового, чем свойственно большинству людей.

В первый вечер Молли не успела глубоко вникнуть в характер молодого джентльмена: тот показался ей грузным и неуклюжим – с таким вряд ли она сможет подружиться. Что касается Роджера, то его мало заботило произведенное на гостью впечатление, поскольку в таком возрасте молодые люди больше видят, чем чувствуют, и с мучительным трудом находят темы для беседы с девушками, едва вылупившимися из скорлупы неуклюжего подростка. К тому же мысли его были заняты другими темами, которыми он вовсе не собирался делиться, несмотря на желание избежать тягости молчания в обществе разгневанного отца и робкой, расстроенной матери. Роджер увидел в Молли дурно одетую неуклюжую девицу, с ничем не примечательным, хотя и умным бледным лицом, не дурочку, вполне способную поддержать легкий разговор, только вот говорить она не хотела.

Разговорчивость младшего мистера Хемли показалась Молли холодной и бесчувственной, а неумолчный поток слов на самые разные отвлеченные темы вызвал недоумение и отвращение. Как он мог жизнерадостно болтать, когда мать сидела, не в силах проглотить ни кусочка, и пыталась спрятать подступавшие слезы, когда отец грозно хмурился и явно не обращал внимания – по крайней мере на первых порах – на его болтовню? Неужели мистер Роджер Хемли не испытывал к обоим ни малейшего сочувствия? В таком случае она сама проявит сочувствие, решительно отклонив предназначенную ей роль общительного собеседника, и мистеру Хемли пришлось в одиночестве пробираться по топкому болоту. Лишь однажды сквайр обратился к дворецкому с требованием дополнительного стимула в виде лучшего, чем обычно, вина.

– Принесите бутылку бургундского с желтой пробкой, – приказал он тихо, не обладая волей говорить обычным голосом.

Дворецкий ответил так же, однако близко сидевшая и молчавшая Молли услышала:

– С вашего позволения, сэр, таких бутылок осталось всего шесть, а это любимое вино мистера Осборна.

Сквайр повернулся и прорычал:

– Принесите бутылку бургундского с желтой пробкой, я сказал! И побыстрее!

Дворецкий удалился в недоумении, зная, что предпочтения мистера Осборна до этой минуты всегда определяли порядок в доме. Если старший сын желал какого-то особого блюда или напитка, особого места, особого уровня тепла или прохлады, его желания немедленно удовлетворялись, ибо он был наследником – самым утонченным, умным и талантливым в семье. Все слуги, как домашние, так и дворовые, разделяли это мнение. Если мистер Осборн считал необходимым спилить или оставить какое-то дерево, желал что-то изменить в хозяйстве, тре-

бывал чего-то особенного в уходе за лошадьми, все тут же бросались исполнять обладавшие силой закона распоряжения. И вдруг сегодня было приказано принести бургундское с желтой пробкой, и оно немедленно появилось на столе. Молли стала свидетельницей тихой страстности поступка. Она никогда не пила вина, а потому могла не опасаться, что ее бокал наполнят, однако, проявляя верность отсутствующему Осборну, сочла необходимым прикрыть бокал смуглой ладошкой и сидеть так до тех пор, пока вино не сделало круг и Роджер с отцом не насладились его вкусом.

После обеда джентльмены долго сидели за десертом. Молли слышала их смех, а потом увидела, как в сумерках они вышли в сад. Роджер без шляпы, с руками в карманах, беззаботно шагал рядом с отцом, который вновь обрел способность к обычному громкому, жизнерадостному разговору, совсем забыв про Осборна. *Vae victis!*¹⁶

Таким образом, с молчаливым противостоянием со стороны Молли и мало напоминавшим доброту вежливым безразличием со стороны Роджера молодые люди успешно избегали друг друга. У него хватало занятий, не требующих ее участия, даже если бы она была готова участвовать. Хуже всего оказалось то обстоятельство, что по утрам, пока миссис Хемли оставалась у себя, Роджер оккупировал библиотеку – любимое убежище Молли. Через день-другой после его возвращения домой гостья робко приоткрыла дверь и, обнаружив молодого хозяина погруженным в книги и газеты, в изобилии лежавшие на большом, обитом кожей столе, тихо удалилась, прежде чем тот успел повернуться, увидеть ее и отличить от горничной. Каждый день Роджер подолгу ездил верхом: и вместе с отцом по окрестным полям, и в одиночестве – далеко и хорошим галопом. Молли с радостью составила бы ему компанию, так как очень любила верховые прогулки. В первые дни в Хемли зашел разговор о том, чтобы послать в Холлингфорд за амазонкой и серым пони, однако после некоторого размышления сквайр заявил, что так редко выезжает дальше своих полей, где работают люди, что боится, как бы десять минут поездки по неровной рыхлой земле и двадцать минут неподвижного сидения, пока он будет давать указания, не показались ей слишком скучными. А теперь, когда Молли вполне могла бы ездить вместе с Роджером, ничуть ему не докучая – об этом бы она позаботилась, – предложения никто не повторял.

В целом до возвращения младшего из братьев жизнь текла приятнее.

Отец приезжал очень часто, хотя время от времени случались долгие необъяснимые перерывы, и тогда Молли начинала скучать и беспокоиться. Однако, появившись, мистер Гибсон неизменно объяснял свое отсутствие какой-нибудь уважительной причиной, а право дочери на привычную семейную нежность и способность ценить как слова, так и молчание, придавали общению невыразимую прелесть. В последнее время Молли постоянно спрашивала: «Когда мне можно вернуться домой, папа?»

Не то чтобы она чувствовала себя несчастной или нежеланной, нет: девушка обожала миссис Хемли, пользовалась любовью сквайра и не понимала, почему многие его боятся. А что касается Роджера, то если он и не добавлял удовольствия, то почти не мешал наслаждаться жизнью. И все же очень хотелось вернуться домой. Почему, Молли сама не знала, однако отчетливо ощущала острую потребность. Мистер Гибсон принимался объяснять и доказывать необходимость ее пребывания здесь, пока девушка не уставала от его заверений и усилием воли не подавляла просившийся на волю крик отчаяния, так как знала, что он огорчит отца.

Откроем тайну: во время отсутствия дочери мистер Гибсон все определеннее склонялся к новой женитьбе. Частично он осознавал направление движения, но в целом мягко, словно во сне, плыл по течению. Роль его оставалась скорее пассивной, чем активной; хотя, если бы разум в полной мере не одобрял грядущего шага, если бы он не верил, что новый брак поможет

¹⁶ Горе побежденным! (лат.)

разрубить гордиев узел семейных затруднений, то вполне мог бы совершить усилие и безболезненно вырваться из сумятицы обстоятельств. А происходило все так.

Выдав замуж двух старших дочерей, леди Камнор получила ощутимую помощь в опеке младшей, леди Харриет, и наконец-то сочла возможным поддаться слабости и болезням. Однако природная энергичность не позволяла болеть постоянно, так что леди Камнор уступала недомоганию только после долгой череды обедов, балов и столичных развлечений. В таких случаях она сдавала леди Харриет на попечение леди Коксхейвен или леди Агнес Маннерс и удалялась в сравнительную тишину Тауэрс-парка, где находила себе занятие в великодушии и благотворительности, которыми поневоле пренебрегала в лондонской суете. Этим летом она утомилась раньше, чем обычно, и возжаждала сельского отдыха. По ее мнению, здоровье печально ухудшилось, однако, не сказав ни слова мужу и дочерям, леди Камнор приберегла признание для ушей доктора Гибсона. Она не желала жалобами – возможно, малообоснованными – отвлекать леди Харриет от радостей городской жизни, которыми дочь искренне наслаждалась, и в то же время не хотела провести в одиночестве три недели или месяц до приезда в деревню семьи, тем более что предстояло готовить очередной праздник для попечительниц школы. Надо заметить, что как сама школа, так и связанный с ней визит дам уже утратили в глазах графини обаяние новизны.

– Девятнадцатого, в четверг, – задумчиво обратилась леди Камнор к леди Харриет. – Что скажешь насчет приезда восемнадцатого, чтобы помочь с подготовкой? Сможешь остаться в поместье до понедельника, отдохнуть и подышать сельским воздухом. Вернешься в Лондон свежей и похорошевшей. Знаю, что отец с удовольствием тебя привезет. Разумеется, он собирается приехать.

– Ах, мама! – воскликнула леди Харриет, младшая, самая хорошенькая и избалованная из дочерей. – Никак не могу поехать. Двадцатого состоится лодочная прогулка: так жаль ее пропустить. А еще бал миссис Дункан и концерт Гризи. Пожалуйста, обойдись без меня. Да и чем я помогу? Вести провинциальные разговоры не умею, в местной политике Холлингфорда и графства ничего не смыслю. Только буду мешать, точно!

– Хорошо, дорогая, – вздохнула леди Камнор. – Совсем забыла о лодочной прогулке, а то бы не попросила.

– Как жаль, что в Итоне еще не начались каникулы! Сыновья Холлингфорда с радостью тебе помогли бы: такие шустрые ребята. Было так забавно в прошлом году наблюдать за ними у сэра Эдварда, когда они помогали деду принимать такую же компанию восхищенных гостей, какую ты собираешь в Тауэрс-парке. Никогда не забуду, как Эдгар с самым серьезным видом сопровождал пожилую особу в огромной черной шляпе и с безупречной грамматикой обо всем ей рассказывал.

– Мне нравятся эти мальчики, – вставила леди Коксхейвен. – Вырастут истинными джентльменами. Но, мама, почему бы тебе не пригласить Клэр? Ты хорошо к ней относишься, и она с радостью возьмет на себя все тяготы гостеприимства. Да и нам будет спокойнее, если она останется с тобой.

– Да, Клэр отлично бы подошла, – ответила леди Камнор. – Вот только как обстоят дела со школой? Мы не должны вторгаться в ее работу, чтобы не навредить; боюсь, дела и так идут не очень успешно. Бедняжке не везет с тех пор, как она нас покинула! Сначала умер муж, потом отказала в месте леди Дэвис, а за ней миссис Мод. А недавно мистер Престон сообщил вашему отцу, что она с трудом оплачивает школу в Эшкомбе, хотя лорд Камнор предоставляет дом даром.

– Не понимаю, почему так происходит, – высказала мнение леди Харриет. – Конечно, умом она не блещет, но так мила, услужлива и приветлива, обладает такими приятными манерами. Уверена, что любой, кто не слишком заботится об образовании, будет счастлив нанять ее гувернанткой.

– Что значит «не слишком заботится об образовании»? – возразила леди Коксхейвен. – Большинство семей нанимают гувернантку именно потому, что заботятся об образовании детей.

– Не сомневаюсь, что они так считают. Ты действительно заботишься, Мери, а вот мама не слишком заботилась, хотя наверняка думала иначе.

– Не понимаю, о чем ты, – раздраженно заметила леди Камнор, обиженная словами своей умной, но слишком прямой младшей дочери.

– Ах, мамочка, ты делала для нас все, что могла придумать, однако всегда была занята собственными интересами. А вот Мери не позволяет любви к мужу отвлечь ее от заботы о детях. Ты нанимала нам лучших учителей по каждому предмету (вдобавок Клэр в меру сил следила за приготовлением уроков), однако даже не подозревала, что некоторые учителя становились поклонниками очаровательной гувернантки, и завязывалось нечто вроде скрытого почтительного флирта, никогда ни к чему, впрочем, не приводившего. Ну а ты постоянно была занята ролью светской леди: модной, великодушной – и часто в самые ответственные минуты наших занятий призывала Клэр к себе, чтобы писать письма и разбирать счета. В результате я оказалась самой необразованной девушкой в Лондоне. Только Мери повезло: добрая неуклюжая мисс Бенсон так ее вышколила, что она и по сей день блещет точными знаниями, и часть ее славы отражается на мне.

– По-твоему, Харриет говорит правду, Мери? – обратилась встревоженная леди Камнор к старшей дочери.

– Я так мало занималась с Клэр: готовила уроки по французскому языку. У нее прекрасное произношение. Агнес и Харриет очень ее любили. Я же переживала за мисс Бенсон, а потому, возможно – леди Коксхейвен на миг задумалась, – вообразила, что она им льстит и потакает их капризам. Как я тогда думала, неосознанно. Однако девочки – суровые судьи, и бедной Клэр приходилось нелегко. Теперь я всегда радуюсь, когда мы можем ее принять и порадовать. Единственное, что смущает, это постоянное стремление отослать от себя дочь. Нам никогда не удастся убедить ее привезти Синтию с собой.

– По-моему, ты несправедлива, – возразила леди Харриет. – Милая бедная женщина постоянно старается заработать на жизнь, даже гувернанткой поначалу служила. Что же ей оставалось делать, кроме как отправить дочку в школу? А когда Клэр приглашают в гости, она просто стесняется взять с собой девочку – помимо расходов на дорогу и наряды. И Мери тут же осуждает ее за скромность и экономность.

– В конце концов, сейчас мы не обсуждаем Клэр и ее обстоятельства, а стараемся обеспечить маме возможный комфорт. Не вижу варианта лучше, чем пригласить миссис Киркпатрик в Тауэрс-парк – разумеется, когда у нее начнутся каникулы.

– Вот последнее письмо.

Леди Камнор показала конверт, который искала в секретере, пока дочери спорили, поднесла к глазам лорнет и начала читать:

– «Привычные неприятности последовали за мной в Эшкомб...» – Нет-нет, не то. «По любезному предписанию лорда Камнора мистер Престон постоянно присылает мне из поместья цветы и фрукты». Ах нет, вот оно: «По обычному расписанию школ в Эшкомбе каникулы начнутся одиннадцатого числа, и мне придется позаботиться о перемене обстановки и воздуха, чтобы набраться сил к возвращению на работу десятого августа». Видите, девочки, она должна быть свободна, если, конечно, еще не нашла другого места для проведения каникул. Сегодня пятнадцатое.

– Немедленно ей напишу, мама, – с готовностью предложила леди Харриет. – Мы с Клэр давно дружим. Она доверялась мне во время романа с бедным мистером Киркпатриком, и с тех пор близкие отношения сохранились. Даже знаю, что помимо этого она имела еще три предложения.

– Искренне надеюсь, что мисс Баус не делится с Грейс и Лили своими любовными похождениями! Право, Харриет, когда Клэр вышла замуж, ты была не старше Грейс, – с материнской тревогой заметила леди Коксхейвен.

– Нет. Однако, благодаря чтению романов, была отлично образована в любовных отношениях. Вряд ли ты допускаешь романы в классную комнату, Мери, поэтому, если гувернантка поделится переживаниями, твои дочери не смогут окружить ее тайным сочувствием.

– Дорогая Харриет, не рассуждай о любви таким тоном – это неприлично. Любовь – дело серьезное.

– Милая мама, твои нотации опоздали на восемнадцать лет. Разговоры о любви уже утратили для меня свежесть: я устала от этой темы.

Последнее замечание относилось к недавнему отказу леди Харриет, расстроившему леди Камнор и рассердившему милорда, поскольку родители не находили в соискателе недостатков. Леди Коксхейвен не захотела продолжения разговора, а потому поспешила сменить тему:

– Пригласи бедную дочь приехать в Тауэрс-парк вместе с матушкой. Сейчас ей, наверное, семнадцать лет, если не больше, так что если миссис Киркпатрик вдруг не сможет составить тебе компанию, мама, Синтия вполне ее заменит.

– Когда Клэр вышла замуж, мне еще не исполнилось десяти лет, а сейчас почти двадцать девять, – сообщила леди Харриет.

– Перестань! Пока тебе еще двадцать восемь, а выглядишь намного моложе. Вовсе незачем постоянно упоминать о своем возрасте.

– В данном случае упомянуть стоило: я хотела уточнить возраст Синтии Киркпатрик. Скорее всего, ей около восемнадцати.

– Известно, что ее школа находится во Франции, в Булони. Не думаю, что Синтия уже такая взрослая. Клэр кое-что пишет о дочери. Вот: «Не вижу возможности позволить себе удовольствие пригласить дорогую Синтию домой на каникулы. Каникулы во французских школах не совпадают с нашими, поэтому если она приедет в Эшкомб восьмого августа, за два дня до начала моей работы, то лишь отвлечет время и мысли от непосредственных обязанностей». Как видите, ничто не помешает Клэр ко мне приехать, а перемена обстановки пойдет ей на пользу.

– Холлингфорд занимается устройством в Тауэрс-парке новой лаборатории и постоянно ездит в город и обратно. А Агнес собирается, как только окрепнет после родов, переехать в поместье, чтобы подышать свежим воздухом. И даже моя дорогая ненасытная персона недели через две-три, если жара продолжится, наконец-то наполнится впечатлениями.

– Думаю, если позволишь, мама, я тоже выберусь на несколько дней и привезу с собой Грейс. Уж очень она бледна и худа. Боюсь, слишком быстро растет. Так что, надеюсь, не соскучишься.

– Моя дорогая, – ответила леди Камнор, вставая. – Стыдно скучать, когда вокруг столько дел и обязанностей как перед другими, так и перед самой собой!

План в его нынешнем виде был представлен лорду Камнору и получил полное ободрение – впрочем, как и любой другой проект супруги. Пожалуй, характер леди Камнор был для него тяжеловат, однако в отсутствие графини граф не уставал восхищаться ее словами и поступками, хвастаться ее мудростью, великодушием, достоинством и энергией, как будто таким способом пытался укрепить собственную более слабую натуру.

– Хорошо. Очень хорошо! Клэр составит тебе компанию в Тауэрс-парке! Превосходно! Сам бы я до такого не додумался. Непременно поеду с тобой в среду, чтобы в четверг принять участие в празднике. Очень люблю этот день. Леди из Холлингфорда так приятны, так добры! Потом проведу день с Шипшенксом и, возможно, съезжу в Эшкомб, чтобы встретиться с Престоном. Гнедая Джесс проскачет туда и обратно за день. Подумаешь, каких-то восемнадцать миль! Так что к ночи вернусь в Тауэрс-парк. Два раза по восемнадцать – это тридцать?

– Тридцать шесть, – сухо поправила леди Камнор.

– Да, так и есть. Ты всегда права, дорогая. Престон – умный, толковый парень.

– Не люблю его, – возразила миледи.

– За ним, конечно, надо присматривать, но свое дело он знает. К тому же красив. Странно, что он тебе не по нраву.

– Никогда не думаю о красоте управляющего. Он не принадлежит к мужчинам, но внешность которых я обращаю внимание.

– Разумеется, он не твоего класса, но все же весьма привлекателен, а тебе может понравиться своим интересом к Клэр и ее перспективам. Постоянно предлагает какие-то усовершенствования в ее доме и, насколько мне известно, присылает ей цветы, фрукты и дичь так же регулярно, как это делали бы мы, если бы жили в Эшкомбе.

– Сколько ему лет? – осведомилась леди Камнор с легким подозрением относительно мотивов повышенного внимания.

– Думаю, примерно двадцать семь. Ах! Понимаю, о чем думает ваша светлость. Нет-нет! Для этого он слишком молод. Если желаете выдать бедную Клэр замуж, то поищите человека средних лет. Престон не подойдет.

– Насколько вам известно, сводничеством я не занимаюсь, даже ради собственных дочерей, так что заботиться о Клэр не собираюсь. – Графиня лениво откинулась на спинку сиденья.

– Что же, можете сделать кое-что похуже! Начинаю думать, что учительницы из Клэр никогда не получится, хотя сам не знаю почему. Для своего возраста она выглядит исключительно хорошо, а жизнь в нашем доме и общение с вами должно пойти на пользу. Послушайте, миледи: что скажете о Гибсоне? Вдовец, вполне подходит по возрасту, да и живет неподалеку от Тауэрс-парка.

– Только что сказала, милорд, что сводничеством не занимаюсь. Пожалуй, лучше поехать старой дорогой. Люди в этих гостиницах нас знают?

Они заговорили о другом и забыли о миссис Киркпатрик с ее профессиональным и матримониальным будущим.

Глава 9

Вдовец и вдова

Миссис Киркпатрик с радостью приняла приглашение леди Камнор. Именно на это она надеялась, но боялась рассчитывать, так как думала, что еще на некоторое время семья останется в Лондоне. Тауэрс-парк представлял собой роскошное место для проведения каникул. Миссис Киркпатрик хоть и не отличалась склонностью к планированию, но все же представляла тот эффект, что произведет небрежно брошенная фраза о гостеприимстве «дорогой леди Камнор», поэтому обрадовалась возможности приехать 17 июля в Тауэрс-парк. Гардероб не требовал особого пополнения; в любом случае у бедняжки на это не хватило бы денег. Она отличалась редкой миловидностью и грацией. Как известно, эти качества во многом восполняют недостатки туалета. Скорее вкус, чем глубокое чувство, руководил выбором мягких оттенков – фиолетовых и серых – которые в сочетании с черными деталями создавали впечатление неглубокого траура. Считалось, что в таком спокойном стиле она одевается в память о мистере Киркпатрике; на самом же деле это просто было сочетание благородства с экономией. Прекрасные волосы отличались тем ярким каштановым цветом, который почти никогда не седеет. Частью от сознания их красоты, а частью оттого, что стирка чепцов требовала затрат, миссис Киркпатрик никогда ничего не носила на голове. Цвет лица обладал яркими, живыми красками, почти всегда сопровождавшимися некогда рыжие волосы. Возраст нанес коже единственный ущерб: теперь она выглядела скорее плотной, чем нежной, и меньше поддавалась непосредственному воздействию чувств. Сейчас миссис Киркпатрик уже не умела краснеть, а ведь в восемнадцать лет так гордилась своим румянцем! Большие мягкие фарфорово-голубые глаза не поражали богатством выражения или тени – возможно, из-за светлых ресниц. Фигура стала чуть полнее, чем прежде, однако сохранила грацию и гибкость движений. В целом миссис Киркпатрик выглядела гораздо моложе своего возраста, который неумолимо подбирался к сорока годам. Она обладала красивым голосом и хорошо, отчетливо читала вслух, чем очень радовала леди Камнор. Следует заметить, что по какой-то необъяснимой причине графиня любила миссис Киркпатрик больше, чем все остальные члены семьи. Впрочем, они тоже относились к ней с симпатией и находили полезным ее присутствие, поскольку она была осведомлена о привычках и обычаях дома, при необходимости могла вести беседу, причем достаточно осмысленно, если речь шла не о серьезной, сложной литературе, науке, политике или социальной экономике, а также умела слушать. Зато по поводу романов и стихов, путешествий и сплетен, личных подробностей или историй она всегда делала именно те замечания, каких ждут от внимательного, сочувствующего собеседника. К тому же ей хватало разума и чувства меры ограничиваться кратким выражением удивления, восхищения и изумления, которые, если речь заходила о более сложных для понимания вещах, могли означать что угодно.

Бедная неудачливая школьная учительница с удовольствием покинула постылый дом в Эшкомбе со старой облезлой мебелью (два-три года назад она по сходной цене приобрела ее у предшественницы), из окон которого открывался убогий вид на окраинные улицы провинциального городка, торжественно въехала в Тауэрс-парк в посланном за ней на станцию шикарном экипаже, с радостью поднялась по широкой лестнице, ни на минуту не сомневаясь, что вышколенные слуги позаботятся о сумках, дождевом и солнечном зонтах, плаще, так что не придется нести вещи самой, как это было еще утром, в Эшкомбе, когда тащила их вслед за тачкой с багажом. По устеленным мягким ковром пологим ступеням миссис Киркпатрик поднялась в гостиную миледи – прохладную, наполненную свежим воздухом и благоухающую ароматом только что собранных роз разнообразных оттенков даже в такой знойный день. На столе лежали еще не разрезанные новые романы, газеты и журналы, вокруг него стояли изящные

кресла, обитые французским ситцем с изображением цветов, ярких, как живые. Свою спальню, куда ее немедленно проводила горничная, миссис Киркпатрик уже видела, и она казалась ей домом куда больше, чем оставленная утром убогая грязная комнатуха. С первого взгляда она полюбила тонкие занавески, дорогое постельное белье и мягкие ковры гармоничных цветов. Миссис Киркпатрик опустила в кресло возле кровати и принялась размышлять о своей судьбе.

Кто-то может сказать: нет ничего проще, чем украсить такое зеркало муслином и розовыми лентами. Возможно. Однако попробуйте содержать его в приличном виде! Никто не поймет, какие усилия для этого требуются. В Эшкомбе у нее было такое зеркало, пока муслин не запачкался, а розовые ленты не выцвели. Чтобы их заменить, нужны были деньги, а заработать их непросто. Когда, наконец, все-таки удавалось, приходилось выбирать, то ли купить новое платье, то ли позволить себе какое-то развлечение или полакомиться фруктами, то ли приобрести модное украшение для гостиной. И прощай, несчастное зеркало! А здесь наверняка денег куры не клюют: никто не думает, во что обходится стирка, сколько стоит ярд розовой ленты. Если бы местным хозяевам приходилось зарабатывать каждое пенни, все было бы иначе: сразу научились бы рассчитывать, что купить. Неужели ей придется всю жизнь самой зарабатывать на жизнь? Это ужасно! Замужество – вот выход: муж заботится о материальном благополучии, а жена, как леди, украшает собой гостиную. Пока Киркпатрик не умер, так и было, а вот участь вдовы, увы, нелегка.

Помимо этого, существовал резкий контраст между теми скудными обедами, которыми ей наравне с ученицами приходилось довольствоваться в Эшкомбе: жесткий кусок говядины или баранины, картофель, запеканка на десерт, – с изысканными деликатесами на старинном дорогом фарфоре, которые каждый день подавали хозяевам, а заодно и ей самой, в Тауэрс-парке. Окончания каникул миссис Киркпатрик страшилась ничуть не меньше самой домашней из учениц, но поскольку до начала учебы оставалось еще несколько счастливых недель, она закрыла глаза на будущее и постаралась в полной мере насладиться настоящим.

Приятное, ровное течение летних дней облегчило состояние леди Камнор. Граф вернулся в Лондон, а они с миссис Киркпатрик остались вести спокойную размеренную жизнь, вполне соответствующую желанию графини. Несмотря на слабость и усталость, она с достоинством провела ежегодный праздник попечительниц школы: точно и подробно изложила, что именно необходимо сделать, где прогуляться, какие теплицы посетить и когда вернуться к «закускам». Сама же постоянно оставалась в доме в обществе двух-трех дам, решивших, что жара и утомление не для них, а потом отказавшихся присоединиться к войску под командой миссис Киркпатрик или к тем немногим избранным, кому лорд Камнор демонстрировал новые постройки на хозяйственном дворе. «С величайшим снисхождением», как впоследствии поведали слушательницы, графиня рассказала о жизни замужних дочерей: воспитании детей, планах на обучение и распорядке дня, – и это так ее утомило, что после отъезда гостей она скорее всего ушла бы к себе и прилегла отдохнуть, если бы по доброте душевной муж не позволил себе сделать неудачное замечание. Положив руку на плечо супруги, граф участливо сказал:

– У вас усталый вид, миледи.

Графиня тут же собралась с силами, встала и холодно заявила:

– Вам показалось, лорд Камнор! Как только устану, сразу же сообщу.

Весь вечер графиня старалась не горбиться, держала плечи прямыми, отказывалась от кресел и скамеечек для ног и решительно пресекала оскорбительное предложение лечь спать пораньше. Так продолжалось до тех пор, пока лорд Камнор оставался в Тауэрс-парке. Миссис Киркпатрик наивно верила своим глазам и заверяла графа, что никогда еще не видела дорогу графиню такой бодрой. Хоть граф и не задумывался о причине таких изменений, чуткое любящее сердце подсказывало, что супруга пытается скрыть от него недомогание, но слишком опасался ее гнева, чтобы по собственной воле послать за доктором Гибсоном.

Перед отъездом Клэр граф сказал:

– Для меня большое утешение оставить миледи на ваше попечение, но пусть ее поведение вас не обманывает. Она не покажет, что ей плохо, до тех пор, пока сможет это скрыть. Обращайтесь к Бредли, помощнице миледи (леди Камнор терпеть не могла новомодное слово «горничная»). На вашем месте я бы послал за Гибсоном, но так, чтобы она не догадалась, что для нее. Притворитесь, что сами плохо себя чувствуете.

В этот момент граф опять подумал о возможном браке и добавил:

– Лорд Холлингфорд считает, что другого такого доктора в округе нет. Заведите с ним беседу, так чтобы была возможность взглянуть на миледи. И непременно сообщите мне его заключение, действительно ли она нездорова.

Однако Клэр не меньше самого графа боялась что-нибудь сделать без приказа леди Камнор и понимала, что если пошлет за мистером Гибсоном без прямого на то указания, то попадет в немилость и скорее всего больше никогда не получит приглашения в Тауэрс-парк, образ жизни в котором своей монотонностью и ленивой роскошью вполне соответствовал ее вкусу, поэтому она попыталась переложить поручение графа на плечи помощницы графини.

– Миссис Бредли, скажите, вас не тревожит здоровье миледи? – осведомилась она однажды. – Дело в том, что лорд Камнор вообразил, что графине не слишком хорошо.

– Действительно, миссис Киркпатрик, по-моему, миледи сама не своя, хотя никак не могу понять, в чем дело.

– Не кажется ли вам, что имеет смысл отправить посыльного в Холлингфорд, к мистеру Гибсону, и попросить его навестить леди Камнор?

– Такой поступок будет стоить мне места, миссис Киркпатрик. До смертного дня, если Провидение сохранит ей разум, она будет все делать только по-своему или никак. Только леди Харриет умеет ее уговорить, да и то не всегда.

– Что же, в таком случае остается лишь надеяться, что с графиней все в порядке. Думаю, так и есть. Она говорит, что чувствует себя хорошо. Ей лучше знать, и дай Бог, чтобы так и было.

Ситуация через пару дней разрешилась сама собой: леди Камнор призвала миссис Киркпатрик и нескандално удивила:

– Клэр, вы должны написать мистеру Гибсону, что сегодня днем я хочу его видеть. Думала, он приедет сам, чтобы засвидетельствовать почтение, но увы...

У доктора не было времени наносить церемониальные визиты: территория его медицинской ответственности оказалась охвачена лихорадкой, и это занимало все время и силы. Ему оставалось лишь радоваться, что Молли спокойно живет в Хемли-холле.

Домашние неурядицы ни в малейшей степени не утихли, хотя на время пришлось о них забыть. Последней каплей и последней соломинкой послужил незапланированный визит лорда Холлингфорда, которого доктор однажды встретил в городе в первой половине дня. Обоих очень заинтересовал разговор о новом научном открытии, с которым лорд уже успел подробно ознакомиться, в то время как доктор лишь мечтал получить достоверные сведения. Внезапно лорд Холлингфорд без ложной скромности заявил:

– Гибсон, может пригласите на ленч? Позавтракал в семь, и с тех пор ничего не ел. Голоден, как зверь.

Мистер Гибсон был только рад оказать гостеприимство лорду Холлингфорду, которого уважал глубоко и ценил высоко, а поэтому немедленно пригласил его к раннему семейному обеду, однако произошло это как раз в то время, когда повариха, особенно болезненно переживавшая увольнение Бетии, не считала нужным исполнять свои обязанности безупречно. Замены горничной еще не нашлось, поэтому даже столь скромную трапезу, как хлеб, сыр, холодное мясо или другая простейшая еда, вовремя получить не удалось. Наконец (после многочисленных звонков) ленч все-таки подали, однако хозяин сразу заметил отсутствие привыч-

ной безупречности, почти недостаток чистоты во всем, что его сопровождало. Неаккуратно уложенная на тарелки еда, мутные приборы, если не совсем грязная, то несвежая, мягкая скатерть – все эти бросающиеся в глаза досадные мелочи неприятно контрастировали с той изысканной, утонченной деликатностью, которая в доме гостя сопровождала даже буханку черного хлеба. Мистер Гибсон не счел нужным извиниться прямо, однако после ленча, при расставании, произнес:

– Как видите, человек в моем положении – вдовец с дочерью, которая не имеет возможности жить дома, – не в состоянии наладить порядок, позволяющий эффективно использовать то недолгое время, которое проводит здесь сам.

Доктор не упомянул о плохой пище, которую им пришлось разделить, хотя и подумал об этом. Досадное обстоятельство не осталось без внимания лорда Холлингфорда, ибо в ответ он заметил:

– Верно, верно. И все же человеку в вашем положении не гоже взваливать на свои плечи еще и хозяйственные заботы. Сколько лет мисс Гибсон?

– Семнадцать, крайне неудобный возраст для девушки без матери.

– Да, чрезвычайно. У меня, слава богу, только сыновья, а с дочерью тоже возникли бы проблемы. Простите, Гибсон, но ведь мы беседуем по-дружески? Никогда не думали о новой женитьбе? Конечно, это совсем не то, что первый брак, и все же: если найдете разумную симпатичную особу лет тридцати или около того, то управлять хозяйством станет она, что избавит вас от множества хлопот. К тому же ваша дочь будет окружена той нежной заботой, в которой, по-моему, нуждаются все девушки этого возраста. Тема, конечно, щекотливая, но уж простите за то, что говорю откровенно.

Впоследствии мистер Гибсон не раз вспоминал совет, однако в данном случае для начала следовало подумать, кто эта самая «разумная симпатичная особа лет тридцати или около того». Точно не мисс Браунинг, не мисс Фиби, не мисс Гуденаф. А сельские пациенты делились на два противоположных класса: с одной стороны, крестьяне, чьи дети не отличались ни воспитанием, ни образованием, а с другой – сквайры, чьи дочери считали, что мир перевернется, если одна из них выйдет замуж за местного доктора.

И так случилось, что в тот самый день, когда приехал по вызову леди Камнор, мистер Гибсон вдруг подумал, что, возможно, миссис Киркпатрик и есть та самая особа. Обрато он ехал, ослабив поводья и размышляя больше о том, что о ней известно, чем о состоянии пациентки или дороге. Он помнил ее еще как очаровательную мисс Клэр – ту самую гувернантку, которая когда-то давным-давно, еще при жизни его жены, заболела скарлатиной. Думая о прошедших годах, доктор не понимал, как ей удалось сохранить молодость. Потом стало известно о браке с викарием, а вслед за этим (он не помнил, сколько времени прошло) о его смерти. Кроме того, до него как-то доходили сведения, что, оставшись вдовой, миссис Киркпатрик служила гувернанткой в разных семьях, однако всегда пользовалась симпатией у обитателей Тауэрс-парка, которых он уважал независимо от их положения. Пару лет назад прошел слух, что она поступила на работу в школу Эшкомба – маленького городка в том же графстве, неподалеку от другого поместья лорда Камнора. Владение в Эшкомбе превосходило Холлингфорд по размерам, однако господский дом там не мог сравниться с Тауэрс-парком. Управлял поместьем – точно так же, как мистер Шипшенкс Тауэрс-парком, – агент мистер Престон. На случай редких приездов семьи в особняке содержались в особом порядке несколько лучших комнат, а остальной его частью мистер Престон – красивый молодой холостяк – распорядился по собственному усмотрению. Мистер Гибсон знал, что у миссис Киркпатрик росла дочь, ровесница Молли. Конечно, о значительном – если вообще каком-то – благосостоянии Клэр говорить не приходилось, однако сам он жил очень аккуратно, выгодно инвестировав несколько тысяч фунтов, а помимо этого получал хороший профессиональный доход, который с каждым годом заметно возрастал. В этой точке рассуждения доктор прибыл к очередному пациенту

и на время оставил мысли о браке и миссис Киркпатрик, но позже с удовольствием вспомнил, что лет пять-шесть назад случилось, что Молли ненароком задержалась в Тауэрс-парке, и миссис Киркпатрик отнеслась к его девочке с особым участием. На этом аналитические размышления доктора остановились.

Леди Камнор нездоровилось, но чувствовала она себя не так плохо, как в те дни, когда близкие боялись послать за доктором. Графиня с огромным облегчением приняла рекомендации мистера Гибсона в отношении питания и образа жизни. Подобные советы *ab extra*¹⁷ порой доставляют радость тем, кто привык все решать не только за себя, но и за всех вокруг; случается, что полученное освобождение от ответственности благотворно действует на здоровье. В глубине души миссис Киркпатрик считала, что леди Камнор еще никогда не отличалась подобной сговорчивостью, и вместе с Бредли не переставала превозносить врачебное искусство мистера Гибсона, так благотворно действовавшее на миледи.

Лорд Камнор регулярно получал отчеты о жизни в поместье, однако и ему самому, и дочерям строго-настрого запрещалось приезжать. Пребывать в состоянии физической и умственной слабости, лени и нерешительности графиня предпочитала вдали от семьи. Нынешнее положение настолько отличалось от обычного, что подсознательно она боялась потерять престиж в глазах близких. Порой она сама писала ежедневные сообщения, порой поручала дело Клэр, однако в таких случаях непременно просматривала письма, а ответы на них неизменно читала сама, но все же иногда делилась содержанием с миссис Киркпатрик. И только письма милорда мог читать кто угодно, поскольку набросанные размашистым почерком строки любви и нежности не содержали никаких семейных секретов. Но однажды миссис Киркпатрик в письме графа, которое читала графине вслух, наткнулась на предложение, которое хотела было упустить, оставив для самостоятельного рассмотрения, однако миледи проявила свойственную ей проницательность. По ее мнению, Клэр была неплохой компаньонкой, хотя и не отличалась умом. Правда же заключалась в том, что она не всегда умела быстро находить выход из положения и принимать решения.

– Ну что же вы остановились? Читайте. Надеюсь, там нет дурных новостей об Агнес? Впрочем, дайте-ка письмо.

Леди Камнор негромко прочитала:

– «Как продвигаются отношения Клэр и Гибсона? Ты пренебрегла моим советом помочь этому роману, но, полагаю, сейчас, когда сидишь в одиночестве, немного сводничества тебя бы развлекло. Не представляю брака более удачного».

Леди Камнор воскликнула:

– Вам было неловко видеть эти строки, Клэр? Неудивительно, что вы внезапно остановились, так меня перепугав.

– Лорд Камнор, оказывается, любит пошутить, – пролепетала смущенная миссис Киркпатрик, вполне, впрочем, согласившись с заключением: «Не представляю брака более удачного».

Очень хотелось узнать, что думает по этому поводу графиня, потому что ее супруг, похоже, был уверен, что шанс действительно существует. Идея не показалась неприятной, и, глядя на задремавшую графиню, Клэр улыбнулась собственным мыслям.

¹⁷ Со стороны (лат.).

Глава 10

Кризис

Миссис Киркпатрик читала вслух до тех пор, пока леди Камнор не уснула, и сейчас книга осталась лежать на коленях, угрожая сползти на пол. Клэр смотрела в окно, но не видела ни деревьев в парке, ни холмов, а думала о том, как хорошо было бы опять иметь мужа и ни о чем больше не беспокоиться, элегантно сидя в собственной гостиной. В ее воображении некий кормилец быстро приобретал черты сельского доктора, когда послышался легкий стук в дверь и, едва ли не прежде, чем она успела встать, объект размышлений появился собственной персоной. Миссис Киркпатрик почувствовала, что краснеет, но не огорчилась, а, сделав шаг ему навстречу, кивком указала на спящую госпожу.

– Очень хорошо, – окинув пациентку профессиональным взглядом, тихо отозвался доктор. – Можно пару минут поговорить с вами в библиотеке?

«Собирается сделать предложение?» – с внезапным трепетом спросила себя Клэр и поняла, что готова принять человека, о котором еще час назад думала всего лишь как о представителе класса неженатых мужчин, для которых брак оставался возможным.

Однако она очень быстро обнаружила, что мистер Гибсон намеревался всего лишь задать несколько чисто медицинских вопросов, и сочла разговор неинтересным для себя, хотя, возможно, познавательным для него. Миссис Киркпатрик не подозревала, что, пока она говорила, доктор принял решение сделать ей предложение. На вопросы она отвечала многословно, однако он давно научился отделять зерна от плевел. Голос ее звучал так мягко, а манера речи радовала слух после того грубого, небрежного произношения, которое звучало вокруг. К тому же приглушенные цвета ее туалета и медленные плавные движения действовали на него так же благотворно, как на некоторых – мурлыканье кошки. Мистер Гибсон вдруг понял, что если еще вчера смотрел на эту женщину исключительно как на кандидатуру в мачехи для Молли, то сегодня увидел в ней жену. Для Клэр же желанным стимулом послужило письмо лорда Камнора: ей захотелось привлечь внимание доктора, и, кажется, удалось. И все же некоторое время беседа касалась исключительно состояния здоровья графини, а потом пошел дождь. Обычно мистер Гибсон не обращал внимания на капризы природы, но сейчас, когда появился повод задержаться, заметил:

– Погода совсем испортилась.

– Да, совершенно. Дочка написала, что на прошлой неделе два дня из порта Булони не могли выйти корабли.

– Значит, мисс Киркпатрик сейчас в Булони?

– Да, девочка учится там в школе: пытается усовершенствовать свой французский. Но, мистер Гибсон, не называйте ее «мисс Киркпатрик». Синтия вспоминает вас с такой... любовью. Четыре года назад она заболела здесь корью, и вы ее вылечили. Прошу, зовите мою дочь просто по имени: официальное обращение чрезвычайно ее смутит.

– Синтия... какое необычное имя, похоже на название цветка: цинния – и годится скорее для поэзии, чем для обыденной жизни.

– Это в мою честь, – с некоторой обидой возразила миссис Киркпатрик. Так захотел ее бедный отец. Мое первое имя тоже сходно с названием цветка – Лили. Сожалею, что вам не нравится.

Мистер Гибсон не знал, что сказать, поскольку еще не был готов беседовать на столь личные темы. Пока он сомневался, она продолжала:

– Когда-то я так гордилась своим красивым именем, да и другим оно тоже нравилось.

– Не сомневаюсь, – начал мистер Гибсон, но тут же умолк.

– Возможно, я напрасно уступила желанию мужа дать дочери столь романтическое имя, если у кого-то оно вызывает предубеждение. Бедное дитя! У нее и без того жизнь не сахар. Да и у меня... Растить дочь – огромная ответственность, мистер Гибсон, особенно в одиночку.

– Вы совершенно правы, – подтвердил доктор, вспомнив о Молли. – И все же девочка, которой посчастливилось иметь мать, не так остро чувствует одиночество, как та, которая осталась с отцом.

– Вы, конечно, имеете в виду собственную дочь. Простите, я неосторожно выразилась. Милое дитя! Как хорошо я помню это симпатичное личико, когда она спала на моей кровати! Должно быть, сейчас уже совсем взрослая! Они с моей Синтией примерно одного возраста. Как бы хотелось ее увидеть!

– Надеюсь, увидите. Хочу, чтобы увидели и полюбили мою бедную маленькую Молли как родную. – Доктор проглотил что-то внезапно возникшее в горле и мешавшее дышать.

«Неужели сейчас сделает предложение?» – с трепетом подумала миссис Киркпатрик, прежде чем он снова заговорил.

– Сможете ли полюбить ее как свою дочь? Постараетесь ли? Позвольте ли мне представить вас ей как будущую мать и мою жену?

Все! Он это сделал: будь то умно или глупо, а сделал, – однако едва ли не через мгновение после того, как слова прозвучали и обрели собственную жизнь, возник вопрос, правильно ли поступил.

Она закрыла лицо ладонями и воскликнула:

– О, мистер Гибсон!

А потом, удивив не только его, но и в огромной степени себя, разразилась истерическими рыданиями: какое это облегчение – осознать, что больше не надо зарабатывать на жизнь тяжелым трудом!

– Моя дорогая... дражайшая... – пробормотал мистер Гибсон, пытаясь утешить ее словами и лаской, но не знал, каким из двух имен назвать.

Немного успокоившись и догадавшись о его затруднении, она подсказала:

– Зовите меня Лили – терпеть не могу это ужасное имя Клэр. Напоминает о тех временах, когда я работала гувернанткой, но, слава богу, это уже в прошлом.

– Да. Но, несомненно, воспитанницы никого так не любили и не ценили, как вас, по крайней мере в этой семье.

– Да, они очень добры, но все-таки приходится всегда помнить о своем положении.

– Необходимо сообщить эту новость леди Камнор, – сказал доктор, думая больше о множестве появившихся обязанностей, вызванных только что сделанным шагом, чем о словах будущей жены.

– Вы сами ей скажете, правда? – проговорила миссис Киркпатрик, умоляюще глядя в лицо доктору. – Когда ей сообщает новости кто-то другой, проще понять, как она к ним относится.

– Конечно! Сделаю так, как вы пожелаете. Может быть, пойдем посмотрим, проснулась ли?

– Нет! Пожалуй, не стоит! Надо ее подготовить. Приезжайте завтра, хорошо? Тогда и скажете.

– Да, так будет лучше. Сначала сообщу Молли. Она имеет право узнать первой. Надеюсь, вы с ней искренне друг друга полюбите.

– Ах да! Уверена! Значит, завтра, а я пока подготовлю леди Камнор.

– Не вижу необходимости, но вам, дорогая, виднее. Когда сможете встретиться с Молли? В эту минуту вошла служанка, и разговор прервался.

– Ее светлость проснулись и желают видеть мистера Гибсона.

Обе дамы последовали за доктором наверх, при этом миссис Киркпатрик старалась выглядеть так, как будто ничего не случилось, ибо непреодолимо хотела подготовить леди Камнор: то есть убедить, как был настойчив мистер Гибсон и как сломил ее сдержанное нежелание.

Однако в болезни, как и в здравии, леди Камнор обладала острой наблюдательностью. Она уснула с мыслью о соответствующих строках из письма мужа, с ними же пробудилась.

– Рада, что вы не уехали, мистер Гибсон. Хотела вам сказать... но что случилось? О чем вы беседовали? Вижу, произошло нечто экстраординарное.

По мнению мистера Гибсона, не оставалось ничего другого, как открыться перед ее светлостью. Он обернулся, взял невесту за руку и проговорил:

– Я попросил миссис Киркпатрик стать моей женой и матерью моего ребенка. Она согласилась. Не нахожу слов, чтобы выразить свою глубокую благодарность.

– О! Не вижу никаких препятствий. Уверена, вы будете счастливы. Очень рада! Пожмите мне руку, оба! – Коротко рассмеявшись, графиня добавила: – Как видите, все свершилось без моего малейшего участия.

При этих словах мистер Гибсон вопросительно вскинул брови, а миссис Киркпатрик покраснела.

– Клэр ничего вам не рассказала? В таком случае придется мне. Слишком хорошая шутка, чтобы держать ее при себе, особенно когда все закончилось так хорошо. Когда сегодня утром пришло письмо от лорда Камнора, я попросила Клэр прочитать его вслух, а она внезапно остановилась в том месте, где точки быть не могло. Я подумала: что-то случилось с Агнес, – поэтому взяла письмо и начала читать сама. Да, сейчас прочту вам это место. Где письмо, Клэр? Ах, не беспокойтесь, вот оно. Итак: «Как продвигаются отношения Клэр и Гибсона? Ты пренебрегла моим советом помочь этому роману, но, полагаю, сейчас, когда сидишь в одиночестве, немного сводничества тебя бы развлекло. Не представляю брака более удачного». Как видите, милорд в полной мере одобряет решение. Но я должна ему написать и сообщить, что вы уладили свои дела без моего вмешательства. Теперь, мистер Гибсон, давайте завершим медицинский разговор, и сможете продолжить беседу тет-а-тет.

Ни доктор, ни Клэр уже не испытывали такого желания поговорить наедине, как до оглашения письма графа. Мистер Гибсон старался не думать на эту тему, поскольку боялся вообразить, каким образом разговор повернулся так, что привел к предложению, однако леди Камнор проявила обычную настойчивость.

– Не придумывайте, идите. Я всегда отправляла дочерей беседовать наедине с мужчинами, за которых они собирались замуж, даже если сами они того не хотели. Перед каждой свадьбой возникает много вопросов, требующих обсуждения, а вы оба достаточно взрослые люди, чтобы избежать жеманства. Так что отправляйтесь!

Паре не оставалось ничего иного, как вернуться в библиотеку. Миссис Киркпатрик отправилась туда слегка недовольной, а мистер Гибсон в значительно большей степени сдержанным и саркастичным, чем в первый раз.

Едва сдерживая слезы, она призналась:

– Не могу представить, что сказал бы бедный Киркпатрик, если бы узнал о моем решении. Бедняга так презирал тех, кто не хранит память о почившем супруге и вторично вступает в брак.

– Хорошо, что он не узнает, но если бы узнал, отнесся бы к этому мудрее. Очень часто второй брак оказывается счастливее первого.

В целом второй тет-а-тет по команде госпожи прошел не столь удовлетворительно, как первый: мистер Гибсон остро сознавал необходимость продолжить объезд больных, поскольку уже и так потерял много времени.

«Ничего страшного, – думал он по дороге, – скоро между нами установится взаимопонимание. Трудно ожидать, что с самого начала мысли потекут в одном направлении, да мне бы этого и не хотелось. Было бы скучно слышать от жены лишь эхо собственных мнений. Интересно, как ко всему этому отнесется Молли? Ведь и женюсь-то в основном ради нее». Далее, словно хотел себя в чем-то убедить, он занялся перечислением положительных качеств миссис Киркпатрик и тех преимуществ, которые дочь получит от предпринятого им шага.

Ехать в Хемли-холл в тот же день было уже слишком поздно: Тауэрс-парк находился в противоположном направлении от Холлингфорда, – так что в дом сквайра доктор попал только следующим утром, рассчитав время таким образом, чтобы, прежде чем миссис Хемли спустится в гостиную, выкроить полчаса, чтобы поговорить с Молли. Он предполагал, что после такого известия девочке потребуется утешение, а никто не смог бы выразить сочувствие лучше доброй хозяйки.

Утро выдалось солнечным и жарким. Работники в одних рубашках убирали ранний урожай овса. Доктор медленно ехал по дороге и не только видел их поверх живых изгородей, но и слышал размеренный, спокойный звук срезавших колосья кос. Косари молчали, так как разговаривать было слишком жарко. По другую сторону вяза, под которым мистер Гибсон хотел было остановиться, чтобы понаблюдать за работой и немного оттянуть разговор, которого боялся, лежала собака, охранявшая одежду и воду, и, высунув язык, тяжело дышала. Доктор упрекнул себя в слабости и продолжил путь. К дому подъехал уверенной рысью, причем раньше своего обычного часа. Никто его не ждал, все конюхи вышли в поле, однако для него это ничего не значило: в течение пяти минут мистер Гибсон сам выгулял коня, чтобы тот остыл, а затем отвел в стойло, ослабил упряжь и осмотрел с особой тщательностью. В дом доктор вошел через дальнюю дверь и сразу направился в гостиную, хотя предполагал, что Молли может оказаться в саду. Она действительно сначала отправилась туда, но жара заставила вернуться в дом. Утомленная зноем, девушка прошла через французское окно, села в кресло и уснула, причем шляпа и книга так и остались лежать на коленях, а рука безвольно повисла. Молли выглядела сейчас такой нежной, юной и уязвимой, что, глядя на дочь, мистер Гибсон испытал бурный прилив любви.

– Молли! – позвал он тихо и сжал тонкую загорелую руку. – Молли!

Девушка открыла глаза и в первый миг не поняла, кто перед ней, потом радостно вскочила и крепко обняла отца.

– Ах, папа! Дорогой, дорогой папа! Вот я засоня! Ты приехал, а тебя никто не встретил!

Мистер Гибсон молча увлек дочь к дивану и усадил подле себя. Говорить и не требовалось: Молли радостно щебетала.

– Я так рано встала! Наверное, потому и уснула. Но до чего же приятно выйти в сад, пока еще свежо, а вот день сегодня необыкновенно жаркий. Вряд ли итальянское небо, о котором так много говорят, может быть синее вон того маленького кусочка, который проглядывает сквозь дубы. Посмотри!

Она выдернула ладошку и обеими руками повернула голову отца так, чтобы и он увидел, и тут обратила внимание на его необычную молчаливость и даже вроде бы растерянность.

– Ты не получил письма от мисс Эйр? Как они там? Справились со скарлатиной? Знаешь, папа, что-то ты неважно выглядишь. Думаю, мне пора вернуться домой, чтобы присматривать за тобой.

– Плохо выгляжу? Тебе показалось, милая: чувствую я себя прекрасно, просто немного волнуюсь, потому что... потому что у меня для тебя есть новость. – Гибсон чувствовал, что начал неуклюже, но не отступать же. – Попробуешь отгадать какая?

– Разве это возможно? – удивилась Молли, однако тон ее изменился, словно инстинкт предсказал недоброе.

– Видишь ли, дорогая, – продолжил мистер Гибсон, снова взяв дочь за руку, – по моей вине ты оказалась в чрезвычайно неловкой ситуации: под одной крышей с посторонними молодыми людьми. В то время как я по долгу службы вынужден часто отсутствовать.

– Но ведь со мной остается мисс Эйр, – возразила Молли, все сильнее поддаваясь тяжелому предчувствию. – А больше мне, кроме нее и тебя, никто не нужен.

– Но ведь вот случилось же, что мисс Эйр не может за тобой присмотреть, и нет никаких гарантий, что ничего подобного больше не произойдет. Некоторое время мне ничего не приходило в голову, как с этим быть, но теперь принял решение, которое, надеюсь, сделает нас обоих счастливее.

– Собираешься снова жениться? – проговорила Молли сухим безжизненным голосом и осторожно высвободила ладонь из руки отца.

– Да, на миссис Киркпатрик. Помнишь ее? В Тауэрс-парке ее зовут Клэр. Когда ты в детстве случайно там осталась, она к тебе отнеслась по-доброму.

Молли молчала, не находя нужных слов и опасаясь, что если что-нибудь скажет, то гнев, ненависть, обида – все кипевшие в душе чувства – вырвутся в криках, воплях или, того хуже, в дурных словах, которые невозможно будет забыть. Казалось, что тот кусок суши, на котором она стояла обеими ногами, оторвался от берега, и теперь ее уносит в безбрежное море.

Мистер Гибсон понимал неестественность молчания и почти догадывался о причине, но знал, что для примирения с неожиданными изменениями требуется время, и верил, что эти изменения принесут дочери счастье. Раскрыв наконец секрет и сделав признание, которое почти сутки камнем висело на сердце, он испытал облегчение, поэтому не нашел ничего лучше, как заняться перечислением преимуществ женитьбы, которые уже успел выучить наизусть.

– Она подходит мне по возрасту: не знаю точно, сколько ей лет, но думаю, что около сорока, – а жениться на ком-то моложе не хотелось бы; Пользуется уважением лорда и леди Камнор, что само по себе является прекрасной рекомендацией; обладает исключительно тонкими, изысканными манерами – разумеется, почерпнутыми в тех кругах, где приходится вращаться. Так что нам с тобой, милая, чтобы не показаться простоватыми, придется немного над собой поработать.

Игривый тон не вызвал у дочери никакой реакции, и мистер Гибсон продолжил:

– Она умеет вести хозяйство, причем экономно, так как в последние годы держала школу в Эшкомбе. И, наконец, что тоже важно, у нее есть дочь примерно твоего возраста, которая, разумеется, приедет в Холлингфорд, будет жить с нами и станет тебе доброй подругой... сестрой.

Молли долго молчала, а потом тихо проговорила:

– Значит, ты выпроводил меня из дому, чтобы не мешала все это устроить?

Слова прозвучали из глубины оскорбленного сердца, однако реакция отца вырвала из пассивного состояния. Мистер Гибсон вскочил и, что-то бормоча себе под нос, быстро покинул комнату. Что именно он говорил, Молли не расслышала, хотя бросилась следом – по длинным темным коридорам в ярко освещенный солнцем хозяйственный двор, а потом и в конюшню.

– Ах, папа, папа! Я вне себя! Не знаю, что и сказать об этой мерзкой... отвратительной...

Доктор вывел коня: неизвестно, слышал ли он слова дочери, – и, поднявшись в седло, бросил сверху вниз мрачный, ледяной взгляд.

– Думаю, будет лучше, если сейчас я уеду, иначе мы наговорим друг другу много такого, о чем потом пожалеем. Мы оба слишком взволнованы. До завтра успокоимся. Ты хорошенько подумаешь и поймешь, что главный – единственно важный мотив моего поступка – твое благо. Можешь передать миссис Хемли – я сам собирался сказать, – что приеду завтра. До свидания, Молли.

Еще долго после отъезда отца – когда стук копыт по круглым камням мощеной аллеи давно стих – Молли стояла, прикрыв глаза ладонью и глядя в пустое пространство, где он рас-

творился. Она боялась дышать: тяжелые вздохи срывались в рыдания, – наконец повернулась, но не смогла войти в дом, не смогла ничего сказать миссис Хемли. Перед лицом Молли стояли холодные глаза отца: как он смотрел, как говорил, как покинул ее.

Она вышла в сад через боковую калитку – ту самую, которой пользовались садовники, чтобы принести из конюшни навоз, – скрытую от глаз пышными кустами, вечнозелеными растениями и раскидистыми деревьями. Никто не узнает, что случилось, и никто ей не посочувствует. Хотя миссис Хемли очень добра и душевна, у нее свой муж, дети, личные интересы, а острое горе в сердце Молли не принимало постороннего участия. Она быстро зашагала через сад к укромному уголку, который считала своим: к скамейке, почти скрытой плакучими ветвями вяза, расположенной на просторной террасе, откуда открывался вид на живописные луга и поросшие травой холмы. Скорее всего терраса была специально устроена так, чтобы можно было любоваться залитым солнцем пейзажем с деревьями, шпилем колокольни, покрытыми черепицей крышами старых деревенских домов и темными полями вдалеке. В давние времена, когда в поместье жили большие семьи, леди в кринолинах и джентльмены в больших париках, с мечами в ножнах, во время прогулок, должно быть, занимали всю террасу, однако сейчас сюда никто не заглядывал, никто не нарушал тишины и одиночества живописного уголка. Молли даже думала, что только она знает об уединенной скамье под вязом, так как садовников держали ровно столько, сколько было необходимо для поддержания в порядке огорода и цветников возле дома, и там было не до отдыха на веранде.

Едва опустившись на скамейку, она в полной мере дала волю горю, даже не пытаясь найти причину слез и рыданий. Папа снова собрался жениться, а она повела себя плохо, и он обиделся на нее, уехал рассерженным. Папа больше не любит ее и хочет жениться, чтобы забыть и ее саму, и любимую маму. Так она думала в безутешном отчаянии и рыдала до полного изнеможения, до тех пор, пока не пришлось замолчать, чтобы восстановить силы и снова дать выход буре страстей. Она села на землю – самый естественный трон для безысходного горя – и прислонилась спиной к старой, заросшей мхом скамье, то закрывая лицо ладонями, то крепко сжимая руки, словно болезненное переплетение пальцев могло облегчить душевные страдания, поэтому не заметила возвращавшегося с поля Роджера Хемли, не услышала щелчка маленькой белой калитки.

Молодой человек охотился на земноводных в болотцах и канавах и сейчас нес через плечо полный сачок драгоценных гадов. Несмотря на то что он притворялся, будто равнодушен к еде в принципе, на самом деле обладал отменным аппетитом и спешил к ленчу. К тому же миссис Хемли придавала дневной трапезе большое значение и желала видеть сына за столом, поэтому ради матушки Роджер отступил от своих принципов, получив в награду вкусную и сытную еду.

Проходя по террасе в сторону дома, он Молли не видел, а прошагав еще ярдов двадцать под прямым углом, вдруг под деревьями, в траве, заметил редкое растение, которое давно мечтал увидеть в цвету, и вот наконец нашел. Положив сачок так, чтобы пленники не разбежались, Роджер легким, осторожным шагом направился к желанной цели, стараясь не повредить ни единого растения: вдруг неприглядный стебелек служит домом какому-то насекомому или сам вырастет в невиданный цветок или дерево?

Поиски привели его к вязу, почти незаметному с этой стороны террасы, и он остановился: на земле, возле скамьи кто-то в чем-то светлом сидел или лежал совершенно неподвижно – как будто в обмороке или в забытии. Роджер прислушался, и через минуту-другую до него донеслись рыдания и невнятное бормотание.

– Ах, папа, папа! Если бы только ты вернулся! – причитал кто-то сквозь слезы.

Молодой человек присмотрелся, понял, что это девушка, и, решив оставить ее наедине с переживаниями, сделал несколько шагов в противоположном направлении, однако вновь услышал отчаянные рыдания. Лучшей утешительницей для девушки стала бы матушка, но

прийти сюда она не могла. Не задумываясь, правильно ли поступает, Роджер Хемли развернулся и решительно направился к зеленому шатру под вязом. Увидев его рядом, Молли вздрогнула от неожиданности, поднялась, постаралась сдержать рыдания и инстинктивно пригладила ладонями спутанные черные волосы.

С глубоким, серьезным сочувствием Роджер взглянул сверху вниз, однако не нашел слов.

– Уже время ленча? – спросила Молли в надежде, что он не заметил ни слез, ни следов отчаяния на лице; что не увидел, как она лежала на земле и рыдала.

– Не знаю. Шел домой на ленч, но – позвольте признаться – не смог не остановиться, заметив ваше отчаяние. Что-нибудь случилось? То есть что-то такое, в чем могу помочь? Если природа печали такова, что участие невозможно, то и спрашивать незачем.

Молли до такой степени ослабла от переживаний и слез, что в данную минуту не могла ни идти, ни даже стоять, поэтому опустилась на скамью, вздохнула и так побледнела, что Роджер, испугавшись обморока, воскликнул:

– Подождите минуту!

Молли не могла сделать ни шагу, и он бросился к крохотному источнику, который давно знал, и вскоре вернулся с водой, которую бережно нес в свернутом наподобие чашки большом листе.

Даже эта капля подействовала благотворно, и Молли поблагодарила:

– Спасибо! Думаю, что скоро смогу вернуться в дом, так что вы можете идти по своим делам.

– Позвольте вас проводить. Матушка не одобрит, если я вернусь домой один, бросив вас здесь в минуту слабости.

Некоторое время оба молчали. Роджер на шаг отошел и принялся разглядывать листья вяза – как по привычке, так и для того, чтобы дать мисс Гибсон время прийти в себя.

– Мой отец собрался снова жениться, – проговорила наконец Молли, а зачем, не смогла бы объяснить.

Еще мгновение назад она не собиралась посвящать его в свои проблемы. Роджер вырвал листок, который держал, обернулся и пристально на нее посмотрел. В молчаливой мольбе о сочувствии печальные серые глаза девушки вновь наполнились слезами, и взгляд ее сказал больше, чем слова. Роджер заговорил не сразу: просто почувствовал, что должен что-то сказать.

– Вас это очень огорчает?

Не отводя глаз, Молли кивнула одними губами и беззвучно сказала: «Да». Роджер молча гонял носком сапога подвижные камешки, пока мысли не оформились в нужные слова.

– Наверное, бывают такие ситуации – не говоря о любви, – когда почти необходимо найти замену матери... – заговорил наконец Роджер так, словно рассуждал с самим собой. – Возможно, этот шаг принесет вашему отцу счастье: освободит от множества забот и подарит подругу жизни.

– У него же есть я! – возразила Молли. – Не представляете, кем мы были друг для друга... во всяком случае кем отец был для меня.

– И все же он наверняка считает этот поступок необходимым и полезным, иначе ни за что бы не решился. Должно быть, ваш родитель делает это не столько ради себя, сколько ради вас.

– Именно так он мне и говорил, пытался убедить.

Не находя достойных аргументов, Роджер снова принялся гонять камешки, а потом вдруг поднял голову.

– Хочу рассказать об одной знакомой девушке. Когда умерла мать, ей едва исполнилось шестнадцать: она была старшей в большой семье. С этого момента она посвятила отцу лучшие годы юности: сначала в качестве утешительницы, а затем в роли компаньонки, секретарши – кого угодно. Отец вел крупный бизнес и часто появлялся дома лишь для того, чтобы отдохнуть и подготовиться к завтрашнему дню. И Элизабет неизменно оказывалась рядом, готовая

помочь, поговорить или помолчать. Так продолжалось восемь-десять лет, а потом отец женился на особе немногим старше дочери. И что же? Поверите ли, теперь это самая счастливая семья из всех мне известных.

Молли внимательно слушала, но не находила сил для ответа. История неведомой Элизабет ее заинтересовала: еще бы! Эта девушка смогла стать для отца более важной, чем сама она, будучи моложе, стала для мистера Гибсона.

– Как это? – выдохнула она наконец.

– Элизабет сначала подумала о благополучии отца, а уже потом о собственном, – с суровым лаконизмом ответил Роджер.

Молли опять заплакала.

– Если бы речь шла о папином счастье...

– Должно быть, он так считает. Что бы вы ни думали, дайте ему шанс. Вряд ли на душе у него воцарится спокойствие, если дочь будет постоянно грустить и хмуриться, тем более что дочь, как вы сказали, необыкновенно ему дорога. Многое зависит и от леди. Мачеха Элизабет могла бы проявить эгоизм, заботясь лишь о своем благе, но счастье падчерицы было для нее так же важно, как для самой Элизабет – счастье отца. Будущая супруга мистера Гибсона вполне может оказаться такой же, хотя люди подобного склада встречаются нечасто.

– Не думаю, что она такова, – пробормотала Молли, вспомнив подробности дня в Тауэрс-парке.

Роджеру не хотелось выслушивать сомнения Молли, поскольку он чувствовал, что не имеет права влезать в семейную жизнь доктора – ни в прошлую, ни в настоящую, ни в будущую – больше, чем абсолютно необходимо для утешения случайно встреченной плачущей девушки. К тому же он спешил домой, так как матушка ждала к ленчу, и все же не мог бросить Молли.

– Надо думать о людях хорошо, а не ждать от них плохого. Звучит банально, но эта истина уже помогала мне, да и вам когда-нибудь наверняка поможет. Всегда следует прежде заботиться о близких, а уже потом о себе, избегая предвзятости. Я не слишком утомил вас своими проповедями? Надеюсь, от них появился аппетит? Лично я на проповедях всегда страшно хочу есть.

Казалось, мистер Хемли ждал, пока Молли встанет и пойдет вместе с ним, но на самом деле он стремился дать понять, что не оставит ее одну, поэтому она поднялась, но так медленно, что сразу стало ясно: было бы предпочтительно, чтобы он ушел без нее. Чрезвычайно слабая, она споткнулась о торчавший корень и едва не упала, но Роджер вовремя успел ее поддержать, да и потом, когда опасность миновала, не выпустил ее ладонь. Физическая слабость показала, насколько девушка молода и беспомощна, и Роджеру захотелось утешить ее. Так, крепко сжимая ладонь, он привел ее к дому, а на протяжении всего пути не произнес ни слова – просто не знал, что сказать.

– Наверное, вы сочтете меня жестоким, – проговорил он наконец возле французского окна гостиной. – Мне всегда трудно выразить чувства: сбиваюсь на абстрактные рассуждения – и все же глубоко вам сочувствую. Да, правда. Не в моих силах изменить обстоятельства, однако переживаю за вас так, что лучше не пытаться объяснить, ибо слова не приведут ни к чему хорошему. Не забывайте о моем сочувствии! Буду часто о вас думать, хотя вряд ли стоит возвращаться к этой теме.

– Знаю, как вы добры, – пробормотала Молли, вырвала ладонь и бросилась наверх, в одиночество своей комнаты.

Роджер сразу направился к матушке, которая сидела за столом, не притронувшись к еде, крайне раздраженная необъяснимым отсутствием гостя. Она слышала, что мистер Гибсон приехал и уехал, и не могла узнать, оставил ли он какое-то сообщение лично для нее. Беспокойство о собственном здоровье, которое кое-кто из знакомых считал чистой ипохондрией, заставляло ее с нетерпением ждать любого мудрого слова доктора.

– Где ты был, Роджер? И где Молли... то есть мисс Гибсон? – поправились миссис Хемли, стараясь сохранить барьер формальности в отношениях между молодым человеком и девушкой, волей судьбы оказавшимися в одном доме.

– Ловил земноводных. Кстати, забыл на террасе сачок. Мисс Гибсон сидела там и горько рыдала из-за того, что ее отец собрался снова жениться.

– Жениться? Не может быть!

– Да, в самом деле. И бедная девушка приняла эту новость очень тяжело. Может стоит отправить ей наверх бокал вина, чашку чая – что-нибудь такое. Она совсем обессилела...

– Пожалуй, схожу к ней сама.

Миссис Хемли поднялась, но сын, взяв за руку, возразил:

– Прошу, не надо. Мы и так заставили тебя ждать. Ты очень бледна. Пусть лучше Хэммонд отнесет.

Роджер позвонил в колокольчик, а миссис Хемли, безмерно удивленная, села на свое место.

– И на ком же он собрался жениться?

– Не знаю. Она не сказала, а я не спросил.

– Как это по-мужски! Дело в том, что половина проблемы заключается в характере будущей жены.

– Да, согласен: надо было спросить, – но почему-то подобные разговоры даются мне нелегко. Пожалеть – пожалел, но все же нужных слов так и не нашел.

– И что же ты ей сказал?

– Просто дал совет, какой казался мне лучшим.

– Совет! И это тогда, когда надо было ее утешить! Бедняжка Молли!

– Полагаю, если совет хорош, то послужит лучшим утешением.

– Зависит от того, что именно ты понимаешь под советом. Тише! Вот она.

К их удивлению, Молли выглядела почти как обычно: умылась, привела в порядок прическу, постаралась не плакать и говорить нормальным голосом, чтобы не расстраивать миссис Хемли. Она, конечно, не понимала, что следует рекомендации Роджера думать прежде об окружающих, но поступала именно так. Миссис Хемли, в свою очередь, не знала, удобно ли начать разговор с услышанной от сына новости, однако не могла говорить ни о чем другом.

– Дорогая, твой отец собрался жениться? Позволь спросить, на ком.

– На миссис Киркпатрик. По-моему, когда-то давно она служила гувернанткой в доме графини Камнор. Она часто там гостит, они зовут ее Клэр и, кажется, очень любят, – как можно спокойнее сказала Молли, стараясь не выдать истинных чувств.

– Кажется, я что-то слышала. Значит, она не очень молода? Так и должно быть. И тоже вдова. А дети у нее есть?

– Да, есть, дочь. Впрочем, я мало что знаю, – ответила Молли, опять едва не заплакав.

– Ничего, дорогая. Всему свое время. Роджер, ты куда? Ведь почти ничего не съел.

– За сачком, оставил на веранде: боюсь, как бы мои пленники не разбежались. А что касается еды, я сейчас ем очень немного.

На самом же деле молодой джентльмен не хотел мешать женщинам беседовать. Матушка обладала такой искренней добротой, что в разговоре наедине могла вытащить занозу из сердца девушки. Как только Роджер удалился, Молли подняла наконец на миссис Хемли несчастные глаза и заметила:

– Он был так участлив! Постараюсь запомнить его слова.

– Рада слышать, дорогая. Очень рада. Из слов сына я заключила, что он прочитал тебе небольшую лекцию. У мальчика доброе сердце, но манеры оставляют желать лучшего: порой он очень любезен, даже резок.

– В таком случае его манеры мне по душе: он помог понять, как дурно... я вела себя с папой сегодня утром!

Молли встала, бросилась в объятия доброй женщины и разрыдалась у нее на груди, переживая уже не из-за того, что отец снова женится, а из-за собственной несдержанности.

Не слишком учтивый в словах, Роджер умел проявить участие в поступках. Хоть страдания Молли и показались ему надуманными и, возможно, несколько преувеличенными, она глубоко переживала, и он постарался облегчить ее состояние вполне характерным для него способом. В тот же вечер установил микроскоп, разложил на маленьком столе собранные утром сокровища и пригласил матушку подойти посмотреть. Разумеется, как он и рассчитывал, Молли оказалась рядом, и Роджер сразу сумел заинтересовать ее своим делом, раздул искру любопытства и пробудил стремление к новым познаниям.

К обеду Молли спустилась, раздумывая, как скоротать долгие часы до сна, опасаясь, что уже утомила миссис Хемли во время дневной беседы, однако благодаря Роджеру, который принес книги и мастерски перевел сложный научный лексикон на приемлемый обыденный язык, вечерняя молитва наступила неожиданно быстро. А завтра предстояло покаяться перед отцом.

Однако мистер Гибсон, не любивший открытого выражения чувств, предпочел обойтись без слов сожаления, возможно, понимая, что чем меньше будет сказано, тем лучше. Ясно, что по данному вопросу они с дочерью не испытывали безусловного, гармоничного единодушия. Он прочитал в глазах своей девочки глубокое раскаяние, увидел, как мучительно она страдала, а потому ощутил в сердце острую боль и не позволил выразить сожаление относительно вчерашнего поведения:

– Ну-ну, достаточно. Знаю все, что скажешь. Знаю свою маленькую Молли – свою глупышку – лучше, чем она сама себя знает. Привез тебе приглашение. Леди Камнор желает, чтобы следующий четверг ты провела в Тауэрс-парке!

– Хочешь, чтобы я поехала? – спросила Молли с упавшим сердцем.

– Хочу, чтобы вы с Лили познакомились поближе и научились относиться друг к другу терпимо.

– А почему «Лили»? – окончательно растерялась Молли.

– Да, понимаю, не самое серьезное имя, однако оно принадлежит ей, а значит, я должен называть ее именно так! Терпеть не могу это «Клэр», как называют ее миледи и прочие обитатели Тауэрс-парка, а «миссис Киркпатрик» и вовсе нелепо: все равно скоро сменит фамилию.

– Когда, папа? – уточнила Молли, словно в прострации.

– Не раньше Михайлова дня¹⁸, – ответил доктор и, следуя собственным мыслям, продолжил: – А хуже всего то, что она и дочь назвала почти как цветок: Синтия! Слава богу, ты у меня просто Молли.

– Сколько ей лет? Синтии?

– По-моему, она твоя ровесница. Учится в школе во Франции, набирается изящных манер. Приедет на свадьбу – тогда и познакомитесь, – а потом она вернется в школу еще на полгода или около того.

¹⁸ 29 сентября.

Глава 11

Завязывается дружба

Мистер Гибсон полагал, что Синтия Киркпатрик приедет в Англию, чтобы присутствовать на свадьбе матери, однако сама миссис Киркпатрик подобного намерения не имела. Назвать данную особу решительной было бы трудно, и все же ей как-то удавалось избегать нежелательного для нее и получать желаемое. Она спокойно выслушала предложение мистера Гибсона, чтобы Молли и Синтия стали подружками невесты, однако сразу сообразила, что поблекшая невеста рядом с сияющей юной красотой дочерью будет выглядеть невыгодно. Осталось придумать убедительную причину, почему Синтии лучше остаться в Булони.

В первую ночь после помолвки миссис Киркпатрик легла спать в предвкушении скорой свадьбы. Главным преимуществом замужества было для нее освобождение от школы – нищей, неприбыльной, малочисленной: оплаты за обучение едва хватало на аренду здания, налоги, еду, стирку и зарплату учителям. Она не видела особых поводов для возвращения в Эшкомб: разве что закрыть дела и собрать свои вещи, – и надеялась, что пыл мистера Гибсона заставит его поспешить со свадьбой и потребовать, чтобы она как можно скорее рассталась со школой раз и навсегда. Миссис Киркпатрик даже заранее приготовила весьма убедительный и страстный монолог, способный устранить чувство неловкости, которое следовало бы испытывать при необходимости сообщить родителям учениц о закрытии школы и о том, что в предпоследнюю неделю летних каникул им придется подыскать для дочерей новое место обучения, однако уже следующим утром леди Камнор решительно отменила красивые планы, заговорив об обязанностях нареченных жениха и невесты.

– Разумеется, вы не сможете бросить школу внезапно, Клэр. Свадьба никак не состоится раньше Рождества, и это очень хорошо. Мы все соберемся в Тауэрс-парке, а для детей поездка в Эшкомб на бракосочетание станет прекрасным развлечением.

– Думаю... боюсь... не уверена, что в планы мистера Гибсона входит столь долгое ожидание. В подобных обстоятельствах мужчины крайне нетерпеливы.

– О, чепуха! Лорд Камнор рекомендовал вас своим арендаторам и наверняка не захочет причинить им неудобства. Мистер Гибсон сразу это поймет: он человек умный, иначе никогда не стал бы нашим семейным доктором. А что вы решили насчет дочери? Уже успели подумать?

– Нет. Вчера было слишком мало времени, а когда волнуешься, трудно думать о серьезных вещах. Синтии уже почти восемнадцать, так что, если мистер Гибсон пожелает, можно устроить ее гувернанткой в хороший дом, но это вряд ли: он слишком добр и великодушен.

– Что ж, в таком случае дам вам время сегодня уладить кое-какие дела, только не тратьте его на чувства: для этого вы уже далеко не молоды, – лучше придите к полному взаимопониманию, ведь в конечном счете именно от него зависит будущее счастье.

В итоге жених и невеста достигли некоторого взаимопонимания, но, к глубокому разочарованию миссис Киркпатрик, мистер Гибсон поддержал леди Камнор относительно обязательств перед ученицами и их родителями. Несмотря на то что с каждым днем все больше страдал от бытовых неурядиц, он все же был слишком благороден, чтобы пытаться убедить миссис Киркпатрик оставить школу хотя бы на неделю раньше того срока, который считал допустимым. Доктор даже не представлял, насколько легко было бы ее убедить; применив чудеса хитрости, ей не без труда удалось подвести жениха к мысли о Михайлове дне.

– Не могу выразить, Лили, какое счастье и облегчение испытаю, когда вы наконец станете моей женой, хозяйкой дома и защитницей бедной маленькой Молли, но никогда не посмею нарушить ваши прежние обязательства. Это было бы неправильно.

– Спасибо, любовь моя! Как вы добры! Большинство мужчин подумали бы исключительно о собственных желаниях и интересах! Уверена, что родители моих дорогих учениц придут от вас в восторг и удивятся столь глубокому проникновению в их интересы.

– В таком случае ничего им не говорите. Ненавижу, когда мной восхищаются. Почему бы просто не заявить, что желаете продолжать работу до тех пор, пока они не подыщут другую школу?

– Потому что не желаю, – честно ответила миссис Киркпатрик. – Больше всего на свете я мечтаю сделать вас счастливым, превратить дом в уютное, спокойное гнездышко и обласкать милую Молли, заменив ей мать. Не хочу приписывать себе добродетель, которой не обладаю. Будь моя воля, сказала бы: «Люди добрые, найдите своим дочерям другую школу к Михайлову дню, так как после него у меня появятся иные заботы». Страшно даже подумать, как в более позднее время вы будете возвращаться в темноте, промокнув под дождем, домой, где никто о вас не позаботится. Ах, если бы я могла принимать решения, то посоветовала бы родителям забрать своих чад у той, чье сердце уже далеко. Раньше Михайлова дня согласиться на свадьбу не могу: это было бы несправедливо и нехорошо, – да и уверена, что вы не станете меня приносить, поскольку слишком добры для этого.

– Что же, если считаете Михайлов день подходящим, так тому и быть. А что говорит леди Камнор?

– О, я сказала ей, что, возможно, вы не захотите ждать из-за Молли. До чего же хочется побыстрее познакомиться с девочкой поближе!

– Да, вы правы. Бедное дитя! Кажется, новость изрядно ее напугала.

– Синтия тоже наверняка примет известие близко к сердцу, – вздохнула миссис Киркпатрик, желая продемонстрировать, что ее дочь ничуть не отстала в чувствительности и преданности от падчерицы.

– Пусть обязательно придет на свадьбу! – заявил доктор по простоте душевной. – Они с Молли непременно поладят.

Миссис Киркпатрик решила не возражать, пока не придумает уважительную причину для отсутствия Синтии на свадьбе, поэтому сейчас лишь улыбнулась и нежно пожала руку, которую держала в своих ладонях.

Трудно сказать, которая из двух особ больше желала скорейшего окончания дня совместного пребывания в Тауэрс-парке: миссис Киркпатрик или Молли. Миссис Киркпатрик недолюбливала девочек как класс, ибо все тяготы ее жизни так или иначе исходили от них. На должность гувернантки она поступила очень молодой, и на первом месте службы потерпела поражение в борьбе с ученицами. Элегантность внешности и манер, скорее поверхностный лоск, чем характер, знания и умения помогали Клэр получать лучшие места, где к ней относились очень благосклонно, и все же постоянно приходилось иметь дело с капризными, упрямыми, самоуверенными, придиричвыми, любопытными и чрезмерно наблюдательными девицами. Затем, перед рождением Синтии, она мечтала о сыне в надежде, что, если три-четыре родственника мужа внезапно умрут, мальчик станет баронетом. И вот пожалуйста! Родилась девочка! Однако, при всей абстрактной нелюбви к девочкам в целом как напасти всей жизни (школа для молодых леди в Эшкомбе ничуть не уменьшила неприязни), миссис Киркпатрик искренне намеревалась отнестись к будущей падчерице со всей возможной добротой, тем более что помнила ее сонным ребенком, в глазах которого читала восхищение собственной персоной. Предложение мистера Гибсона она приняла главным образом потому, что устала зарабатывать на жизнь, но он ей нравился. Можно даже предположить, что она полюбила жениха – в своей вялой манере, конечно, – и собиралась полюбить его дочь, хотя с сыном было бы куда проще.

Молли тоже по-своему готовилась к новым отношениям и по дороге в Тауэрс-парк мысленно повторяла: «Буду, как Элизабет, думать о других, а не о себе», – однако в желании, чтобы день закончился как можно скорее, не присутствовало ни капли эгоизма, а хотела она

этого горячо. Миссис Хемли отправила подопечную в гости в экипаже, которому предстояло ее дожидаться и вечером привезти обратно. Чтобы Молли произвела благоприятное впечатление, перед поездкой она решила дать ей совет:

- Только не надевайте шелковое платье, дорогая: белое муслиновое подходит вам больше.
- Не шелковое? Но оно же совсем новое! Я специально его заказала.
- И все же, думаю, муслиновое лучше.

«Все, что угодно, только не этот ужасный клетчатый шелк», – подразумевали эти слова. Таким образом, благодаря заботам доброй хозяйки Молли хоть и выглядела немного странно и старомодно, но вполне благородно. Отец должен был ее встретить, однако задержался, и с первой минуты девушка оказалась лицом к лицу с миссис Киркпатрик, отчего несчастье далекого летнего дня вспомнилось особенно живо. Миссис Киркпатрик из кожи вон лезла, чтобы показать всю возможную доброту: в библиотеке, после первых приветствий, держала руку Молли в своей, то и дело поглаживая, мурлыча что-то невнятно любовное и глядя в смущенное лицо.

– Какие глаза! Совсем как у твоего дорогого отца! Мы ведь обязательно полюбим друг друга, не правда ли, милая? Хотя бы ради него!

– Я постараюсь, – храбро проговорила Молли, но больше ничего добавить не смогла.

– И те же кудрявые темные волосы! – никак не унималась миссис Киркпатрик, бережно убирая завиток с нежного виска.

– Папа уже седеет, – заметила Молли.

– Неужели? Не замечала: для меня он всегда будет самым красивым из мужчин.

Мистер Гибсон действительно был весьма привлекателен, и комплимент порадовал Молли, однако она не удержалась от возражения:

– И все же рано или поздно он состарится, а волосы станут совсем седыми. Наверное, он не слишком подурнеет, но все же.

– Ах, верно! Он будет привлекательным мужчиной. А уж он любит тебя, дорогая!

Молли не хотела, чтобы эта странная женщина говорила ей о любви отца, и густо покраснела. Хорошо, что удалось сдержать гнев и промолчать.

– Не представляешь, с какой любовью он рассказывает о тебе: называет маленьким сокровищем, – что я почти ревную.

Молли вырвала руку: подобные речи так оскорбляли, что сердце начало каменеть, – однако, сжав зубы, она постаралась «вести себя хорошо».

– Мы должны сделать его счастливым. Боюсь, что в последнее время многое в доме его раздражало, но теперь все будет иначе. – Заметив, как потемнели глаза Молли, миссис Киркпатрик добавила: – Ты ведь расскажешь мне, что он любит и чего не любит, да? Наверняка знаешь.

Лицо Молли немного прояснилось: конечно, она знала, поскольку любила отца и так давно наблюдала за ним, что понимала лучше, чем кого бы то ни было. И все же одна проблема оставалась неразрешимой: каким образом папа сумел настолько заинтересоваться миссис Киркпатрик, чтобы решить на ней жениться? А та тем временем продолжала щебетать:

– У всех мужчин, даже самых умных, есть свои фантазии и антипатии. Мне доводилось видеть джентльменов, которых выводили из себя сущие пустяки: открытая дверь, пролившийся в блюдце чай или криво наброшенная шаль. Да! – Она понизила голос. – Даже знаю один дом, куда лорда Холлингфорда больше никогда не пригласят лишь потому, что в холле он не вытирает ноги об оба коврика! Скажи мне, какие из подобных мелочей раздражают твоего отца, и я постараюсь избежать ошибок. Стань моей подружкой и помощницей, чтобы я смогла доставить ему как можно больше удовольствия. Буду счастлива исполнить малейшие его прихоти, даже в отношении своей одежды. Какие цвета он предпочитает? Хочу заслужить одобрение даже в этом.

Поток елса заставил Молли подумать, что, возможно, отец действительно сделал правильный выбор, и если она способна помочь сделать его опять счастливым, то так тому и быть, поэтому она всерьез задумалась о предпочтениях отца и о том, что, напротив, могло его раздражать.

– Думаю, ко многому папа равнодушен, но по-настоящему ему не нравится, если к его возвращению обед не готов и не подается в назначенное время, поскольку на еду его остается совсем мало: полчаса в лучшем случае, – а потом опять надо посещать больных.

– Спасибо, дорогая. Значит, пунктуальность! Да, в домашнем хозяйстве это чрезвычайно важно. Не устаю говорить об этом своим юным леди в Эшкомбе. Неудивительно, что бедный милый мистер Гибсон так расстраивается, если после тяжелой работы обед не подается вовремя!

– Папе безразлично, что есть: лишь бы что-то вовремя было готово. Если повариха пришлет только хлеб и сыр, ему хватит и этого.

– Хлеб и сыр! Неужели мистер Гибсон ест сыр?

– Да, очень любит, – просто подтвердила Молли. – Иногда, когда слишком устает, чтобы ждать, пока что-нибудь приготовят, ест просто сандвичи с сыром.

– Ах, дорогая, это никуда не годится! Даже представить не могу, что твой отец ест сыр. Такая грубая, дурно пахнущая пища! Надо поискать хорошую повариху, способную приготовить омлет или что-то элегантное. Сыр годится только для переработки!

– И тем не менее папа очень его любит, – упрямо повторила Молли.

– Ах, нет-нет! Мы сумеем отвадить его от этой привычки. Терпеть не могу запах сыра! Уверена, что мистер Гибсон не захочет меня огорчать.

Молли молчала. Выяснилось, что излишние подробности о предпочтениях отца вредны. Пусть лучше миссис Киркпатрик все выяснит сама. Повисла неловкая пауза: каждая из собеседниц пыталась придумать какую-нибудь другую, более приятную тему, – и Молли заговорила первой:

– Прошу вас, расскажите что-нибудь о своей дочери, Синтии!

– Да, ее так зовут. Красивое имя, правда? Синтия Киркпатрик. Правда, не такое изящное, как мое прежнее – Лилия Клэр. Все говорили, что оно очень мне идет. Как-нибудь, напомни, покажу тебе акrostих, сочиненный на него одним джентльменом – лейтенантом пятьдесят третьего полка. Ах, чувствую, что нам будет, о чем поговорить!

– Но что же Синтия?

– Ах да, моя дорогая Синтия! Что именно ты хочешь о ней узнать?

– Папа сказал, что она будет жить с нами.

– Ах, до чего мило со стороны твоего доброго отца! Я не думала ни о чем другом, кроме места гувернантки, после окончания школы: она этому учится и проявляет большие способности, – но мистер Гибсон не захотел даже слушать! Вчера заявил, что, окончив школу, Синтия должна приехать сюда и жить с нами.

– И когда это произойдет?

– Поехала на два года, так что обучение продолжится до следующего лета: учит французский язык и одновременно преподает английский, – а потом уже приедет домой, и тогда мы станем самым счастливым квартетом! Не так ли?

– Надеюсь, – кивнула Молли и робко добавила, не подозревая, до какой степени миссис Киркпатрик желает услышать упоминание о скором замужестве: – Но ведь на свадьбу-то она приедет, правда?

– Твой отец просил, чтобы она присутствовала, но надо еще подумать, прежде чем решить окончательно: путешествие очень дорогое!

– Она похожа на вас? Хочу ее увидеть.

– Говорят, что она красавица. Яркая внешность. Наверное, я была такой же. Но сейчас мне больше нравится иной тип, – добавила миссис Киркпатрик, с сентиментально-мечтательным видом коснувшись темных локонов Молли.

– Наверное, Синтия очень образованна и обладает утонченностью леди? – наивно поинтересовалась Молли, опасаясь, что ответ вознесет мисс Киркпатрик на недостижимую высоту.

– Так должно быть: я платила огромные деньги, чтобы ее учили лучшие педагоги, – но скоро ты с ней встретишься и сама все увидишь, а сейчас нам пора предстать перед леди Камнор. Как ни приятно беседовать с тобой, однако графиня наверняка уже нас ждет: ей не терпится увидеть ту, которую называет моей будущей дочерью.

Молли последовала за миссис Киркпатрик в утреннюю комнату, где леди Камнор сидела в легком раздражении, ибо закончила туалет несколько раньше, чем обычно, а Клэр этого инстинктивно не ощутила и не представила Молли Гибсон на четверть часа прежде назначенного срока. Каждое крошечное событие влияло на настроение выздоравливающей, а потому еще недавно Молли встретила бы снисходительное одобрение, но сейчас столкнулась с откровенным осуждением. О характере леди Камнор она ровным счетом ничего не знала: знала лишь, что должна встретиться с живой графиней и больше того, с «графиней всего Холлингфорда».

Миссис Киркпатрик ввела Молли в комнату за руку и представила:

– Вот моя дорогая доченька, леди Камнор!

– Право, Клэр, не торопите события. Она еще не ваша дочь и, вполне возможно, никогда ею не станет. Почти треть всех помолвок, о которых мне доводилось слышать, так и не закончились свадьбой. Мисс Гибсон, рада вас видеть, поскольку очень уважаю вашего отца. Когда узнаю ближе, надеюсь, проникнусь симпатией и к вам самой.

Молли, в свою очередь, всей душой надеялась, что никогда не познакомится ближе с этой суровой дамой, сидевшей в мягком кресле абсолютно прямо, отчего напряжение лишь усиливалось. К счастью, леди Камнор приняла молчание как покорное согласие и после небольшой инспекционной паузы продолжила:

– Да-да, Клэр, ее внешность мне нравится. Наверное, вам удастся что-нибудь из нее сделать. Вам же очень повезет, дорогая Молли, если вы станете взрослеть под присмотром леди, обучавшей хорошим манерам нескольких знатных особ. – Графиню внезапно посетила новая мысль: – Вот что я вам скажу, Клэр! Вам необходимо познакомиться ближе, ведь пока вы совсем друг друга не знаете. Свадьба состоится не раньше Рождества, так что будет лучше, если девочка поедет с вами в Эшкомб, постоянно станет находиться рядом, причем в компании ровесниц, что, несомненно, принесет ей пользу, поскольку она единственный ребенок в семье. Да, прекрасный план! Как хорошо, что мне это пришло в голову!

Трудно сказать, какая из двух слушательниц впала в более глубокое отчаяние от столь гениальной идеи. Миссис Киркпатрик вовсе не желала обзаводиться падчерицей раньше назначенного срока. Если Молли поселится в ее доме, придется распроститься со множеством тайных ухищрений в целях экономии и, что намного серьезнее, послаблений, вполне невинных по своей природе, однако в свете прошлой жизни казавшихся миссис Киркпатрик грехами, которые следует тщательно скрывать. Например, чудесный роман из городской библиотеки, зачитанный и грязный до такой степени, что страницы приходилось переворачивать ножницами; вольготное кресло, в котором она любила сидеть, развалившись, хотя в присутствии леди Камнор держалась прямо; лакомство, которое позволяла себе во время одинокого ужина. Все эти и многие другие приятные мелочи канули бы в прошлое, если бы Молли явилась в дом в качестве ученицы, квартирантки или гостьи, как это планировала леди Камнор. Клэр испытывала абсолютную инстинктивную уверенность в двух решениях: во-первых, выйти замуж в Михайлов день; во-вторых, не допустить приезда Молли в Эшкомб. Пока она улыбалась так сладко, словно радовалась предложению графини больше всего на свете, бедный мозг лазил

по всем окрестным кустам в поисках причин отказа, однако Молли сама избавила ее от страданий. Трудно сказать, кто из трех собеседниц больше удивился сорвавшимся с ее губ словам. Она вовсе не собиралась это говорить, однако сердце переполнилось до такой степени, что услышала собственный голос прежде, чем осознала мысль:

– Не думаю, что это правильно, вернее, миледи, мне это совсем не нравится, потому что разлучит нас с папой в последние месяцы нашей с ним жизни. – С полными слез глазами и очаровательно искренним движением она вложила ладонь в руку будущей мачехи. – Я постараюсь хорошо к вам относиться, даже, возможно, полюблю и сделаю все, что необходимо для вашего счастья. Только не отрывайте меня от папы в те последние дни, которые принадлежат только нам двоим!

Искренне благодарная девушке за эти слова, миссис Киркпатрик ласково погладила ее тонкие пальцы, хотя не произнесла ни слова, молча ожидая реакции леди Камнор. Однако и в краткой речи Молли, и в откровенной манере присутствовало нечто такое, что не только не рассердило графиню, но даже позабавило. Возможно, она просто устала от липкого меда, в котором проводила свои дни. Прежде чем заговорить, она поднесла к глазам лорнет, посмотрела на обеих собеседниц и лишь потом воскликнула:

– Ну и ну, юная леди! Вот, Клэр, вам пространство для работы! Однако в ее словах немало правды. Должно быть, девушке ее возраста очень больно обрести мачеху, которая разлучит с отцом, несмотря на возможные преимущества в дальнейшем.

Молли почувствовала, что почти готова подружиться с суровой старой графиней за способность видеть правду, однако в новом стремлении думать об окружающих побоялась обидеть миссис Киркпатрик. Впрочем, внешние признаки особой тревоги не внушали, ибо означенная леди все так же сияла улыбкой и продолжала гладить ее ладонь. Чем дольше леди Камнор смотрела на Молли сквозь стекла лорнета в золотой оправе, тем больше интересовалась личностью девушки, а потому устроила нечто вроде проверки: засыпала ту настолько прямыми и откровенными вопросами, что любая другая леди ниже ранга графини усомнилась бы в их допустимости, однако вовсе не имевшими злого умысла.

– Вам шестнадцать лет, не так ли?

– Нет, три недели назад уже исполнилось семнадцать.

– Никакой разницы, на мой взгляд. Учились в школе?

– Нет, никогда! Всею, что знаю, меня научила мисс Эйр.

– Вот как! Полагаю, мисс Эйр была вашей гувернанткой? Никогда бы не подумала, что доктор Гибсон способен позволить себе содержать гувернантку. Но, разумеется, он лучше разбирается в собственных делах.

– Конечно, миледи, – ответила Молли, слегка обидевшись на сомнение в мудрости отца.

– Вы сказали «конечно», как будто все вокруг способны разобраться в собственных делах. Вы еще очень молоды, мисс Гибсон. Очень. Когда доживете до моих лет, станете думать иначе. Полагаю, гувернантка учила вас музыке, знанию глобуса, французскому языку и прочим общепринятым наукам? Никогда не слышала подобной ерунды! – воскликнула графиня, подогревая себя. – Единственная дочь! Если бы было полдюжины, еще можно было бы говорить о каком-то смысле!

Молли молчала, хотя это и требовало огромной выдержки, а миссис Киркпатрик гладила ее пальцы куда энергичнее, чем прежде, пытаясь выразить достаточную степень сочувствия, чтобы предотвратить неосторожное высказывание, но навязчивые движения надоели девушке и вызвали естественное раздражение, поэтому с легким нетерпением она вырвала ладонь из ее руки.

Возможно, всеобщий мир спасло лишь объявление о приезде мистера Гибсона. Всегда странно наблюдать, как появление в обществе женщин или мужчин особы противоположного пола немедленно сводит на нет все мелкие неурядицы и разногласия. Так случилось и сейчас.

Миледи немедленно убрала лорнет и прогнала с лица хмурое выражение; миссис Киркпатрик сумела вызвать на щеках очаровательный румянец, а что касается Молли, то она и вовсе засияла восторгом, и подобно тому, как солнце освещает пейзаж, улыбка обнажила ее белые зубы, а на щеках появились милые ямочки.

После первых общих приветствий миледи пожелала остаться наедине с доктором, а Молли с будущей мачехой отправились в сад, чтобы, словно Гензель и Гретель в лесу, прогуляться по дорожкам, взявшись за руки или обняв друг друга за талию. Инициативу в подобных ласках проявила миссис Киркпатрик, а Молли осталась пассивной, чувствуя себя очень неестественно, скованно и странно. Она в полной мере обладала той искренней скромностью, которая не позволяет принимать проявления любви от человека, к которому сердце не тянется с импульсивным ответом.

Затем последовал ранний обед, или ленч, который леди Камнор вкушала в уединении своей комнаты, все еще оставаясь ее пленницей. Во время трапезы раз-другой Молли задумалась о том, что отцу, должно быть, неприятно то очевидное положение любовника средних лет, в которое миссис Киркпатрик ставила его в глазах слуг бесконечными нежными восклицаниями и намеками. Он же старался изгнать из разговора любую сентиментальность, ограничившись лишь фактами. А когда миссис Киркпатрик попыталась затронуть тему будущих отношений сторон, он настоял на самом формальном разговоре, сохранив сдержанный тон и после того, как посторонние покинули комнату. В голове Молли постоянно крутилась нескромная поговорка, которую нередко повторяла Бетти: «Двое – славно, трое – гадко».

Но куда она могла деться в этом странном, чужом доме? От размышлений ее отвлек адресованный невесте вопрос отца:

– Что думаете о плане леди Камнор? Она сказала, что посоветовала вам вплоть до свадьбы поселить Молли в Эшкомбе.

Миссис Киркпатрик заметно расстроилась. Если бы девушка снова встала на ее защиту, как перед графиней! Но предложение отца подействовало на дочь иначе, чем высказывание эксцентричной леди, какой бы всемогущей та ни казалась. Молли не произнесла ни слова: лишь побледнела и заметно заволновалась, – и миссис Киркпатрик не осталось ничего иного, как принять удар на себя.

– Было бы чудесно, вот только... Право, дорогая, ведь мы с тобой знаем, почему не хотим этого? И не скажем папе, чтобы он не возомнил о себе слишком много. Нет, дорогой мистер Гибсон, полагаю, я должна оставить девочку с вами, чтобы последние недели вы провели вдвоем. Было бы жестоко увезти ее.

– Но вы знаете, дорогая – я вам говорил, – почему в настоящее время Молли не следует оставаться дома, – энергично возразил мистер Гибсон. Чем ближе он узнавал будущую жену, тем считал более важным помнить, что, при всех своих слабостях, она сможет оградить Молли от приключений, подобных страстному порыву мистера Кокса. Поэтому одна из убедительных причин совершенного шага постоянно присутствовала в его сознании, бесследно исчезнув из гладкого, словно зеркало, сознания миссис Киркпатрик. Заметив на лице мистера Гибсона тревогу, она тут же вспомнила о своей миссии.

Но как подействовали слова отца на Молли? Ее отослали из дому по неведомой причине, так и оставшейся тайной для нее, но открытой этой странной женщине. Значит, отныне между этими двумя людьми установится полное взаимопонимание, а она навсегда отойдет в сторону? Неужели теперь и она сама, и все ее обстоятельства превратятся в предмет обсуждения наедине, в ее отсутствие, а ей суждено влачить жалкое существование во тьме? Сердце пронзила стрела ревности. Что же, раз так, можно отправиться и в Эшкомб, и вообще куда угодно. Думать о чьем-то счастье, забыв о себе, очень благородно. Но разве это не означает отказа от собственной индивидуальности, теплой любви и искренних желаний, которые делали ее самой собой? И все же казалось, что единственное утешение заключалось лишь в душев-

ном холоде. Блуждая в лабиринте сомнений, Молли потеряла нить разговора. Третий действительно стал «гадким», если между двумя возникло взаимопонимание, из которого его исключили. Молли чувствовала себя глубоко несчастной и думала, что, поглощенный новыми планами и новой женой, отец не замечает ее состояния, однако доктор Гибсон все замечал и глубоко жалел свою девочку, вот только считал, что, не позволяя ей выразить нынешние переживания словами, оставляет шанс для будущей семейной гармонии. Его план заключался в попытке подавить чувства, скрывая сочувствие. И все же, когда пришло время уезжать, он сжал руку Молли и удержал в своей совсем не так, как миссис Киркпатрик прежде. А голос смягчился, когда попрощался с дочерью и, вопреки обычаю, добавил:

– Да благословит тебя Господь, дитя мое!

Весь день Молли держалась мужественно, не проявив ни гнева, ни антипатии, ни раздражения, ни сожаления, но, едва оказавшись в экипаже в полном одиночестве, разразилась отчаянными рыданиями и не могла успокоиться до тех пор, пока не приехала в Хемли-холл. Только напрасно она пыталась приклеить на лицо улыбку и скрыть очевидные признаки горя. Оставалось надеяться лишь на то, что удастся незаметно проскользнуть в свою комнату, умыться холодной водой и вообще привести себя в порядок. Однако у двери оказались возвратившиеся с послеобеденной прогулки сквайр и Роджер и великодушно пожелали помочь ей выйти из экипажа. Сразу поняв положение вещей, Роджер заметил:

– Матушка ждала вашего возвращения до последней минуты.

Молли следом за ним направилась в гостиную, но миссис Хемли там уже не оказалось. Сквайр задержался поговорить с кучером о лошадях, и когда они остались вдвоем, Роджер проговорил:

– Боюсь, вы пережили очень трудный день. Несколько раз вспоминал о вас, поскольку знаю, как никто, насколько сложно жить в новой семье.

– Спасибо, – дрожащими губами, опять едва не плача, пробормотала Молли. – Старалась, как вы советовали, больше думать о других, но порой это так непросто! Да вы и сами знаете.

– Да, – серьезно подтвердил Роджер, польщенный ее словами.

Поскольку он был очень молод, Молли вдохновила его на новую проповедь, в этот раз окрашенную откровенным сочувствием. Роджер не стремился добиться доверия, что было бы очень легко с такой простой девушкой, но хотел помочь ей, изложив некоторые принципы, которыми научился руководствоваться сам.

– Согласен, трудно, но со временем ты привыкнешь и будешь чувствовать от этого счастье.

– Ничего подобного! – решительно покачала головой Молли. – Что хорошего в том, чтобы убить себя и жить так, как угодно другим людям? Не вижу смысла. А что касается счастья, о котором вы говорите, то я, верно, больше никогда не почувствую себя счастливой.

В словах прозвучала неосознанная глубина, и в эту минуту Роджер не знал, что на это ответить; куда легче казалось найти возражение на утверждение семнадцатилетней девушки.

– Чепуха! Пройдет лет десять, и нынешнее испытание покажется вам ничтожным. Кто знает?

– Скорее всего. Наверное, все земные страдания со временем покажутся нам несерьезными, а ангелам уже сейчас кажутся такими. Но мы – это мы, и все происходит сейчас, а не когда-то потом, много-много лет спустя. И мы не ангелы, чтобы утешаться пониманием конца, к которому стремится жизнь.

Роджеру не доводилось еще слышать от Молли столь пространственных монологов. Умолкнув, девушка не отвела взгляда, лишь, явно смущенная, немного покраснела, и молодому человеку это простое выразительное лицо доставило такую огромную радость, что на миг смысл ее мудрых слов утонул в жалости к печальной серьезности, с которой они прозвучали. Но уже в сле-

дующий момент Роджер Хемли стал самим собой: ведь ему, двадцатидвухлетнему, было так приятно, когда семнадцатилетняя девушка видела в нем почтенного учителя.

– Знаю, понимаю. Да, сейчас нам суждено с этим столкнуться. Так давайте же не станем углубляться в метафизику.

Неужели, сама того не зная, она предалась метафизике? – удивилась Молли.

– Впереди у каждого из нас множество испытаний, с которыми придется справляться. О, вот и матушка! Она объяснит лучше меня.

Миссис Хемли весь день плохо себя чувствовала, скучала по Молли, поэтому прилегла на софу, чтобы услышать подробный рассказ обо всем, что произошло с ее любимицей в Тау-эрс-парке. Молли села на стул у изголовья, а Роджер, поначалу устроившийся с книгой поодаль, чтобы не мешать, скоро оставил попытки читать. Слушать рассказ девушки оказалось намного интереснее; к тому же, чтобы помочь в трудную минуту, разве не следовало ближе познакомиться с обстоятельствами?

Так продолжалось все оставшееся время, пока Молли жила в Хемли. Мадам глубоко сопереживала и желала слышать подробности: как говорят французы, сочувствовала *en detail*¹⁹, в то время как сквайр переживал *en gros*²⁰. Он глубоко переживал из-за очевидного горя девушки и едва ли не считал себя виновным в том, что в первый же день ее визита упомянул о возможном браке мистера Гибсона и не раз признавался жене: «Честное слово, лучше бы я не произносил тех злосчастных слов. Она сразу так всполошилась, словно почувствовала пророчество. Надо прежде думать, а уж потом говорить».

Роджер изо всех сил старался утешить девушку, по-своему тоже сочувствовал ей: ведь, несмотря на личные переживания, ради его матушки она пыталась казаться жизнерадостной. Он полагал, что высокие принципы и благородные наставления должны принести немедленную пользу, однако так никогда не бывает, поскольку любой добрый совет поначалу встречает молчаливое сопротивление. И тем не менее их духовная связь крепла с каждым днем. Учитель старался вывести ученицу из круга печальных мыслей и направить к иным, более широким интересам. Естественным образом на помощь пришли его занятия. Молли же чувствовала его благотворное влияние, хотя и не понимала почему: просто после каждой беседы ей все больше казалось, что все будет хорошо.

¹⁹ В деталях (*фр.*).

²⁰ В общем (*фр.*).

Глава 12

Подготовка к свадьбе

Тем временем роман не первой молодости жениха и невесты развивался вполне успешно: так, как им нравилось, – хотя, возможно, более молодым людям он показался бы скучным и прозаичным. Услышав от жены новость, лорд Камнор приехал в Тауэрс-парк в весьма приподнятом настроении. Подобно сквайру Хемли он также считал, что, упомянув о браке, принял в деле самое активное участие. Едва увидев супругу, он воскликнул:

– Я же тебе говорил! Разве не я предсказал, что они будут прекрасной парой? Даже не могу припомнить, когда еще я был так доволен. Можешь назвать меня сводником, дорогая, но я собой очень горжусь. Пожалуй, займусь-ка этим ремеслом: подбирать пары среди своих знакомых не первой молодости. Связываться с молодыми не стану: уж очень они капризны. Как думаешь, смогу?

– Чем бы дитя не тешилось... – сухо заметила леди Камнор.

– Но ты же не станешь отрицать, что мысль насчет женитьбы внушил доктору я.

– Да, но ведь ты же не говорил об этом ни с мистером Гибсоном, ни с Клэр. Разве не так?

В этот миг графиня вспомнила, как, читая письмо лорда, Клэр наткнулась на провокационные строчки, однако не упомянула об этом, а предоставила мужу выкручиваться самому.

– Нет! Разумеется, ни о чем подобном я с ними не говорил.

– В таком случае ты, похоже, обладаешь сверхъестественными способностями, если можешь воздействовать на чью-то волю, – безжалостно заключила жена.

– Право, сам не знаю. Бесполезно пытаться вспомнить, что именно сказал или сделал. Достаточно того, что очень доволен развитием событий и намерен проявить одобрение. Обязательно подарю Клэр какое-нибудь украшение, устрою завтрак в главном доме Эшкомба и напишу об этом Престону. Когда, ты сказала, планируется свадьба?

– Думаю, будет лучше подождать до Рождества, и уже сказала им об этом. Дети с радостью поедут в Эшкомб на торжество: если во время каникул выдастся плохая погода, в Тауэрс-парке они могут заскучать. Конечно, если ударят морозы, можно будет кататься на лыжах и санках, но в последние два года стояла такая сырость, что бедняжкам приходилось сидеть дома!

– Ты уверен, что другие «бедняжки» согласятся ждать до Рождества, чтобы устроить твоим внукам «римские каникулы»? Кажется, у Поупа ²¹ есть стихотворение на эту тему. Да, именно так: «римские каникулы», – повторил граф, решив блеснуть эрудицией.

– Это Байрон, – опустила супруга на землю графиня, – и не имеет к теме ни малейшего отношения. Удивлена, что ваша светлость цитирует Байрона, на редкость аморального поэта.

– Правда? Похоже, память подводит, – сообщил граф извиняющимся тоном. – А лорда Байрона я видел во время присяги в палате лордов.

– Не стоит о нем говорить, – заключила леди Камнор. – Я предупредила Клэр, чтобы даже не думала о свадьбе до Рождества: нельзя бросать школу столь поспешно.

Однако Клэр не собиралась ждать до Рождества и единственный раз в жизни решила без лишних слов и открытого сопротивления поступить по-своему. Сложнее оказалось противостоять желанию мистера Гибсона вызвать на свадьбу Синтию, даже если бы сразу после церемонии дочь вернулась в Булонь. Поначалу миссис Киркпатрик дипломатично заявила, что с радостью приехала бы, но вынуждена отказаться из-за дороговизны путешествия туда и обратно.

²¹ Поуп Александр (1688–1744) – английский поэт, автор сатирических, философско-дидактических, иронических и пасторальных произведений.

Однако, несмотря на очень скромный образ жизни, мистер Гибсон обладал щедрым сердцем, и это его качество проявилось в том, что он отказался от пожизненного права будущей супруги на мизерное, около тридцати фунтов в год, наследство, которое покойный мистер Киркпатрик оставил для Синтии, и решил, что после окончания школы девочка поселится в его доме и станет ему дочерью.

Дабы устранить сомнения насчет приезда Синтии на свадьбу, он дал невесте три банкноты по пять фунтов. Поначалу миссис Киркпатрик поверила, что так и будет, и даже зеркально отразила его желание, приняв за свое. Если бы письмо было написано и деньги отправлены в тот же день, пока длилось отраженное сияние любви и благородства, Синтия стала бы подружкой невесты – то есть собственной матери, однако этому помешали десятки мелких происшествий, в то время как ценность денег заметно возросла. Деньги доставались тяжелым трудом, доходы чрезвычайно скудными, а содержание дома требовало все бо2льших и бо2льших вложений, в то время как долгая, хотя, возможно, и необходимая разлука матери и дочери ослабила узы родительской любви, поэтому миссис Киркпатрик в очередной раз убедила себя, что лучше не прерывать занятия Синтии, тем более что семестр только начался. Пришлось написать мадам Лефевр очень убедительное письмо, и та ответила, причем подтвердила ее собственные доводы. Смысл этого письма был передан не отличавшемуся глубоким знанием французского языка мистеру Гибсону и, к его умеренному, но искреннему сожалению, поставил в данном вопросе точку.

Пятнадцать фунтов, конечно, так и не были возвращены. В действительности же не только эта сумма, но и значительная часть тех ста фунтов, которые лорд Камнор подарил в качестве приданого, ушли на оплату долгов школы в Эшкомбе, поскольку с тех пор, как миссис Киркпатрик возглавила учебное заведение, дела шли все хуже и хуже. К ее чести, покупке украшений она предпочла восстановление доброго имени. Одним из немногих положительных качеств данной особы следует считать регулярный расчет с магазинами, где она совершала покупки. В этом проявлялась доля здравого смысла: какими бы недостатками ни отличалась эта поверхностная и слабая натура, долги неизменно выводили ее из состояния душевного равновесия. И все же, когда выяснилось, что деньги будущего мужа не могут быть использованы по прямому назначению, миссис Киркпатрик не постеснялась, не сказав ни слова, потратить их на собственные нужды. Себе она купила лишь те вещи, которые могли произвести впечатление на дам Холлингфорда, убедив себя, что белье никто никогда не увидит, в то время как каждое платье не только не пройдет незамеченным в маленьком городе, но и вызовет бурное обсуждение.

Таким образом, запас белья так и остался очень скудным и далеко не новым, хотя все предметы туалета были сшиты из благородной материи и аккуратно заштопаны умелыми пальцами. Долгими вечерами, когда ученицы уже спали, миссис Киркпатрик терпеливо чинила белье, в то время как в сознании не угасала уверенность: когда-нибудь эту скучную работу будет выполнять за нее какая-то другая женщина. Да, именно в эти тихие часы в душе зрело желание, чтобы многочисленные случаи подчинения чужой воле больше никогда не повторились. Людям так свойственно видеть в той жизни, к которой они не привыкли, свободу от трудностей и лишений!

Миссис Киркпатрик не забыла, как однажды, уже после помолвки с мистером Гибсоном, больше часа провела у зеркала, укладывая волосы в сложную прическу, выбранную из каталога миссис Бредли, а когда спустилась, рассчитывая произвести на жениха самое благоприятное впечатление, леди Камнор бесцеремонно, словно девочку, отправила ее обратно, заявив, что не потерпит подобной нелепости. В другой раз графиня потребовала сменить платье на то, которое считала более подходящим. Эти мелочи стали последними примерами тех унижений, которые приходилось терпеть долгие годы, поэтому симпатия к мистеру Гибсону укреплялась по мере осознания его способности избавить от подобных проявлений диктата. В конце концов,

этот период надежды и терпеливого шитья, хотя и обремененный преподаванием, оказался не совсем грустным. Свадебное платье обещали подарить бывшие воспитанницы из Тауэрс-парка, да и не только платье: все, что понадобится невесте в этот торжественный день. Лорд Камнор осуществил свое намерение подарить приданое в виде ста фунтов и приказав мистеру Престону устроить праздничный завтрак в парадном зале особняка в Эшкомбе. Несколько разочарованная отказом отложить свадьбу до рождественских каникул внуков, леди Камнор все же преподнесла невесте превосходные английские часы на цепочке – не столь изящные, но куда более точные, чем та иностранная безделушка, которая так давно висела у нее на поясе и так часто ее подводила.

Таким образом, миссис Киркпатрик уже изрядно подготовилась к предстоящему изменению в судьбе, в то время как мистер Гибсон ни в малейшей степени не украсил дом для будущей супруги, поэтому понятия не имел, что именно необходимо сделать, с чего начать. Многое нуждалось в исправлении, а времени для этого оставалось совсем мало. После долгих размышлений он принял мудрое решение во имя давней дружбы попросить одну из мисс Браунинг заняться самым необходимым, а другие работы хозяйка сможет осуществить по своему вкусу. Однако прежде чем обратиться со столь деликатной просьбой, следовало объявить о помолвке, ибо жители Холлингфорда ничего не знали о важном событии, а частые визиты доктора в Тауэрс-парк объясняли состоянием здоровья графини. Он представлял, как бы сам посмеялся, если бы какой-то немолодой вдовец вдруг сообщил о намерении жениться, а потому с крайней неприязнью думал о необходимом визите к сестрам Браунинг. Поскольку другого выхода не было, однажды он явился без лишних церемоний и поведал им свою историю. В конце первой главы, правдиво повествующей о телячьей любви мистера Кокса, старшая мисс Браунинг удивленно всплеснула руками:

– Подумать только: у Молли, которую я так часто носила на руках, появился поклонник! Не может быть! Фиби (та только что вошла в комнату), ты только послушай! У Молли Гибсон появился воздыхатель! Можно сказать, ей почти сделали предложение! Не так ли, мистер Гибсон? И это в шестнадцать лет!

– Семнадцать, – поправила мисс Фиби, гордая оттого, что знала все подробности жизни доктора. – Исполнилось двадцать второго июня.

– Тебе, конечно, виднее. Пусть будет семнадцать! – не стала спорить старшая мисс Браунинг. – Факт остается фактом: у нее есть жених, – в то время как мне кажется, что еще вчера она была ребенком!

– Не сомневаюсь, что история их любви окажется захватывающей! – в умилении проговорила мисс Фиби.

Мистер Гибсон предпочел продолжить рассказ, поскольку не дошел еще и до середины, а слушательницы едва ли не углубились в обсуждение личной жизни его дочери.

– Молли ничего об этом не знает. Я не делился ни с кем, кроме вас двоих и еще одного человека. Кокса изрядно отчитал и сделал все возможное, чтобы обуздать его «привязанность», как он сам выразился, однако совершенно не представлял, что делать с дочерью. Мисс Эйр уехала, а оставить ее под одной крышей с молодыми людьми, без присмотра, я не мог.

– Ах, мистер Гибсон! Почему же не прислали Молли к нам? – воскликнула старшая мисс Браунинг. – Ради вас и памяти ее дорогой матушки мы сделали бы все возможное!

– Благодарю. Ничуть не сомневаюсь в вашей готовности помочь, однако оставлять девочку в Холлингфорде в момент расцвета чувств мистера Кокса было опасно. Сейчас ему намного лучше. После голодовки, которую он счел необходимым продемонстрировать, аппетит вернулся с удвоенной силой. Вчера джентльмен благополучно справился с тремя порциями смородинового пудинга.

– Вы чрезмерно либеральны, мистер Гибсон! Три порции! Несомненно, мясное блюдо последовало в соответствующем объеме?

– О! Я упомянул об этом лишь потому, что у молодежи любовь обратно пропорциональна аппетиту, так что третий кусок пудинга следует считать положительным признаком. И все же то, что случилось однажды, вполне может повториться.

– Не знаю. Фиби тоже однажды получила предложение выйти замуж... – возразила мисс Кларинда.

– Ни к чему сейчас об этом упоминать.

– Чепуха, детка! Прошло уже двадцать пять лет! Его старшая дочь уже замужем!

– Считаю, что он не был постоянен в чувствах, – жалобно проговорила мисс Фиби своим нежным высоким голосом. – Не все мужчины такие, как вы, мистер Гибсон: верные памяти первой любви.

Мистер Гибсон поморщился. Его первой любовью была Дженни, однако это имя ни разу не упоминалось в Холлингфорде, а жена – добрая, симпатичная, разумная и дорогая сердцу – стала не второй и даже не третьей любовью. И вот теперь ему предстояло объявить о намерении жениться опять.

– Ну вот. Как бы там ни было, я счел необходимым защитить Молли от подобных посягательств, пока она так молода, а я не одобрил ухаживаний. Маленький племянник мисс Эйр заболел скарлатиной...

– Ах, до чего невнимательно с моей стороны не поинтересоваться! Как здоровье бедного мальчика?

– Хуже, лучше – это не имеет ни малейшего отношения к тому, что я собираюсь сказать. Дело в том, что пока мисс Эйр не сможет вернуться в мой дом, а оставить Молли в Хемлихолле навсегда невозможно.

– Ах, теперь понимаю, что означает этот неожиданный визит. Честное слово, настоящий роман.

– Люблю слушать любовные истории, – пробормотала мисс Фиби.

– В таком случае, если позволите, я продолжу, – потеряв терпение от постоянных помех, резче, чем хотелось бы, заявил мистер Гибсон.

– Конечно же! – пискнула мисс Фиби.

– Господи, благослови! – воскликнула мисс Кларинда не столь сентиментально. – Что же последует дальше?

– Надеюсь, моя свадьба, – прямо ответил мистер Гибсон. – Собственно, я пришел, чтобы поговорить именно об этом.

В груди мисс Фиби вспыхнула искра надежды. Во время завивки (тогда дамы носили локоны) в доверительных разговорах с сестрой она часто повторяла, что единственный мужчина, способный внушить ей мысль о замужестве, это мистер Гибсон. Если бы он сделал предложение, то ради дорогой бедной Мери она бы сочла необходимым ответить согласием. Впрочем, ни разу не объяснила, какое именно удовлетворение она планирует доставить покойной подруге, унаследовав ее бывшего мужа. Сейчас Фиби нервно теребила тесемки черного шелкового передника. В мгновение ока, подобно Халифу из восточной сказки, она задала себе тысячу вопросов, главным из которых стал – допустимо ли оставить сестру. Но прежде чем обременять себя воображаемыми трудностями, она заставила себя вернуться в действительность и дослушать гостя.

– Разумеется, было нелегко выбрать, кого именно следует попросить стать хозяйкой моего дома и матерью моей девочки, но, думаю, в конце концов я принял верное решение. Леди, которой я сделал предложение...

– Скажите скорее, кто это, будьте добры! – поторопила прямодушная мисс Браунинг.

– Миссис Киркпатрик, – ответил мистер Гибсон.

– Что? Гувернантка из Тауэрс-парка, которую так ценит графиня?

– Да, семья очень хорошо к ней относится, причем заслуженно. Сейчас леди держит школу в Эшкомбе, так что привыкла вести хозяйство. В свое время она воспитала дочерей леди Камнор, сама растит дочь, и, я надеюсь, проникнется теплым материнским чувством к Молли.

– Очень элегантная дама, – проговорила мисс Фиби, считая необходимым произнести нечто похвальное, чтобы скрыть пронесшиеся в голове мысли. – Видела ее в коляске вместе с графиней. Да, весьма недурна, весьма.

– Глупости, сестра! – возразила мисс Кларинда. – При чем здесь ее внешность? Ты когда-нибудь слышала, чтобы вдовец женился ради подобных пустяков? Главное здесь – некое чувство долга. Не так ли, мистер Гибсон? Мужчине нужна хозяйка, его детям – мать, а может быть, этого хотела покойная супруга.

Возможно, старшая сестра думала, что ему следовало выбрать Фиби: в ее тоне прозвучало уже знакомое доктору откровенное раздражение, – но сейчас он не пожелал об этом задумываться.

– Решите сама, мисс Браунинг, и разберитесь в моих мотивах. Признаюсь, я и сам не совсем их понимаю, однако определенно желаю сохранить прежних друзей, а потому надеюсь, что ради меня они полюбят и мою будущую жену. Помимо Молли и миссис Киркпатрик не знаю никаких других женщин, которыми дорожил бы так же, как вами. Поэтому хочу спросить: позволите ли Молли пожить у вас до моей свадьбы?

– Могли бы обратиться к нам прежде, чем попросили мадам Хемли, – ответила, немного утешившись, мисс Кларинда. – Мы давно с вами знакомы, дружили с беднягой Мери, хотя и не принадлежим к коренным местным жителям графства.

– Несправедливый упрек, – возразил мистер Гибсон, – и вы сами это знаете.

– Нет, не знаю. При каждой возможности проводите время с лордом Холлингфордом: гораздо чаще, чем с мистером Гуденафом или мистером Смитом, – и постоянно ездите в Хемли-холл, – не собиралась легко сдаваться мисс Браунинг.

– Выбираю лорда Холлингфорда, как выбрал бы подобного человека независимо от его ранга и положения: школьного швейцара, плотника, сапожника, – если бы те обладали такими же свойствами ума. Мистер Гуденаф – весьма достойный поверенный, всецело сосредоточенный на интересах местных и не думающий ни о чем ином.

– Ну-ну, перестаньте спорить. Фиби знает, что от споров у меня всегда болит голова. Просто я неудачно выразилась, и на этом остановимся. Хорошо? Скорее готова отказаться от своих слов, чем выслушивать возражения. Так о чем мы говорили до того, как вы бросились на защиту этих достойных джентльменов?

– О том, что к нам приедет дорогая маленькая Молли, – подсказала мисс Фиби.

– Да, мне следовало сразу обратиться к вам, но тогда Кокс пылал любовью. Трудно было предположить, что он способен выкинуть и какие неприятности мог доставить Молли и вам. Расставание оказало успокоительное действие, и сейчас юноша немного остыл. Думаю, Молли уже может жить в одном с ним городе без последствий более серьезных, чем пара вздохов при случайной встрече на улице. Готов умолять еще об одном одолжении, так что, мисс Браунинг, скромному просителю не к лицу с вами спорить. Необходимо подготовить дом к приезду новой миссис Гибсон: что-то покрасить, сменить обои, купить какую-то мебель. Вот только я понятия не имею, какую именно. Не согласитесь ли взглянуть на мое жилище и оценить, что можно сделать на сто фунтов? Стены в столовой можно покрасить. Обои в гостиной оставим на ее выбор: для этого у меня отложена небольшая сумма, – а весь остальной дом поступит в ваше полное распоряжение. Ну так что: согласитесь помочь старому другу?

Просьба идеально совпала со стремлением мисс Кларинды всем руководить. Распоряжение деньгами предусматривало постоянное взаимодействие с торговцами, чем она с удовольствием занималась при жизни отца и что почти утратила после его смерти. Убедительное доказательство доверия к ее вкусу и экономности благотворно повлияло на настроение, в то время

как воображение мисс Фиби в большей степени расцвело от удовольствия видеть Молли своей гостьей.

Глава 13

Новые друзья Молли Гибсон

Время летело стремительно. Стояла уже середина августа, так что если мистер Гибсон намеревался что-то сделать в доме, то приступать к работе надо было немедленно. Действительно, в некоторых отношениях договоренность мистера Гибсона с мисс Браунинг насчет Молли оказалась весьма своевременной. Мистер Хемли узнал, что перед поездкой за границу Осборн хотел несколько дней провести дома. Хоть крепнущая дружба между Роджером и девушкой нисколько не волновала сквайра, он панически боялся, что наследник падет жертвой обаяния дочки доктора, и так беспокоился, чтобы гостья покинула их дом до приезда старшего сына, что его супруга жила в постоянной тревоге, как бы Молли этого не заметила.

Каждая склонная к самокопанию семнадцатилетняя девушка готова сотворить себе кумира из первого, кто предложит иную систему ценностей, отличную от той, которой она неосознанно руководствовалась прежде. Таким кумиром стал для Молли Роджер. Почти в каждом вопросе она полагалась на его суждение и авторитет, при том что он произносил пару скупых фраз, сразу получавших силу принципа в дальнейших действиях и демонстрировавших естественное превосходство в мудрости и знаниях, неизбежное между умным, высокообразованным молодым человеком и невежественной, но готовой к развитию семнадцатилетней девушкой. И все же, несмотря на исключительно приятные отношения, каждый иначе представлял будущую любовь всей жизни. Роджер мечтал о совершенной во всех отношениях даме, которую смог бы назвать своей императрицей: прекрасной внешне, безмятежной в мудрости, всегда готовой дать совет и указать нужное направление. Девичий ум Молли рисовал портрет легендарного Осборна – трубадура и рыцаря, как он назвал себя в одном из стихотворений. Скорее, это был не сам Осборн, а кто-то на него похожий, так как облекать героя в плоть и кровь пока было страшно.

Забываясь о душевном спокойствии гостьи, мистер Хемли справедливо спешил отправить ее прочь из дома до приезда старшего сына. Да, без Молли он начал скучать, поскольку девушка чудесно исполняла те необременительные обязанности, которые могла бы исполнять дочь, и оживляла трапезы, которые нередко проходили в обществе одного лишь Роджера, невинными, но умными вопросами, искренним интересом к их разговору и веселыми ответами на шутки хозяина.

Роджер тоже скучал, поскольку замечания Молли порой проникали в глубину сознания и рождали неожиданные, доставлявшие радость мысли. Случалось также, что он сознавал собственную способность помочь ей в трудную минуту и заинтересовать книгами более высокого толка, чем романы и стихи, которые девушка читала прежде. После ее отъезда он вдруг ощутил себя так, будто его предали, причем самая способная ученица, и часто задумывался, как она без него обходится: читает ли рекомендованную литературу, ладит ли с мачехой. В первые дни после отъезда мисс Гибсон из поместья мысли молодого человека то и дело возвращались к ней, однако дольше и глубже мужа и сына тосковала миссис Хемли: в ее сердце Молли заняла место умершей в раннем детстве дочери. Ей горько не хватало ее девчоночьей непосредственности и шаловливости, безыскусности в общении и даже потребности в сочувствии, которую время от времени Молли без стеснения проявляла. Все эти особенности характера и поведения гостьи завоевали нежное сердце миссис Хемли.

Молли тоже остро ощущала изменение атмосферы, но еще острее осуждала себя за это ощущение, поскольку обладала врожденным чувством такта, заставлявшим высоко ценить образ жизни Хемли-холла. Дорогие подруги – сестры Браунинг – так искренне ее любили, пестовали и баловали, что девушка стыдилась собственной привередливости, замечая их более

громкую и несовершенную манеру речи, провинциализм в произношении, отсутствие интереса к абстрактным понятиям и неуемное любопытство к подробностям чужой жизни. Они задавали такие вопросы о будущей мачехе, на которые не позволяла ответить искренне и правдиво преданность отцу, но когда доводилось рассказывать о жизни в Хемли-холле, Молли неизменно радовалась. Она была так счастлива там, так любила всех, включая собак, что с удовольствием описывала любую мелочь: как одевается хозяйка дома, какое вино предпочитает хозяин. Подобные разговоры позволяли вернуться в самое счастливое время. Однако однажды вечером, после чая, когда все трое сидели наверху, в уютной гостиной, окна которой выходили на Хай-стрит, и Молли с увлечением рассказывала сначала о радостях жизни в Хемли-холле, а потом о глубоких познаниях Роджера в естествознании, включая множество невиданных прежде удивительных растений и существ, ее неожиданно прервала адресованным сестре замечанием старшая мисс Браунинг:

– А наша Молли, похоже, успела сблизиться с мистером Роджером!

Ей, видимо, казалось, что девушка не найдет в этих словах ничего особенного или обидного, однако получилось как в детском стишке:

Укушенный не пострадал,
А вот собака сдохла.²²

Молли ясно услышала иронию в тоне мисс Кларинды, хотя не сразу осознала ее причину, а вот мисс Фиби в этот момент слишком увлеклась вывязыванием пятки на чулке, чтобы проникнуться словами и подмигиванием сестры.

– Да, мы сблизилась, и молодой мистер Хемли был очень добр ко мне, – с некоторым вызовом проговорила Молли, не желая вдаваться в подробности глубокомысленного замечания мисс Браунинг, пока не поймет его смысл.

– Должно быть, мечтаешь вернуться в Хемли-холл? Но он ведь не старший сын. Фиби! Не утомляй меня бесконечным подсчетом петель, а лучше включись в беседу. Молли как раз призналась, что много общалась с мистером Роджером и что он хорошо к ней относился. Я тоже не раз слышала, какой это приятный молодой человек, дорогая. Расскажи о нем поподробнее! Фиби, а ты послушай! В чем именно проявлялась его доброта, Молли?

– О, Роджер советовал, какие книги надо прочитать, а однажды прочел целую лекцию про пчел...

– Пчелы, дитя? При чем здесь пчелы? Кто-то из вас двоих, должно быть, не в себе!

– Ничуть. Оказывается, в Англии живет больше двухсот видов пчел, и Роджер рассказывал, чем они отличаются друг от друга. Мисс Браунинг, я понимаю, к чему вы клоните, – заметила Молли, густо покраснев, – но все это неправда, вы ошибаетесь. Если мои рассказы наводят вас на такие мысли, то больше вообще не произнесу ни слова ни о Хемли-холле, ни о мистере Роджере.

– Подумать только! Юная леди отчитывает старших! Мысли, возможно, и неразумные, вот только живут они в твоей голове. Позволь заметить, Молли, что ты еще слишком молода, чтобы думать о поклонниках.

Раз-другой Молли уже называли дерзкой и даже грубой, и вот сейчас эти ее качества опять заявили о себе.

– Я не уточнила, мисс Кларинда, какие именно неразумные мысли! Разве не так, мисс Фиби? Разве все это не собственное толкование вашей сестры, и отсюда нелепый разговор о поклонниках?

²² Голдсмит Оливер (1730-1774), «Элегия на смерть бешеной собаки».

Молли пылала негодованием, однако обращалась за справедливостью не к тому человеку. Мисс Фиби попыталась восстановить мир так, как это делают те, кто не способен мыслить здраво и делать логические выводы:

– Поверь, дорогая, я ничего об этом не знаю. По-моему, ты просто неправильно ее поняла, а может, неправильно тебя поняла она. Или ничего не понимаю я. Так что лучше больше не говорить на эту тему. Кстати, сколько ты готова заплатить за половики в столовой мистера Гибсона, сестра?

Таким образом, взаимное раздражение мисс Кларинды и Молли продолжалось до конца дня, и спокойной ночи они пожелали друг другу крайне холодно. Девушка поднялась в крошечную, но чистую и аккуратную спальню с лоскутными шторами на кровати и окнах и таким же покрывалом, с туалетным столиком в японском стиле, буквально заваленным множеством крохотных коробочек, и небольшим зеркалом над ним, безжалостно искажавшим лицо каждого, кто имел неосторожность в него заглянуть. Эта комната с детства казалась Молли одним из самых чудесных мест на свете, особенно по сравнению с ее собственной голой спальней с белыми канифасовыми занавесками. И вот теперь она ночевала здесь в качестве гостя, а все волшебные украшения, на которые прежде удавалось лишь взглянуть одним глазком, поскольку они были завернуты в папиросную бумагу, были в ее распоряжении. Только вот не заслуживала она этого заботливого гостеприимства, вела себя дерзко, рассердилась! Молли заплакала горькими слезами раскаяния и рыдала до тех пор, пока не услышала легкий стук в дверь. Открыв, девушка увидела на пороге мисс Кларинду – в необыкновенно высоком ночном чепце и легком ситцевом халатике поверх короткой нижней юбки.

– Боялась, что ты уже спишь, дитя, – проговорила та, закрыв за собой дверь. – Хочу сказать, что сегодня мы обе почему-то неправильно себя повели. Думаю, виновата я. Фиби не следует об этом знать, потому что она считает мое поведение безупречным. Пусть думает, что старшая сестра всегда права. Однако я готова признать, что высказалась чересчур резко. Давай больше не будем об этом говорить, Молли, но ляжем спать друзьями. И навсегда останемся друзьями, дитя мое, не так ли? А теперь поцелуй меня и больше не плачь, не то глаза покраснеют и распухнут. Да, и аккуратно задуй свечу.

– Я была не права, сама во всем виновата, – возразила Молли, целуя мисс Браунинг.

– Вздор! Не перечь мне! Раз я сказала, что это моя вина, значит, так и есть.

На следующий день вместе с мисс Клариндой Молли отправилась смотреть, как идет ремонт в родном доме, и вынуждена была признать, что изменения ужасны. Светло-серый цвет стен в столовой, хорошо гармонировавший с темно-красными плотными шторами и после уборки казавшийся не грязным, а сдержанным, уступил место очень яркому розово-лососевому оттенку, который никак не сочетался с наимоднейшими новыми занавесками цвета морской волны.

– Очень живенько, по-моему, – заметила мисс Браунинг, и Молли не осмелилась возразить, надеясь, что новые коричнево-зеленые половики немного приглушат эту жутковатую «живность».

Повсюду стояли лестницы и подмости, а между ними с ворчанием бродила недовольная Бетти.

– Давай поднимаемся вверх. Посмотришь спальню мистера Гибсона. Сейчас, пока идет ремонт, он переехал в твою.

Пусть и не слишком отчетливо, Молли помнила, как трехлетней малышкой ее привели в эту комнату, чтобы попрощаться с умирающей мамой. Помнила белое белье, муслин, бледное, изнуренное, печальное лицо с большими глазами, горевшими желанием в последний раз прикоснуться к мягкому теплому комочку, которого уже не хватало сил заключить в объятия. Потом, входя в эту комнату, Молли всякий раз представляла дорогое грустное лицо на подушке, очертания фигуры под одеялом. Девочка не боялась подобных видений – напротив,

ценила их как напоминание об облике матери. С полными слез глазами она поднималась следом за мисс Браунинг, чтобы увидеть спальню в новом убранстве. Изменилось почти все: положение кровати, цвет мебели. Появился новый большой туалетный стол со стеклом на поверхности вместо примитивного комода с наклонным зеркалом, верой и правдой служившего маме во время недолгой замужней жизни.

– Надо все тщательно подготовить для леди, которая провела так много времени в особняке графини, – заметила теперь уже вполне смирившаяся с женитьбой доктора мисс Браунинг.

Приятная работа по обновлению дома соответствовала ее вкусам и наклонностям.

– Мебельщик Кромер пытался убедить меня купить диван и письменный стол. Эти торговцы готовы на все, лишь бы продать побольше вещей. Но я ответила: «Нет-нет, Кромер. Спальни предназначены для сна, а гостиные – для приятных бесед. У всего есть своя цель, так что даже не пытайтесь ввести меня в заблуждение». Да, если бы матушка поймала нас с Фиби в спальне днем, то отругала бы не на шутку. Вещи для игр на улице мы хранили в специальном шкафу внизу, а руки мыли в специально для этого отведенном аккуратном местечке. Подумать только: запихивать в спальню диван и стол! В жизни о таком не слышала. К тому же сто фунтов не бесконечны. Боюсь, в твоей комнате, Молли, ничего сделать не смогу!

– Чему я очень рада, – весело отозвалась девушка. – Почти все в ней сохранилось в том же виде, как при маме, когда они жили здесь с моим двоюродным дедушкой. Ни за что бы не согласилась что-нибудь изменить. Очень люблю свою комнату.

– Опасность не грозит, так как деньги заканчиваются. Кстати, Молли, тебе купят платье подружки невесты?

– Не знаю, как-то не думала об этом, как и о том, что буду подружкой.

– Непременно поговорю об этом с мистером Гибсоном.

– Пожалуйста, не надо. Сейчас у него и без меня большие расходы. К тому же я, если бы мне позволили, с радостью не пошла бы на свадьбу.

– Глупости, дитя. Весь город будет обсуждать это событие, ради отца тебе придется участвовать в церемонии и хорошо выглядеть.

Мистер Гибсон хоть ничего и не сказал дочери, поручил будущей жене подобрать платье для Молли, и скоро из столицы графства приехала модистка и привезла с собой простой и элегантный наряд. Платье сразу очаровало мисс Гибсон, а когда его подогнали по фигуре, девушка устроила для мисс Браунинг показательную примерку. Прежде чем спуститься в гостиную, она подошла к зеркалу и едва ли не испугалась собственного преображения. «Неужели я? Какая хорошенькая! Конечно, все дело в платье. Бетти сказала бы, что в красивых перьях любая птичка хороша».

С румянцем смущения представ перед хозяйками, Молли встретила восторженный прием.

– Честное слово! Ни за что бы тебя не узнала!

«В красивых перьях», – подумала Молли, чтобы обуздать проснувшееся тщеславие.

– Ты по-настоящему красива. Правда, сестра? – воскликнула мисс Фиби. – Право, дорогая, если бы всегда так одевалась, то выглядела бы лучше своей мамы, которую все считали очень хорошенькой.

– Да, так и есть, хотя ты совсем на нее не похожа: копия отца, – а белый цвет всегда выгодно оттеняет смуглую кожу, – вставила старшая сестра.

– Но разве она не красавица? – не сдавалась мисс Фиби.

– Даже если так, в этом заслуга Провидения, а вовсе не ее собственная. Да и модистке надо отдать должное. Что за восхитительный муслин! Наверняка стоит немало!

Вечером накануне свадьбы мистер Гибсон и Молли отправились в Эшкомб в единственной в Холлингфорде желтой почтовой карете. Им предстояло стать гостями мистера Престона,

а точнее, самого милорда, в главном особняке поместья. Особняк вполне соответствовал своей репутации и очаровал Молли с первого взгляда. Каменное, со множеством фронтонов и разделенных средниками окон здание украшал виргинский плющ и яркие плетистые розы. Молли впервые увидела мистера Престона: управляющий стоял на пороге и встречал гостей – и тут же ощутила себя юной леди, поскольку даже не догадывалась, что он награждает комплиментами и одаривает кокетливыми взглядами каждую женщину моложе двадцати пяти лет. Мистер Престон был очень привлекательным мужчиной и прекрасно сознавал это. Светлокожий, с гривой каштановых волос и бакенбардами, блуждающими серыми глазами в окружении темных ресниц, он обладал к тому же прекрасной фигурой благодаря активным занятиям спортом, что обеспечило ему доступ в высшие круги общества. Он превосходно играл в крикет, а стрелял настолько метко, что любое уважающее себя семейство считало за честь пригласить его на охоту двенадцатого августа и первого сентября.²³ В дождливые дни мистер Престон учил молодых леди играть в бильярд, а при необходимости мог один отправиться в лес и добыть дичь. Молодой человек знал наизусть множество театральных пьес и был незаменим в постановке их на местной сцене. Для флирта с Молли у него имелись особые причины. Во-первых, пока вдова жила в Эшкомбе, он изрядно с ней развлекался, а теперь хотел, чтобы она увидела контраст между ним, таким красивым и ухоженным, и немолодым мужем. Во-вторых, мистер Престон питал глубокую страсть к другой – ныне отсутствующей – особе и считал необходимым эту страсть скрывать, а потому, хотя «малышка Гибсон», как он называл ее про себя, была и не столь привлекательна, как дама сердца, решил посвятить ей ближайшие шестнадцать часов.

Управляющий привел гостей в обшитую деревянными панелями гостиную, где весело трещал камин, а плотные бордовые шторы скрывали и уходящий день, и внешний холод. Стол был уже накрыт к обеду: белоснежная скатерть, сверкающее серебро, хрустальные бокалы, вино и осенний десерт на буфете. И все же мистер Престон счел необходимым извиниться перед Молли за простоту холостяцкого дома и тесноту комнаты, поскольку парадную столовую экономка уже заняла приготовлениями к завтрашнему торжеству. Затем он позвонил и вызвал горничную, чтобы та проводила гостью в ее спальню. Поднявшись, Молли увидела чудесное убранство: дровяной камин, зажженные свечи на туалетном столике, темные шерстяные шторы вокруг белоснежной кровати, расставленные повсюду большие фарфоровые вазы.

– В этой комнате останавливается леди Харриет, когда ее светлость приезжает в особняк вместе с милордом графом, – пояснила горничная и точно рассчитанным движением высекла из тлеющего полена мириады искр. – Помочь вам переодеться, мисс? Я всегда помогаю ее светлости.

Помня, что помимо того платья, в котором приехала, привезла лишь белое муслиновое, Молли поблагодарила добрую женщину и с радостью осталась в одиночестве.

Это называлось обедом? Почти в восемь часов вечера подготовка ко сну казалась занятием более естественным, чем переодевание к выходу. Однако все переодевание, которое она смогла придумать, заключалось в двух дамасских розах за поясом серого шерстяного платья – благо, на туалетном столике стоял большой букет разнообразных цветов. Она даже попробовала приладить алую розу в волосы над ухом. Получилось очень красиво, но слишком кокетливо, и роза вернулась в вазу. Темные дубовые панели во всем доме излучали теплое сияние; в разных комнатах, в холле и даже на лестничной площадке горели каминные. Должно быть, мистер Престон услышал шаги Молли, потому что встретил ее в холле и проводил в маленькую гостиную, откуда, как он пояснил, открывалась дверь в гостиную более просторную. Та комната, где она оказалась, немного напоминала Хемли-холл: желтая атласная обивка семидесяти-, а то и столетней давности, исключительно чистая и хорошо сохранившаяся; огромные индийские шкафы и фарфоровые кувшины с благовониями; ярко пылавший камин, перед

²³ Даты, когда открывался сезон охоты на ту или иную птицу.

которым в утренней одежде стоял отец – такой же мрачный и задумчивый, каким оставался в течение всего дня.

– Эту комнату использует леди Харриет, когда на день-другой приезжает сюда вместе с графом, – пояснил мистер Престон, и Молли постаралась избавить отца от беседы, поспешив уточнить:

– Ее светлость часто здесь бывает?

– Не очень часто. Но верю, что с удовольствием проводит время. Возможно, по сравнению с более формальными порядками в Тауэрс-парке здесь живется свободнее.

– Готова признать, что дом великолепен, – заметила Молли, вспомнив впечатление теплого уюта, а управляющий принял похвалу как комплимент в свой адрес.

– Я боялся, что юная леди сразу заметит все несуразности холостяцкого быта. Чрезвычайно вам признателен, мисс Гибсон. Я по большей части обитаю в той комнате, где будем обедать, а еще в кабинете управляющего, где храню книги и документы, принимаю деловых посетителей.

Наконец сели за стол. Все поданные блюда показались Молли безупречно приготовленными и идеально сервированными, однако не удовлетворяли мистера Престона, который без конца извинялся перед гостями то за недосмотр повара, то за отсутствие должного соуса, постоянно ссылаясь на холостяцкое хозяйство, холостяцкое то, холостяцкое это... Вскоре это слово стало вызывать у Молли раздражение. К тому же ее смущало и расстраивало дурное настроение отца, однако она старалась поддерживать оживленную беседу, всеми силами избегая личной окраски, которую мистер Престон пытался придать всему вокруг. Она не знала, когда следует покинуть джентльменов, но, к счастью, отец подал знак, и мистер Престон проводил ее обратно в желтую гостиную, где долго извинялся за то, что вынужден оставить ее в одиночестве. Молли вздохнула с облегчением и прекрасно провела время, осматривая многочисленные украшения. Среди прочих милых вещиц оказался чудесный шкафчик эпохи Людовика XV со вставленными в полированное дерево чудесными эмалевыми миниатюрами. Когда вошли отец и мистер Престон, Молли стояла возле него со свечой в руке и пристально всматривалась в лица. Отец по-прежнему выглядел озабоченным и встревоженным, даже когда подошел к ней, легонько похлопал по плечу, посмотрел туда, куда смотрела она, и молча удалился к камину. Мистер Престон взял свечу из рук гостыи и галантно разделил ее интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.